

Редакционный совет научного журнала «Вестник НГУ. Серия: История, филология»

Председатель совета серии

В. И. Молодин акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Главный редактор серии

А. С. Зувев д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

С. Г. Скобелев канд. ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционного совета

Х. А. Амирханов акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)

Б. Виола д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)

Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Т. Гланц д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)

А. В. Головнёв чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)

А. Е. Демидчик д-р ист. наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)

А. П. Деревянко акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Ж. Жобер д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

О. Д. Журавель д-р филол. наук, профессор (Институт истории СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Г. Е. Импости д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)

А. К. Киклевич д-р филол. наук, профессор (Варминьско-Мазурский университет, Польша)

С. М. Коткин д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)

В. А. Ламин чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории СО РАН, Россия)

Ока Хироки д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Япония)

Г. Парцингер д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Германия)

Х. Плиссон д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

Пэ Гидон д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)

П. Ратлэнд д-р истории, профессор (Уэслианский университет, США)

И. В. Силантьев д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Тан Чун д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)

Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)

Ю. В. Шатин д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

Редакционная коллегия выпуска «История»

Ответственный редактор

А. В. Дмитриев д-р ист. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь

С. О. Егоров канд. ист. наук (Новосибирский государственный медицинский университет, Россия)

Члены редакционной коллегии

А. Н. Алексеенко д-р ист. наук, проф. (Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан)

В. П. Булдаков д-р ист. наук (Институт российской истории РАН, Москва, Россия)

В. Фудзимото д-р истории, проф. (Осакский университет экономики и права, Япония)

Д. Вулф д-р истории, проф. (Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония)

В. Дённингхаус д-р истории, проф. (Нордост-институт при Гамбургском университете, Люнебург, Германия)

Л. В. Дериглазова д-р ист. наук, проф. (Томский государственный университет, Россия)

С. В. Кондратьев д-р ист. наук, проф. (Тюменский государственный университет, Россия)

А. С. Лавров д-р ист. наук, проф. (Университет Париж – Сорбонна, Париж, Франция)

Г. Г. Пиков д-р ист. наук, д-р культурологии, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Н. Н. Родигина д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный педагогический университет, Россия)

С. Ю. Сапрыкин д-р. ист. наук, проф. (Московский государственный университет, Институт всеобщей истории РАН, Россия)

Д. Смил д-р истории, проф. (Школа истории колледжа королевы Марии Лондонского университета, Великобритания)

И. Халфин д-р истории, проф. (Тель-Авивский университет, Израиль)

Э. Д. Хейвуд д-р истории, проф. (Абердинский университет, Великобритания)

П. Холквист д-р истории, проф. (Пенсильванский университет, США)

В. И. Шишкин д-р ист. наук, проф. (Институт истории СО РАН, Новосибирский государственный университет, Россия)

А. Х. Элерт д-р ист. наук (Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия)

М. Юнге д-р истории (Рурский университет, Бохум, Германия)

Advisory Board of Academic Journal “Vestnik NSU. Series: History and Philology”

Chief of the Advisory Board

V. I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor of the Series

A. S. Zuev Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary of the Series

S. G. Skobelev Candidate of Sciences (History), Docent (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

Kh. A. Amirkhanov Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

B. Viola Doctor of Sciences (History), Professor (University of Toronto, Canada)

E. E. Voytishek Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

T. Glantz Doctor of Sciences (Philology), Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)

A. V. Golovnev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)

A. E. Demidchik Doctor of Sciences (History), Professor (St. Petersburg State University, Russian Federation)

A. P. Derevianko Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

J. Joubert Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

O. D. Zhuravel Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

G. E. Imposti Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Bologna, Italy)

A. K. Kiklevich Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Poland)

S. M. Kotkin Doctor of Sciences (History), Professor (Princeton University, United States)

V. A. Lamin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Oka Hiroki Doctor of Sciences (History), Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)

H. Parzinger Doctor of Sciences (History), Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)

H. Plisson Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Bae Kidong Doctor of Sciences (Archaeology and Anthropology), Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)

P. Rutland Doctor of Sciences (History), Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)

I. V. Silantev Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tang Chung Doctor of Sciences (History), Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)

T. Higham Doctor of Sciences (History), Professor (University of Oxford, United Kingdom)

Yu. V. Shatin Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Editorial Board of the Issue “History”

Executive Editor

A. V. Dmitriev Doctor of Sciences (History) (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary

S. O. Egorov Candidate of Sciences (History) (Novosibirsk State Medical University, Russian Federation)

Board Members

A. N. Alekseenko Doctor of Sciences (History), Professor (S. Amanzholov East-Kazakhstan State University, Ust Kamenogorsk, the Republic of Kazakhstan)

V. P. Buldakov Doctor of Sciences (History) (Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

W. Fujimoto Doctor of Sciences (History), Professor (Osaka University of Economics and Law, Japan)

D. Wolff Doctor of Sciences (History), Professor (Hokkaido University, Sapporo, Japan)

V. Dönninghaus Doctor of Sciences (History), Professor (North-East Institute of University of Hamburg, Lüneburg, Germany)

L. V. Deriglazova Doctor of Sciences (History), Professor (Tomsk State University, Russian Federation)

S. V. Kondratiev Doctor of Sciences (History), Professor (Tyumen State University, Russian Federation)

A. S. Lavrov Doctor of Sciences (History), Professor (Paris-Sorbonne University, Paris, France)

G. G. Pikov Doctor of Sciences (History), Doctor of Culture Science, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

N. N. Rodigina Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation)

S. Yu. Saprykin Doctor of Sciences (History), Professor (Moscow State University, Institute for World History of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation)

J. Smele Doctor of Sciences (History), Professor (Queen Mary's college of London University, United Kingdom)

I. Halfin Doctor of Sciences (History), Professor (Tel Aviv University, Israel)

A. J. Heywood Doctor of Sciences (History), Professor (University of Aberdeen, United Kingdom)

P. Holquist Doctor of Sciences (History), Professor (University of Pennsylvania, Philadelphia, United States)

V. I. Shishkin Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

A. Kh. Elert Doctor of Sciences (History) (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

M. Junge Doctor of Sciences (History) (Ruhr University, Bochum, Germany)

В Е С Т Н И К Н Г У

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2021. Том 20, № 8: История

СОДЕРЖАНИЕ

Всеобщая история

- Быковская А. В.* Культ Артемиды на Боспоре: универсальные черты и локальные особенности 9

Российская история

- Гурьянова Н. С.* Об эсхатологии и религиозности населения России в XVII веке 23
- Штеллнер Ф.* Дворцовые перевороты в России: сравнительная типологизация 34
- Матханова Н. П., Родигина Н. Н.* Репрезентации сельского населения региона в отчетах сибирских генерал-губернаторов второй половины XIX века: крестьянство 49
- Чуркин М. К.* «Найти своих и успокоиться...»: коммуникативное пространство российских переселенческих чиновников как фактор профессиональной адаптации (конец XIX – начало XX века) 61
- Маклюков А. В.* Государственная политика по развитию электроэнергетики на Дальнем Востоке в 1950-х – середине 1960-х годов: условия и особенности реализации 73
- Шелегина О. Н., Запорожченко Г. М.* Исторический контент социокультурных практик в Сибирском регионе в первые десятилетия XXI века 87

Историография

- Кондратьев С. В.* Чарлз Макилвейн, Уоллес Нотстейн и Константин Кузнецов – три «возделывателя поля парламентской истории» в начале XX века (и несравнимое сравнимо) 100
- Шишкин В. И.* Западно-Сибирское восстание 1921 года: забвение, изучение, мемориализация 113

Документальные страницы

<i>Петров С. Г.</i> Богослужение обновленческого митрополита Антонина (Грановского) глазами православного духовенства и монашества	124
Список сокращений	138
Информация для авторов	139

V E S T N I K N S U

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2021, vol. 20, no. 8: History

CONTENTS

World History

- Bykovskaya A. V.* Artemis Cult on Bosphorus: General and Local Features 9

Russian History

- Gurianova N. S.* Eschatology and Religiosity of the People in Russia in the 17th Century 23
- Stellner F.* Palace Coups in Russia: Comparative Typologization 34
- Matkhanova N. P., Rodigina N. N.* The Representations of the Rural Population of the Region in the Reports of Siberian Governor-Generals in the 2nd Half of the 19th Century: The Peasantry 49
- Churkin M. K.* “Find Your Own and Feel Comfortable...”: Communicative Space of Russian Officials of the Resettlement Administration as a Factor of Professional Adaptation (Late 19th – Early 20th Century) 61
- Maklyukov A. V.* The Public Policy of Developing Electric Power Industry in the Far East in the 1950s – mid 1960s: Conditions and Features of Realization 73
- Shelegina O. N., Zaporozhchenko G. M.* Historical Content of Socio-Cultural Practices at the Siberian Region in the 1st Decades of the 21st Century 87

Historiography

- Kondratiev S. V.* Charles McIlwain, Wallace Notestein and Konstantin A. Kuznetsov Are the Three “Cultivators of the Field of Parliamentary History” of the Early 20th Century (And the Incomparable Is Comparable) 100
- Shishkin V. I.* West Siberian Uprising of 1921: Oblivion, Study, Memorialization 113

Documents

<i>Petrov S. G.</i> Church Service of the Renovationist Metropolitan Antonin (Granovsky) through the Eyes of the Orthodox Clergy and Monasticism	124
List of Abbreviations	138
Instructions to Contributors	139

Научная статья

УДК 94(3)

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-8-9-22

Культ Артемиды на Боспоре: универсальные черты и локальные особенности

Александра Викторовна Быковская

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Москва, Россия

a_bykovskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0149-399X>

Аннотация

Рассматриваются варианты культа богини Артемиды, характерные для религиозной жизни боспорян. На акрополе Пантикапея богиня почиталась начиная с древнейшего периода существования поселения. Как и в других уголках античного мира, поклонение богине принимало на Боспоре различные формы, однако особо востребованными оказались архаические сакральные представления, воплощенные в таких ипостасях богини, как Владычица зверей и Тавропола. На первый план выступила связь Артемиды с первозданной природой и производительными силами, способность богини контролировать естественные процессы в жизненном цикле. Значительную роль в столице государства играл культ могущественного женского божества Артемиды-Гекаты с чертами Великой богини, ярко выраженными апотропеическими функциями, имеющий коннотации, связанные с загробным миром и магией.

Ключевые слова

Артемиды, Геката, Артемиды Эфесская, Пантикапей, Пифия, Дитагойя, Боспор

Для цитирования

Быковская А. В. Культ Артемиды на Боспоре: универсальные черты и локальные особенности // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 8: История. С. 9–22. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-8-9-22

Artemis Cult on Bosphorus: General and Local Features

Aleksandra V. Bykovskaya

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russian Federation

a_bykovskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0149-399X>

Abstract

The article studies the Artemis worship on the Bosphorus, including goddess' common and local characteristics. Various religious beliefs related to Artemis had been present in Panticapaeum since its foundation in the 7th century BC due to first Milesian colonists, including apparently Artemis Delphinia and Chitone cults. More recently Artemis of Ephesus and Artemis Piphia cults appeared. Generally Artemis cult contains some archaic elements, among them the Great Goddess (especially in Artemis Tauropolos cult) and the Mistress of Animals features. Those elements were popular in the Bosporan religion, as reflected in unique monuments from the region, such as the statue of goddess with bull skull sitting on the acanthus plant. Hecate cult allegedly entered Panticapaeum from Miletus in Asia Minor version. Gradually in the Hellenistic period there is emerged Artemis-Hecate-Ditagoia cult as a result of several factors, among which were local and Attic influences. Artemis-Hecate as a savior had a strong connection with afterlife and

magic rituals. The next flourishing of Artemis cult occurs in the Mithridates period due to the ruler's support of Greek religion. Nevertheless, the continuity of religious traditions took place. A sanctuary devoted allegedly to Artemis-Hecate was built in the Panticapaeum acropolis, close to the Cybele temple. At this time sacral reliefs with Cybele, Hermes and Hecate became popular throughout the state of Bosphorus. The monuments reflected a scene of the journey into the underworld, and Hecate perhaps acted as a deity of borders and gatekeeper.

Keywords

Artemis, Hecate, Artemis of Ephesus, Panticapaeum, Piphia, Ditagoia, Bosphorus

For citation

Bykovskaya A. V. Artemis Cult on Bosphorus: General and Local Features. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 8: History, pp. 9–22. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-8-9-22

Богиня Артемида в эллинских полисах пользовалась наибольшей популярностью и широко почиталась уже в период архаики [Nilsson, 1998, p. 23; Burkert, 2011, S. 231]. В многогранном культе божества сочетались реликты разных форм первобытной религии, что обусловило его востребованность в античности.

В рамках настоящей работы изучались верования, связанные с Артемидой, которые существовали на территории Боспора. Ранее в исследованиях, посвященных религиозной жизни Боспора, кратко затрагивались отдельные аспекты рассматриваемой темы [Русяева, 2005, с. 262–315], был проведен подробный анализ влияния понтийских культов Артемиды на боспорские сакральные представления [Сапрыкин, 2009, с. 318–409]. В задачи текущей работы входит выявление основных характеристик боспорского культа Артемиды, как общих для греческой религии, так и специфических для данного региона. При этом внимание акцентируется на сакральных представлениях жителей Пантикапея как культурного центра государства. Предметом особого рассмотрения стала гипотеза о длительном поклонении в столице Боспора Артемиде в ипостаси Гекаты [Толстиков, 1987; Толстиков, Муратова, 2017].

С одной стороны, сакральная фигура Артемиды представляет собой результат развития анимистических представлений, одухотворения и отождествления явлений природы. Греческая Артемида властвовала на территории природных ландшафтов, за чертой полиса и цивилизованной жизни (в лесах, горах, на озерах и болотах). Характерна для богини связь с пресными водоемами, дикой растительностью и плодородием земли. Нимфы, божества отдельных природных объектов, составляют ее постоянную свиту. А сам культ Артемиды объясняется как результат трансформации в народных верованиях фигуры главной нимфы, одной из множества, в могущественное божество [Nilsson, 1998, pp. 16–17].

Помимо растительности у Артемиды в подчинении весь мир диких животных, она защищает зверей и покровительствует их детенышам, при этом являясь жестокой и кровожадной богиней охоты. В этом аспекте отражена преемственность божеств первобытных культур охотников и собирателей [Larson, 2007, p. 101]. В эволюции данного сакрального образа одно из промежуточных звеньев – минойско-микенская Владычица зверей, предшественница Артемиды. Владычица изображалась стоящей, с двух сторон окруженной симметрично расположенными фигурками покорных диких животных. Композиция выразительно передает могущество богини, ее власть над природой. Иконография заимствована с Востока, в греческой религии ее унаследовала преимущественно Артемида и в меньшей степени ряд других богинь [Burkert, 2011, S. 231].

Эпитеты Артемиды, связанные с ее древними функциями, – Ἀρροτέρη («Охотница», «Дикая» или «Сельская») и Πότνια Θηρῶν («Владычица зверей»), засвидетельствованы у Гомера (Ном. II. 21.470–471). Однако уже в «Илиаде» наблюдается трансформация образа дикого кровожадного архаического божества в трепетную целомудренную деву-охотницу (Ном. II. 21.470–471). Для классической эпохи наиболее характерна и узнаваема иконография Артемиды в образе юной охотницы в коротком хитоне с луком и колчаном стрел, в сопровождении олененка или лани, а также собаки. Вместе с тем изображения богини в античности достаточно разнообразны. Священными животными богини считались олень (лань), дикий кабан

или медведь, в жертву приносили диких животных, козу. Артемида заняла постоянное место в пантеоне олимпийских богов, стала частью божественной семейной триады совместно с Лето и Аполлоном, а также богиней луны [Burkert, 2011, S. 232].

С другой стороны, в основе культа Артемиды лежат представления о Великой богине, Матери всего сущего, имеющей власть над жизнью и смертью. Это верховное женское божество, которое находится за рамками дихотомии небесных и хтонических богов, поскольку выступает хозяйкой всех уровней мироздания. Ряд исследователей указывает на малоазийское происхождение Великой матери, опираясь на материал раскопок неолитического поселения Чатал-Хююк (изображения женских фигурок и бычьих рогов) [Mellaart, 1967, p. 183]. Иногда в поисках истоков культа обращаются к более древним артефактам: статуэткам палеолитических «венер», ареал распространения которых выходит за рамки Малой Азии [James, 1959, p. 20].

Рядом с Великой богиней присутствует в той или иной ипостаси фигура подчиненного спутника, паредра. Рождение новой жизни мыслится как результат взаимодействия женского и мужского начал, благодаря принесению в искупительную жертву партнера. Паредром Великой богини может выступать жертвенный бык, подтверждением совершенного обряда жертвоприношения – сакральный символ букrania (бычьего черепа).

В греческой религии влияние верований, связанных с Великой богиней и быком, прослеживается в культе Артемиды Тавропопы (Ταυροπόλος – «Едущая на быках», или «Охотящаяся на быков», или «Почитаемая в Тавриде»), который сохранил ярко выраженные архаические черты и также восходит к минойскому наследию. Литературная традиция указывает на существование некогда человеческих жертвоприношений Таврополе. Основание такого жестокого и дикого варианта культа приписывалось таврам, коренному населению Крыма, у которых его заимствовали греки (Herod. IV. 103; Eur. I. A., I. T.). Однако в эллинской религии ритуалы носили более цивилизованный характер, в жертву приносились животные, в некоторых случаях человеческие жертвоприношения замещались обрядами пускания крови. Следует отметить сходство культов Тавропопы и спартанской Артемиды Ортии. Известно, что в честь последней устраивался ритуал бичевания эфебов. Артемида Тавропопы покровительствовала скотоводству и сельскому хозяйству. Соответствующие мотивы присутствуют в иконографии богини. Так, на монетах Амфиополиса Тавропопы изображалась в полове, верхом на быке с факелами в обеих руках [Farnell, 1896, p. 451].

Греки были склонны отождествлять с Артемидой восточных богинь, связанных с охотой, властью над дикими зверями, растительностью, обладающих целомудрием, а также в случае наличия какого-либо сходства с ритуалами Артемиды. Поэтому Артемида ассоциировалась с рядом малоазийских богинь [Ibid., pp. 484–485]. Безусловно, в каждом случае действовал отдельный комплекс причин для отождествления. Вероятно, перечисленные выше архаические черты в культе Артемиды обеспечивали сходство с местными негреческими богинями. Кроме того, божество автохтонного населения местности, куда греки выводили колонию, могло ассоциироваться с Артемидой как хозяйкой девственной природы.

Локальные варианты культа Артемиды имели специфические черты, однако можно выделить некоторые универсальные функции богини. Поскольку Артемида олицетворяла собой дику и непредсказуемую природу, ей приписывался контроль над естественными биологическими процессами в жизни человека, прежде всего за родами и женским здоровьем. Гомер сравнивает богиню с «львицей для женщин», поскольку Зевс предоставил возможность убивать любую из них, какую пожелает (Hom. II. 21.483). Беременные женщины старались задобрить суровую Артемиду: совершались приношения как перед родами, так и после. Нередко в святилища передавали в дар разные предметы одежды, в том числе покрывала, одеяния рожениц. Посвящения Артемиде в благодарность за удачное рождение ребенка засвидетельствованы в разных уголках греческого мира, чаще всего под эпиклезой Лохии (Родовспомогательницы) либо Илифии (богиня родовых мук Илифия, присутствие которой необходимо

для разрешения роженицы от бремени, в некоторых локальных культах выступала как ипостась Артемиды либо Геры).

Заступница и кормилица для детенышей животных, Артемида считалась защитницей детей до момента их взросления, отсюда ее эпитеты Пайдотрофа и Куротрофа (Детокормилица) [Larson, 2007, pp. 106–108]. В ее честь проводились обряды инициации, связанные с переходом во взрослую жизнь. Родители спрашивали у богини покровительства для потомства. Поэтому терракоты, изображающие детей, молодых юношей и девушек, которые часто встречаются в святилищах богини, могут трактоваться как символическое олицетворение близкого человека, помещенного под защиту божества.

Как показали археологические исследования, апойкия Пантикапей была основана милетскими колонистами в конце VII в. до н. э. [Толстиков и др., 2017, с. 42]. Ранний акрополь располагался на верхнем плато первого кресла горы Митридат. Древнейшее поселение было обнесено мощной оборонительной стеной, внутри построены монументальные наземные здания, что говорит в пользу многочисленности первой волны переселенцев и хорошей организации процесса выведения колонии.

Следует предположить, что первопоселенцами в Пантикапей были привнесены и религиозные культы Аполлона и Артемиды, имевшие большое значение для милетян. Непосредственно в Милете и в Дидимах Артемида почиталась с архаического периода как совместно с Аполлоном, так и отдельно. Милетяне поклонялись Артемиде под разными эпikleзами, достаточно часто посвящения богине содержали теоним без эпитетов [Ehrhardt, 1983, S. 148].

Особым образом в Милете почитали Артемиду Дельфинию, а также Артемиду Хитону. Последняя, согласно легенде, привела мифического милетского основателя Нелея из Аттики на запад Малой Азии (Callim. Hymn. in Dian. 225–227), ее храм присутствовал с VIII в. до н. э. на восточной террасе акрополя архаического Милета (холм Калабак-тепе). Среди останков животных, задействованных в обрядах богини, створки раковин съедобных моллюсков составляют 89 %, что является уникальным для греческого святилища¹. Поскольку богине приписывалась способность указывать правильную дорогу, культ Артемиды Хитоны мог быть востребованным у переселенцев из Милета.

Скудность материала, относящегося к древнейшим слоям Пантикапея, не позволяет сделать однозначные выводы о пантеоне первых колонистов. Среди находок имеются фрагменты терракот, за образами которых стоят определенные сакральные представления, в том числе о женских божествах. Найденные на территории раннего акрополя образцы коринфской и лаконской керамики, предположительно, ритуального назначения, могут свидетельствовать о проведении обрядов в честь Артемиды (показательны миниатюрная котила с изображением собак, арибаллы с рисунками мифологических сцен, животных, амфориск, фрагмент лакайны, аналогии которой происходят из святилища Артемиды Ортии в Спарте) [Толстиков и др., 2017, с. 151–153]. Вполне вероятно, что культ Артемиды в своих архаических чертах (например, в ипостаси Владычицы зверей) был близок к божествам, которым поклонялось местное население, предшествовавшее эллинам или с ними соседствовавшее [Сапрыкин, 2009, с. 322].

По археологическим данным, в 40-х гг. VI в. до н. э. поселение было разрушено пожаром, вызванным нападением противника, после чего начались восстановительные работы. На Верхнем плато акрополя происходит архитектурное оформление теменоса с алтарями, votivными сооружениями и храмами, изначально небольшого размера, которые были посвящены богам-покровителям колонистов [Толстиков и др., 2017, с. 16].

К этому периоду относится ряд находок, связанных с почитанием Артемиды. С территории раннего теменоса происходит ручка от бронзового инфундибулума с посвящением Артемиде Эфесской от дедиканта с ионийским именем Сон [Виноградов, 1974; Трейстер, 1990].

¹ The Sanctuary of Artemis Chitone and the Early Classical Settlement on the Eastern Terrace of the Kalabaktepe in Miletus. URL: <https://www.oeaw.ac.at/en/oeai/research/cult-and-sanctuary/miletus-the-sanctuary-of-artemis-chitone> (дата обращения 03.01.2021).

Датировка надписи – не позднее третьей четверти VI в. до н. э. К этому же культу может относиться обнаруженный неподалеку мраморный светильник храмового типа с узкой датировкой (625–575 гг. до н. э.), прямые аналогии которому найдены в храмах Артемиды в Эфесе и на Самосе [Толстиков, Муратова, 2013, с. 176–193].

Культ Артемиды Эфесской малоазийского происхождения – результат отождествления греческой Артемиды с местным женским божеством, в котором угадываются черты Великой богини. Богиня являлась верховным божеством Эфеса, его могущественной патронессой, обладавшей универсальными функциями (Paus. IV, 31.8) [Farnell, 1896, pp. 480–482]. Подобно греческой Артемиде, она отвечала за растительные силы природы и плодородие в целом. Культ Артемиды Эфесской как спасительницы и защитницы от внешних угроз был заимствован многими греческими городами, основанными ионийцами.

Первопоселенцы Пантикапея после разрушительной катастрофы, случившейся в середине VI в. до н. э. в результате нападения варваров, могли апеллировать к эфесской богине как к заступнице, которая гарантировала бы общине дополнительную защиту от врага. Вероятно, из Эфеса были привезены культовое изображение, сакральный инвентарь для проведения обрядов (в том числе мраморный светильник). Можно выдвинуть гипотезу, что для отправления культа был воздвигнут отдельный храм на акрополе Пантикапея.

Культ Артемиды Эфесской для городской общины Пантикапея имел большое значение, сохранялся на протяжении длительного периода и распространился по территории Боспорского государства. Об этом свидетельствуют votives, относящиеся к IV в. до н. э. Из Пантикапея происходит надпись о посвящении богине алтаря, предположительно, жрицей, а также надпись на постаменте, который некий дедикант посвятил богине за дочь. Votives исполнены из мрамора, в обеих надписях присутствует полная титулатура эпонимов – правителей Боспора (Левкона I и Перисада I), что указывает на высокое положение дедикантов, не исключена их принадлежность к правящей династии Спартокидов (КБН, 1965. № 6а, 11). Посвящение богине IV в. до н. э. на мраморной плите обнаружено и на территории Горгиппии (КБН, 1965. № 1114). Этим же веком датируется надпись из Тамани на ножке мраморного кресла о посвящении Артемиде статуи жрицей (КБН, 1965. № 1040). По одной из версий, это дар Артемиде Эфесской, по другой, надпись относится к заимствованному из Аттики культу Артемиды Агротеры, в честь которой в Фанагории в середине IV в. до н. э. был построен храм (КБН, 1965. № 1014).

Таким образом, Артемиде Эфесской, богине-спасительнице пантикапейской городской общины, при первых Спартокидах продолжали воздаваться почести, она была включена в официальный пантеон Боспора. С III в. до н. э. эпитет «Эфесская» в надписях не встречается. Можно предположить, что культ эфесской богини потерял государственную поддержку и утратил свое значение по мере увеличения популярности другого могущественного женского божества – Афродиты Урании Апатуры, покровительницы династии Спартокидов.

С почитанием Артемиды также связывают происходящее с территории древнейшего теменоса votivное приношение – край аттического чернофигурного скифоса с миниатюрной росписью во фризе с нанесенным граффито первой половины VI в. до н. э. Полностью в надписи сохранилась только эпikleза «Пифия» в ионийской форме [Толстиков и др., 2017, с. 16]. Под этим эпитетом почиталась Артемиде, культ присутствовал в Милете и имел тесную связь с культом Аполлона. Не исключено, что в архаическом Пантикапее Артемиде Пифия была востребована как советчица в государственных и частных делах, не характерная для богини функция была приобретена под влиянием Аполлона. На Боспоре в более поздние периоды эпikleза не засвидетельствована.

Как показывают находки, уже с архаического периода культ Артемиды в вариациях присутствовал в сакральном центре общины – на пантикапейском акрополе. Богиня под отдельными эпikleзами могла почитаться как в собственном храме, так и совместно с Аполлоном или другими женскими божествами. О продолжающейся традиции поклонения богине свидетельствуют и более поздние артефакты: фрагменты статуй из Верхнего плато с иконогра-

фией, характерной для Артемиды [Толстиков, 2015, с. 276, 278], найденная на северном склоне известняковая плита с посвящением Артемиде IV в. до н. э., предположительно, от жертвенника или пьедестала для статуи (КБН, 1965. № 12). Этим же веком датируются граффити на обломках чернолаковой керамики, обнаруженные на горе Митридат, которые могут быть посвящениями Артемиде (Гекате) [Шауб, 2010, с. 299]. Не исключено, что это теофорные имена, широкое распространение которых говорит в пользу популярности божества.

С культом Артемиды связывают терракотовую женскую статуэтку с луком и оленем коринфского производства конца VI – начала V в. до н. э. из Пантикапея (САИ, 1974. Табл. 3.3). Следует учесть, что в греческой коропластике изображения богини с этими атрибутами встречаются редко, поэтому их малочисленность объяснима. Многогранная сущность Артемиды нашла воплощение в разных типах иконографии (в образе владычицы зверей, богини на троне, стоящей коры, божества в калафе с растительными мотивами, девы-факелоносицы, куротрофы), значительная часть обнаруженных в святилищах вотивных фигурок неспецифического облика (изображения женщин, детей, животных) [Farnell, 1896, pp. 520–548].

Универсальные функции Артемиды как богини плодородия и родов, защитницы детей могли обусловить ее популярность у широких слоев населения. Из детской гробницы некрополя Пантикапея происходит импортная терракота Артемиды с ланью и плодом граната в руках V в. до н. э. (САИ, 1974. Табл. 5.4). Образ божества был размещен в погребении не случайно, вероятно, богиня-пайдотрофа должна была обеспечить умершему ребенку покровительство и защиту в загробном мире, а гранат в ее руках рассматривался как символ бессмертия и возрождения. В этой же гробнице найдены фигурки сидящей на троне женщины и матери с ребенком (САИ, 1974. Табл. 7.1, 15.3), возможно, воплощение образа скорбящей матери, который служил гарантией дополнительной защиты для ребенка. Интересно, что терракота Артемиды прежде могла служить моделью для формы – фигурка сплошная, с резкой моделировкой, без обмазки или отделки, сильно обожжена.

Фрагментированная надпись IV в. до н. э. на постаменте из Нимфея, приписываемая Комосарии, супруге Перисада I, посвящена богине с эпитетом «Илифия», наиболее характерным для Артемиды [Виноградов, 1999, с. 20]. Вероятно, это посвященный дар богине в связи с рождением ребенка. Вместе с тем адресатом надписи могла выступать как богиня Гера, так и непосредственно богиня родов Илифия.

В боспорском культе Артемиды, помимо общехарактерных, вырисовываются специфические черты. По-видимому, в сакральных представлениях боспорян особое значение имели те идеи и образы, которые относились к архаическим пластам верований, связанных с Артемидой. Похожие черты можно наблюдать в культах Артемиды Ортии, Таврополю, Бравронии. На Боспоре востребованной и приоритетной оказалась исконная ипостась древнего божества, в которой богиня выступала в качестве повелительницы животных и вегетации, контролирующей все стадии жизненного цикла, могущество которой распространялось и на посмертное существование человека.

Такие выводы можно сделать на основании ряда не имеющих аналогий сакральных изображений, происходящих с территории Пантикапея, которые соотносятся в первую очередь с Артемидой, возможно ассоциированной с варварским божеством. На восточном склоне Митридата был найден фрагмент (нижняя часть) мраморной статуи богини в хитоне и плаще с букранием в руках, сидящей на побеге аканфа (высота фрагмента 49 см) с датировкой не позднее II в. до н. э. Иконография памятника уникальна: в композиции сочетаются символ жертвы (букраний) и символ возрождения (аканф), данная семантика подразумевает также власть богини над животным и растительным миром. Детали изваяния позволяют предположить, что это культовая статуя (агальма), которая была задействована в сакральных обрядах [Савостина, 2012, с. 214–221]. Памятник связывают с божеством природного цикла, прежде всего с Артемидой Таврополой [Сапрыкин, 2009, с. 352] либо с Артемидой в эпиклезе Бусбатос (βοῦς – «бык», βύτος – «кустарник»), засвидетельствованной во Фракии [Савостина, 2012, с. 214–221].

Следует отметить, что культовая связь Артемиды с жертвоприношением быка, вероятно, отражает не дошедшую до нас местную боспорскую мифологическую традицию, сохранявшуюся в течение продолжительного периода. Косвенным подтверждением может служить роспись пантикапейского склепа II в. н. э., в которой Артемида представлена верхом на быке, а Аполлон – на грифоне [Скржинская, 2011, с. 106].

Растительная тема присутствует в терракотовом бюсте богини III в. до н. э., поднимающейся из листьев аканфа (САИ, 1974. Табл. 16.4). На голове богини – фригийская шапка с растительными побегами. Терракота найдена в погребении. Как сама ее форма (погрудное изображение ассоциируется с анодом – «прорастанием» хтонического божества из-под земли), так и вегетативная символика могут быть связаны с темой посмертного существования, гарантией новой жизни после смерти.

Семантика Древа жизни, также близкая Артемиде в ее архаической ипостаси, воплощена в другом памятнике – статуе-полуфигуре «змееногой» богини (двустороннем акротерии) I–II вв. н. э. Памятник изображает женскую фигуру, «прорастающую» завитками аканфа с плодами, с фрагментированной растительной «коронай» на голове [Кучеревская, 2016, с. 45; Савостина, 2012, с. 264–274].

Рассмотренные источники позволяют сформулировать вывод о существенной роли в боспорском культе Артемиды архаических пластов, связанных с сакральными представлениями о Великой богине, Матери всего сущего, воплощении производительных сил природы, дающей жизнь и смерть. Безусловно, мы имеем дело с одним из проявлений сложного многостороннего феномена боспорской культуры, сформировавшегося под воздействием ряда факторов [Виноградов, 2000, с. 119–122]. Среди таких факторов отметим влияние культа верховного женского божества варваров, соседствовавших с греками-колонистами и проникших на территорию Боспора. В первую очередь речь идет о носителях культур скифского типа, при этом важную роль в распространении верований могли играть женщины из числа местной знати [Шауб, 2010, с. 353–357].

Образ олимпийской богини-охотницы Артемиды, сформировавшийся к эпохе классики, не подразумевает хтонических коннотаций. Традиционно с загробным миром, луной, суевериями и магией ассоциируется Геката, которая была отождествлена с греческой Артемидой в V в. до н. э. в качестве ее хтонической ипостаси [Burkert, 2011, S. 263].

В историографии наиболее вероятным считается малоазийское происхождение Гекаты. В карийской Лагине Геката совместно с локальным вариантом Зевса почиталась как верховное божество, обладавшее апотропеическими функциями [Larson, 2007, p. 165]. Самые ранние свидетельства поклонения Гекате относятся к эллинистическому времени, однако культ существовал задолго до того, а в его основе верования, связанные с малоазийской Великой богиней [Моопеу, 1971, p. 11].

Греки переняли культ Гекаты уже в архаический период. Богине посвящен отдельный пассаж «Теогонии» Гесиода VIII–VII вв. до н. э., в котором представлен портрет, весьма отличающийся от зловещего образа, традиционного для классического периода. Отсутствуют какие-либо намеки на связь богини с магией. Геката выступает в качестве благодетельного божества, наделенного широкими полномочиями на земле, на небе и на море. Геката почитается другими богами, сама же подчиняется только Зевсу, способна благодетельствовать любого смертного (богатством, в состязаниях, в народном собрании, на войне, на охоте, в морском плавании), ей доверена забота о детях (Hes. Th. 410–452). Описанный в «Теогонии» портрет Гекаты соответствует характеристикам малоазийского культа богини, заимствованного греками [Ibid., pp. 82–83]. Коррелирует с этим образом иконография самой ранней (VI в. до н. э.) дошедшей до нас терракотовой статуэтки Гекаты из Афин в виде сидящей на троне богини без атрибутов [Farnell, 1896, pp. 549–551].

В гомеровском гимне «К Деметре» VI в. до н. э. нарисован другой образ богини, возникший в результате трансформации культа в греческой религии (Hym. H. 2. 25, 50–61, 438–440). Здесь Геката – второстепенный персонаж, дева с нежным образом мыслей, наперсница Пер-

сефоны в ее путешествии между земным миром и царством Аида. Богиня ассоциируется с луной и подземным миром, проступают хтонические черты культа [Mooney, 1971, p. 79–81]. Геката предстает на пути перед скитающейся Деметрой. В руках у нее зажженный факел, превратившийся впоследствии в ее постоянный атрибут.

Так, постепенно в греческой религии начинает формироваться привычный образ Гекаты – проводницы в загробный мир, богини границ, перекрестков и состояний перехода в целом. Источники классического периода, преимущественно аттического происхождения, передают портрет зловещего божества, блуждающего по ночам с факелами в сопровождении собак, достаточно могущественного для отвращения злых духов в путешествии между миром живых и мертвых [Ibid., p. 74]. Сохранив исконные апотропеические функции, культ Гекаты приобрел новые аспекты. В сфере влияния богини воздействие лекарственных и ядовитых трав. Ей как хтоническому божеству адресовали магические заклятия. Гекату стали ассоциировать с фессалийской богиней Энодией, покровительницей магии и колдовства, при этом не исключено, что связь с оккультизмом перешла к Гекате от последней (в малоазийском культе богини такие коннотации отсутствовали) [Larson, 2007, p. 166]. К функциям Артемиды-Гекаты в Аттике относился контроль за родами женщин (Aesch. Supp. 676–77).

Иконография богини в виде трех соединенных статуй, ориентированных на разные стороны (гекатейон), была создана в V в. до н. э. афинским скульптором Алкаменом [Farnell, 1896, pp. 551–554]. Трудно определить, какая семантика воплощена в троичном образе богини: контроль над тремя уровнями мироздания, наглядное представление важных функций (отсюда атрибуты – факел, ключ, кинжал или змея) либо способность обеспечивать защиту на перепутье трех дорог. Гекатейоны устанавливались на перекрестках, перед входом в частные дома или общественные здания и выполняли охранительные функции. К Гекате обращались с молитвами о защите преимущественно женщины. Отличительной особенностью обрядов Гекаты, а также Артемиды в ипостаси Гекаты были жертвоприношения собак, в том числе для ритуалов очищения. Принесение этого животного в жертву является нетрадиционным для греческой религии [Farnell, 1986, p. 508].

Свидетельства почитания Гекаты зафиксированы также в Пантикапее. Высока вероятность, что своим появлением на территории Боспора богиня обязана милетским первопоселенцам [Шауб, 2010, с. 301]. Присутствие Гекаты, заимствованной из карийской Лагины, в пантеоне Милета подтверждено надписями, относящимися к разным периодам. Круглый алтарь в честь богини был установлен перед пританеем не позднее начала V в. до н. э., святилище располагалось у городских ворот, культовые знаки – на территории священной дороги. Вышеизложенное позволило исследователям сделать вывод о тесной связи Гекаты с культом Аполлона Дельфиния, а также о важной роли богини в качестве охранительницы дверей и ворот. Эта функция была характерна и для лагинского культа, в эллинской религии отражена в эпиклезах «Пропилейя» (Προπύλαια – «Привратница»), а также «Клейдухос» (Κλειδοῦχος – «Хранительница ключей»). Следует добавить, что из Дидим происходят две архаические статуи сидящих богинь с посвящением Гекате, с ней же соотносится образ куротрофы на посвятельном рельефе IV в. до н. э. [Ehrhardt, 1983, S. 173–75, 476].

Однако сделать однозначный вывод о присутствии Гекаты в архаическом Пантикапее не представляется возможным – эпиграфические памятники отсутствуют, а специфическая иконография богини еще не сложилась. К культу Гекаты могли относиться как статуэтки богини на троне, так и фигурки куротроф, обнаруживаемые в Пантикапее в достаточном количестве. В этой связи представляет интерес помещенная в детское погребение терракотовая композиция, изображающая трех богинь идентичного облика, сидящих на скамье (САИ, 1974. Табл. 5.2).

О популярности Гекаты на территории Боспора в последующие периоды косвенно свидетельствуют теофорные имена III–I вв. до н. э. (КБН, 1965. № 103, 121, 130, 1137). Имя Гекатей носил царь синдов, живший в начале IV в. до н. э. Ритуальные захоронения собак, встре-

чающиеся в городах европейского Боспора уже с V в. до н. э., также могут быть интерпретированы как жертвоприношения Гекате [Молева, 2002].

Прямым доказательством является обнаруженный на территории предполагаемого теменища мраморный алтарь цилиндрической формы в трех фрагментах с посвятельной надписью некоего Бафила Гекате, названной владицей Спарты. Надпись датируется III в. до н. э. (КБН, 1965. № 22). Предполагается, что дедикант прибыл в Пантикапей из Спарты с торговыми целями. Следует отметить, что в религиозной жизни спартанцев большую роль играл культ Артемиды Ортии, сложившийся на основании локальных архаических верований в результате отождествления Артемиды с местным божеством. По всей видимости, адресатом пантикапейской надписи являлась боспорская Артемиды с эпитетом Гекаты, ассоциированная со спартанской богиней благодаря сходству культов. Кроме того, согласно мифологической традиции, идол Артемиды Ортии был привезен Орестом из Таврии (Paus. III. 6–7). Отождествление с могущественным божеством спартанцев свидетельствует о значимой роли Артемиды-Гекаты в пантеоне боспорян и наличии архаических черт в ее культе.

Однако элементы, появившиеся в аттическом культе Гекаты в классический период, также присутствовали на Боспоре. К Гекате как хтоническому божеству обращались за помощью в магических практиках: известны примеры боспорских заклятий V–IV вв. до н. э., адресованных Гекате [Белоусов, Федосеев, 2016]. На северном склоне горы Митридат еще до революции было обнаружено святилище Гекаты, представлявшее собой мраморную нишу с трехсторонней колонкой с тремя женскими головами, устроенное не ранее эпохи Спартокидов [Блаватский, 1951, с. 20]. С территории Пантикапея происходит мраморная статуэтка трехтелой Гекаты классической иконографии, датируемая концом I в. до н. э. – I в. н. э. [Кучеревская, 2016, с. 36].

Следующая важная находка, локализованная на сакральном участке Верхнего плато Митридата, – крышка мраморного стола-алтаря-трапедзы с посвящением скифской царевны Сенамотис за царя Перисада V богине с уникальной эпиклезой «Дитагойя» третьей четверти II в. до н. э. [Виноградов, 1987; Толстиков, 1987]. Предполагается, что это одна из эпиклез богини Артемиды-Гекаты, к которой представительница боспорской знати обратилась как к богине-охранительнице с целью защиты царя и царской династии. Потертость фасада стола свидетельствует о его длительном использовании.

По всей видимости, стол в определенный момент был вмонтирован в нишу святилища, датируемого более поздним периодом (не ранее I в. до н. э.). Культовые помещения состояли из двух вырубленных в скальном массиве камер на северном склоне Верхнего плато, отделанных мрамором. Не исключено, что сакральный комплекс был построен на месте более раннего – часть плит его облицовки использована вторично. Следует добавить, что вблизи был найден мраморный архаический светильник храмового типа, описанный в предыдущей главе. По одной из гипотез, святилище было посвящено хтонической Артемиде-Гекате, на это указывают находки фрагментов статуи женского божества в образе Великой Ловчей-Охотницы, а также статуй меньших размеров, повторявших эту композицию, фрагмента гекатейона и статуи Приапа, почитавшегося вместе с Гекатой в ряде городов Малой Азии [Толстиков, 1987, с. 106–107]. Принадлежность святилища Артемиде подтверждает обнаружение неподалеку от него прямоугольной мраморной базы с посвятельной надписью Фарнака Артемиде Советнице середины I в. до н. э. (КБН, 1965. № 28).

На основании вышесказанного, можно сделать вывод о новом расцвете культа Артемиды в Пантикапее в конце II – начале I в. до н. э. Внешним стимулом для этого могла быть политика Митридата по поддержке традиционных греческих культов. Вместе с тем приведенные источники свидетельствуют о консервации архаических представлений, характерных для боспорского культа Артемиды в предыдущие периоды, и о преемственности верований. В результате получился синкретический полифункциональный культ богини-защитницы, воительницы, владицы дикой природы, связанной с плодородием, с возрождением жизни после смерти, залогом которого является искупительная жертва [Сапрыкин, 2009, с. 324].

Возможно, именно это божество фигурирует под именем Партенос в одной из боспорских манумиссий II в. н. э. (КБН, 1965. № 74).

Начиная с рубежа веков на Боспоре распространяются и приобретают особую популярность сакральные рельефы, изображающие Кибелу, Гермеса и Гекату – факелоносицу [Толстиков, Муратова, 2017]. Вероятно, сюжет отображает тему финального этапа путешествия в потусторонний мир, где Кибела выступает в роли хозяйки, Гермес – проводника, а Геката в качестве лиминального божества выполняет функции как привратницы перед входом в подземное царство, так и охранительницы тех, кто подошел к последней границе, разделяющей миры. Можно предположить, что сакральные рельефы с подобным сюжетом были связаны с некими таинствами, бытовавшими на Боспоре. В этой связи следует отметить, что на Верхнем плато Митридата позднеэллинистическое святилище Артемиды-Гекаты соседствовало с храмом Кибелы.

Кульст Артемиды пользовался популярностью в Пантикапее с самого его основания и был распространен на всей территории Боспорского государства. Богиню почитали под разными эпikleзами, ее иконография варьировалась, в сфере влияния богини находились разнообразные аспекты повседневной жизни и связь с потусторонним миром.

В Пантикапее большое значение имел культ хтонического женского божества Артемиды-Гекаты-Дитагойи, сформировавшийся в результате воздействия ряда факторов, в том числе влияния малоазийских женских культов, верований автохтонного негреческого населения, а также религиозных представлений, заимствованных из Аттики классического периода. Артемида почиталась на акрополе Пантикапея в качестве богини плодородия, обладающей охранительными функциями, связанной с потусторонним миром и магическими ритуалами. Кульст существовал в течение длительного времени вплоть до рубежа эр, когда начинается процесс синкретизации религиозных представлений.

С одной стороны, представленная картина верований характерна для греческой религии, в которой Артемида является одним из самых распространенных божеств. С другой – могут быть обозначены определенные предпочтения боспорян в сакральной сфере: консервация архаических элементов культа, востребованность фигуры великого женского божества с апо-тропеическими функциями, исключительный интерес к теме посмертного существования.

Список литературы

- Белоусов А. В., Федосеев Н. Ф. Новое defixio из античного некрополя Пантикапея // ВДИ. 2016. № 1. С. 135–140.
- Блаватский В. Д. Материалы по истории Пантикапея // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. 1951. Вып. 19. С. 20.
- Виноградов Ю. Г. Прохус Минииды из Пантикапея // ВДИ. 1974. № 4. С. 56–67.
- Виноградов Ю. Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н. э. // Вестник древней истории. 1987. № 1. С. 55–87.
- Виноградов Ю. Г. Вотив Комосарии из Нимфея // Боспорский город Нимфей. СПб., 1999. С. 20.
- Виноградов Ю. А. Феномен Боспорского государства в отечественной литературе // Stratum plus. 2000. № 3. С. 98–128.
- Кучеревская Н. Л. Каменная летопись Боспора. Лапидарная коллекция. Каталог. Керчь: Восточно-Крымский ИКМЗ, 2016. 144 с.
- Молева Н. В. Собака в религиозных представлениях боспорян // Очерки сакральной жизни Боспора. Н. Новгород, 2002. С. 113–116.
- Русяева А. С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху. Киев: Стилос, 2005. 558 с.
- Савостина Е. А. Эллада и Боспор. Греческая скульптура на Северном Понте. Симферополь; Керчь: АДФ-Украина, 2012. 390 с.

- ## Список источников

- ISSN 1816-7919
Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 8: История
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2021, vol. 20, no. 8: History

- Herod. – Herodotus. The Histories. London, New York, W. Heinemann, G. P. Putnam, 1920, vol. 2, 442 p.
- Hes. Th. – Hesiod. Theogony. In: The Homeric Hymns and Homerica. Cambridge, London, 1914. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3atext%3a1999.01.0129> (дата обращения 14.01.2021).
- Hom. Il. – Homer. Iliad. In: Homeri Opera. In 5 vols. Oxford, 1920, vol. 2. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:text:1999.01.0133> (дата обращения 14.01.2021).
- Hom. H. – Hymn 2 to Demeter. In: The Homeric Hymns and Homerica. Cambridge, London, 1914. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3atext%3a1999.01.0137%3ahymn%3d2> (дата обращения 14.01.2021).
- Paus. – Pausanias. Pausaniae Graeciae Descriptio. Leipzig, Teubner, 1903, 510 p. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3atext%3a1999.01.0159> (дата обращения 14.01.2021).

References

- Belousov A. V., Fedoseev N. F.** Novoe defixio iz antichnogo nekropolya Pantikapeya [New Defixio from Antic Panticapaeum Necropol]. *Journal of Ancient History*, 2016, no. 1, pp. 135–140. (in Russ.)
- Blavatsky V. D.** Materialy po istorii Pantikapeya [Materials of Panticapaeum History]. *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya v antichnuyu epokhu* [Archeologic Materials of North Pontic Region in Antiquity], 1951, iss. 19, p. 20. (in Russ.)
- Burkert W.** Griechische Religion der archaischen und klassischen Epoche. Stuttgart, W. Kohlhammer, 2011, 540 S.
- Ehrhardt N.** Milet und seine Kolonien. Frankfurt am Main, New York, Bern, Peter Lang, 1983, 588 S.
- Farnell L. R.** The Cults of the Greek States. Oxford, Clarendon Press, 1896, vol. 2, 341 p.
- James E. O.** The Cult of “the Mother-Goddess”: An Archaeological and Documentary Study. London, Thames and Hudson, 1959, 301 p.
- Kucherevskaya N. L.** Kamenaya letopis' Bospora. Lapidarnaya kollektsiya [The Stone Annals of Bosporus. Lapidary Collection]. Kerch, Vostochno-Krymskii IKMZ, 2016, 144 p. (in Russ.)
- Larson J.** Ancient Greek Cults. A Guide. New York, London, Routledge, 2007, 305 p.
- Mellaart J.** Catal Huyuk. A Neolithic Town in Anatolia. New York, Thames and Hudson, 1967, 232 p.
- Moleva N. V.** Sobaka v religioznykh predstavleniyakh bosporyan [The Dog in Bosporan Sacral Ideology]. In: *Ocherky sakral'noi zhizni Bospora* [Issues of The Bosporus Sacral Life]. Nizhny Novgorod, 2002, pp. 113–116. (in Russ.)
- Mooney C. M.** Hekate: Her Role and Character in Greek Literature from before the Fifth Century BC: A Thesis, Submitted to the Faculty of Graduate Studies in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree Master of Arts. Hamilton, McMaster Uni., 1971, 96 p.
- Nilsson M. P.** Greek Folk Religion. Philadelphia, Uni. of Pennsylvania Press, 1998, 165 p.
- Rusyaeva A. S.** Religiya pontiiskikh ellinov v antichnuyu epokhu [Religion of Pontic Greeks in Antiquity]. Kiev, Stilos Publ., 2005, 558 p. (in Russ.)
- Savostina E. A.** Ellada i Bospor. Grecheskaya skul'ptura na Severnom Ponte [Greece and Bosporus. Greek Sculpture in the Northern Pontus]. Simferopol, Kerch, ADEF-Ukraina Publ., 2012, 390 p. (in Russ.)
- Saprykin S. Yu.** Religia i kul'ty Ponta ellinisticheskogo i rimskogo vremeni [Religion and Cults of Pontus during Hellenistic and Roman Time]. Moscow, Tula, Triumf print, 2009, 425 p. (in Russ.)
- Shaub I. Yu.** Ellinskie traditsii i varvarskie vliyania v religioznoi zhizni grecheskikh kolonii Severnogo Prichernomor'ya (6–4 vv. do n. e.) [Hellenic Traditions and Barbaric Influences in the

- Religious Life of the Greek Colonies of the Northern Black Sea Region (6th – 4th Centuries BC)]. Cand. Hist. Sci. Diss. St. Petersburg, 2010, 483 p. (in Russ.)
- Skrzhinskaya M. V.** Mify o geroyakh v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ya [Myths about Heroes in Ancient North Pontic States]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporan Studies], 2011, no. 24, pp. 19–77. (in Russ.)
- Tolstikov V. P.** Svyatilishche na akropole Pantikapeya [Sanctuary at the Panticapaeum Acropolis]. *Journal of Ancient History*, 1987, no. 1, pp. 88–114. (in Russ.)
- Tolstikov V. P.** Novye materialy k izucheniyu drevneishei istorii Pantikapeya: o vremeni osnovaniya apoikii i k lokalizatsii rannego temenosa [New Evidences for the Researching of the Ancient History of Panticapaeum: The Foundation of Apoikia and Localization of the Early Temenos]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology and Culture], 2015, no. 1, pp. 261–281. (in Russ.)
- Tolstikov V. P., Astashova N. S., Lomtadze G. A., Samar O. Y., Tugusheva O. V.** Drevnii Pantikapei. Ot apoikii k gorodu [The Earliest Panticapaeum. From an Apoikia to a City]. Moscow, Pero Publ., 2017, 398 p. (in Russ.)
- Tolstikov V. P., Muratova M. B.** K probleme prostranstvennogo razvitiya pantikapeiskoi apoikii v pervoi polovine VI – pervoi polovine V v. do n. e. [To the Problem of Spatial Development of Panticapaeum Apoikiya in the 1st Half of the 6th Century BC – the 1st Half of the 5th Century BC]. *Journal of Ancient History*, 2013, no. 1, pp. 176–193. (in Russ.)
- Tolstikov V. P., Muratova M. B.** O nekotorykh osobennostyakh kul'ta Kibely v Pantikapee v pervye veka n. e. v svete noveishykh arheologicheskikh issledovaniy [About Some Peculiarities of Cybele Cult in the First Centuries AD in Light of the Newest Archaeological Researches]. *Tavrisheskie Studii* [Taurida Studies], 2017, no. 12, pp. 144–149. (in Russ.)
- Treyster M. Yu.** Drevneishii predmet etrusskogo proizvodstva v Severnom Prichernomor'e i nekotorye problemy rannei istorii Pantikapeya [The Earliest Item of Tuscan Production in the North Pontic Region and Some Problems of the Early History of Panticapaeum]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 1990, no. 197, pp. 37–44. (in Russ.)
- Vinogradov Yu. G.** Prokhus Miniidy iz Pantikapeya [Prokhus of Miniida from Panticapaeum]. *Journal of Ancient History*, 1974, no. 4, pp. 56–67. (in Russ.)
- Vinogradov Yu. G.** Votivnaya nadpis' docheri tsarya Skilura iz Pantikapeya i problemy istorii Skifii i Bospora vo II v. do n. e. [Votive Inscription of Tsar Skilur's Daughter and Problems of Skifia and Bospor History in the 2nd Century BC]. *Journal of Ancient History*, 1987, no. 1, pp. 55–87. (in Russ.)
- Vinogradov Yu. G.** Votiv Komosarii iz Nimfeya [Komosariya Votive from Nymphaem]. In: *Bosporskii gorod Nimfei* [Bosporan City of Nymphaem]. St. Petersburg, 1999, p. 20. (in Russ.)
- Vinogradov Yu. A.** Fenomen Bosporskogo gosudarstva v otechestvennoi literature [Bosporan State Phenomemon in National Academic Literature]. *Stratum Plus*, 2000, no. 3, pp. 98–128. (in Russ.)

List of Sources

- Aeschylus. Suppliant Women. Cambridge, Harvard Uni. Press, 1926. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:text:1999.01.0015> (accessed 14.01.2021).
- Callimachus. Hymn in Diana. Berlin, Weidmann, 1897. 68 p. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3atext%3a1999.01.0226%3atext%3dhymns%3apoem%3d3> (accessed 14.01.2021).
- Euripides. Iphigenia in Aulis. Euripides Fabulae. Oxford, Clarendon Press, 1913, vol. 3. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3atext%3a1999.01.0107> (accessed 14.01.2021).
- Euripides. Iphigenia in Tauris. Euripides Fabulae. Oxford, Clarendon Press, 1913, vol. 2. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3atext%3a1999.01.0111> (accessed 14.01.2021).

- Herodotus. The Histories. London, New York, W. Heinemann, G. P. Putnam, 1920, vol. 2, 442 p.
- Hesiod. Theogony. In: The Homeric Hymns and Homerica. Cambridge, London, 1914. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3atext%3a1999.01.0129> (accessed 14.01.2021).
- Homer. Iliad. In: Homeri Opera. In 5 vols. Oxford, 1920, vol. 2. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:text:1999.01.0133> (accessed 14.01.2021).
- Hymn 2 to Demeter. The Homeric Hymns and Homerica. Cambridge, London, 1914. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3atext%3a1999.01.0137%3ahymn%3d2> (accessed 14.01.2021).
- Korpus bosporskikh nadpisei [Corpus of Bosphoran Inscriptions]. Moscow, Leningrad, Nauka, 1965, 951 p. (in Russ.)
- Pausanias. Pausaniae Graeciae Descriptio. Leipzig, Teubner, 1903, 510 p. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3atext%3a1999.01.0159> (accessed 14.01.2021).
- Svod arkheologicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources]. Moscow, Nauka, 1974, pt. 3, 120 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Александра Викторовна Быковская, аспирант

Information about the Author

Aleksandra V. Bykovskaya, Postgraduate Student

*Статья поступила в редакцию 16.01.2021;
одобрена после рецензирования 24.03.2021; принята к публикации 07.04.2021
The article was submitted 16.01.2021;
approved after reviewing 24.03.2021; accepted for publication 07.04.2021*

Научная статья

УДК 94 (47)«16» + 281.93

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-8-23-33

Об эсхатологии и религиозности населения России в XVII веке

Наталья Сергеевна Гурьянова

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

gurian@academ.org, <https://orcid.org/0000-0002-8957-2018>

Аннотация

Статья посвящена исследованию религиозности населения России в XVII в. Обращение к анализу эволюции эсхатологического учения на Руси предоставило возможность сделать вывод о том, что после периода Смуты Русская церковь с целью преодолеть духовный кризис в обществе способствовала обострению внимания пастырей к вопросам о конечных судьбах мира и человека. Церковная реформа, начатая патриархом Никоном, была воспринята частью общества как проявление признаков наступления царства антихриста. Это вполне объясняется тем, что для защитников старого обряда была характерна религиозность средневекового типа. Обращение к творческому наследию патриарха Никона периода его ссылки позволило сделать вывод, что и он, пытаясь доказать несправедливость лишения его патриаршего достоинства, тоже апеллировал к эсхатологическому учению. В статье показано, что не только для противников церковной реформы, но и для реформаторов характерна была религиозность средневекового типа.

Ключевые слова

Русская церковь, XVII в., религиозность, эсхатология, реформа, раскол

Для цитирования

Гурьянова Н. С. Об эсхатологии и религиозности населения России в XVII веке // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 8: История. С. 23–33. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-8-23-33

Eschatology and Religiosity of the People in Russia in the 17th Century

Natalya S. Gurianova

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

gurian@academ.org, <https://orcid.org/0000-0002-8957-2018>

Abstract

The article studies the religiosity of Russian population in the 17th century in order to find out the type of this state of public mind. Special attention is drawn to the acuteness of eschatological expectations in society, which intensified during periods of crises. After the Time of Troubles (Smuta), the Church, trying to bring society out of the spiritual

© Гурьянова Н. С., 2021

crisis, had been exploiting the “end of the world” topic through publishing relevant texts. This trend was especially noticeable during the time of Patriarch Joseph. The decision of the Moscow Printing House (Pechatnyi Dvor) to extend the amount of eschatological publications was determined not only by the direction of church policy, but also by the request in society, the desire of the population to get a more complete picture of the Christian teaching about the ultimate destinies of the world and man, since the spiritual crisis had presupposed an increase of apocalyptic moods. This desire indicates that the population was characterized by the religiosity of the medieval type. The article scrutinizes in particular the 2nd half of the 17th century, which modern researchers rightly designate as the early Modern era. In a society with such a keen perception of the time, the church reform, initiated in the middle of the century by Patriarch Nikon, was naturally not supported by a part of the population. In the interpretation of the defenders of the Old Belief, the actions of the reformers turned into clear signs of the advent of the kingdom of Antichrist, as it was prophesied in Christian teaching. It was not some peculiarity of the worldview of the opponents of church reform, their behavior adjusted the religiosity of the epoch. To justify this thoughts the position of Patriarch Nikon could be mentioned. Nikon found himself in a situation of disapproval and, arguing to be wrongfully convicted and misunderstood, he also used the eschatological doctrine. Based on the analysis of such facts, the article concludes that the 2nd half of the 17th century was characterized by religiosity of the medieval type.

Keywords

Russian Church, 17th century, religiosity, eschatology, reform, schism

For citation

Gurianova N. S. Eschatology and Religiosity of the People in Russia in the 17th Century. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 8: History, pp. 23–33. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-8-23-33

XVII в. в истории России занимает особое место. Историки справедливо называют его «бунташным», «переходным», подчеркивая нестабильность и устремленность в будущее. Современные исследователи внесли необходимые уточнения в характеристику эпохи, четко обозначив середину столетия в качестве хронологической грани, завершающей переходный период от средневековой культуры к культуре Нового времени. Вполне устоявшимся мнением следует считать, что вторая половина XVII в. должна быть охарактеризована как раннее Новое время. Тем больший интерес для выяснения процессов, происходивших в этот период в общественном сознании населения России, представляет изучение раскола в Русской церкви.

Церковные реформы, начатые патриархом Никоном, не были одобрены частью общества. Внутрицерковная оппозиция нашла поддержку в широких кругах паствы, и постепенно оформилось религиозно-общественное движение, известное под именем старообрядчества. В середине XVII в., несмотря на начавшуюся секуляризацию сознания населения России и происходившие в культуре изменения, которые следует обозначить как появление элементов культуры Нового времени, для его основной части характерной чертой мировоззрения по-прежнему оставалась религиозность средневекового типа. Это особенно заметно, если обратить внимание на их представление о конечных судьбах мира и человека.

Эсхатологические ожидания всегда были сильны в русском обществе, особенно ярко проявляясь в периоды кризисов. Христианское учение о конечных судьбах мира и человека было сформулировано в текстах святоотеческого предания, в которых разъяснялись соответствующие постулаты Священного Писания. После принятия христианства на Руси появились переводы эсхатологических сочинений, бытовавших в Византии (см. [Сахаров, 1879; Срезневский, 2012] и др.). Сформулированные в них идеи стали неотъемлемой частью представлений населения о будущем мира и каждого конкретного человека. Для европейского средневекового сознания это была существенная составляющая мировоззрения человека.

В периоды кризисов, по справедливому замечанию А. И. Алексеева, «идеи, занимавшие ранее лишь богословов, облекались в легко доступные восприятию образы и путем тиражирования книжных текстов, посредством устной проповеди, через памятники изобразительного искусства (иконы, фрески) формировали в сознании людей представления, проникнутые острым ощущением надвигающейся катастрофы» [Алексеев, 2002, с. 55]. Исследователь, обратившись к анализу ситуации в стране накануне 1492 г., констатировал переход в обществе от религиозного оптимизма Киевской Руси к апокалиптическому восприятию действительности населением, которое стало ощущать скорое приближение катастрофического завершения истории человечества, конца мира [Там же, с. 56–72].

Идеология единого государства, сформировавшегося на рубеже XV–XVI вв., создавалась в рамках церковной культуры, естественно, с учетом существовавших эсхатологических представлений. Важно, что в этом случае, если сравнивать с ожиданиями 1492 г., при использовании учения о конечных судьбах мира был выбран другой аспект учения о «последних днях». Н. В. Сеницына, рассмотрев концепцию «Третий Рим» в историко-литературном, дипломатическом, церковно-политическом и эсхатологическом контекстах, сделала убедительный вывод об особенностях мировоззренческой позиции ее автора. Исследователь подчеркнула специфику эсхатологического смысла предлагаемой им концепции: «Эсхатология Филофея не исключает мажорной уверенности в будущем России как “Третьего Рима”, “Ромейского”, т. е. неразрушимого христианского православного царства, которое пребудет до скончания мира, обеспечивая длительность исторического времени» [Сеницына, 1998, с. 329].

Н. В. Сеницына сделала очень точное замечание по поводу использования Филофеем Псковским эсхатологических идей: «Говоря о “последнем времени”, Филофей не поддавался соблазну календарно-астрономических исчислений... он избрал богословский подход, наполнив понятие “последнего времени” не календарным, а духовным и этическим содержанием» [Там же, с. 250]. Ссылаясь на рассуждения С. Н. Булгакова, исследователь обозначила подобный результат построений «светлым образом эсхатологизма» [Там же, с. 249, 329].

Политический кризис, вызванный пресечением династии Рюриковичей после смерти в 1598 г. Феодора Иоанновича, обусловил и духовный кризис, особенно усугубившийся на фоне кризиса средневековой культуры и начавшегося процесса секуляризации сознания. В Московской Руси наступили времена Смуты, когда рушился привычный образ жизни каждого человека, его представления об идеалах, о нравственности. Всё это еще более углубило кризисные явления в обществе. С избранием Михаила и утверждением на престоле династии Романовых власть, естественно, была озабочена проблемой стабилизации ситуации в стране.

После восшествия на патриарший престол Филарета Церковь стала принимать активное участие в процессе вывода общества из духовного кризиса. Большое внимание патриарх уделял работе Московского печатного двора, считая издания литургических книг важным условием оздоровления церковной жизни. Последующие патриархи продолжили политику Церкви в области печатного дела. Преследуя цель религиозного просвещения населения, они существенно расширили репертуар выпускаемых книг, включив дополнительно чети, учебные и книги катехетического характера, а также увеличили тиражи¹.

Обращает на себя внимание тот факт, что Московским печатным двором активно издавались тексты эсхатологических сочинений. Возможно, это было вызвано желанием усилить в обществе эсхатологические ожидания с целью возратить паству в церкви, придать институту Церкви статус, который она занимала в средневековом обществе. Направленность церковной политики в области печатного дела особенно ярко проступает в период патриаршества Иосифа². Достаточно перечислить изданные в это время книги, в которых обсуждалась тема конечных судеб мира и человека.

В 1644 г. было осуществлено издание сборника «Кириллова книга», в 1647 г. два раза напечатаны «Поучения» Ефрема Сирина, в этом же году издан «Сборник из 71 Слова». В следующем году вышла из печати «Книга о вере», в 1649 г. – сборник «Собрание краткия науки об артикулах веры», в 1652 г. два раза изданы «Поучения» Ефрема Сирина и аввы Дорофея. Разумеется, тексты многих изданных эсхатологических сочинений были известны русским читателям, поскольку распространялись в рукописной форме. Появление в печатном виде придавало им особый статус, так как книги издавались «повелением благочестиваго и христоролюбиваго государя царя», по «совету и благословению патриарха».

Благодаря этому обстоятельству изданные тексты легитимировались, становились частью традиции Русской церкви. Естественно, речь идет не о сочинениях авторов периода класси-

¹ Об этом см.: [Поздеева и др., 2001].

² О церковной политике в области печатного дела см.: [Зеньковский, 2006, с. 96–102; Каптерев, 2003].

ческого христианства, а о приписываемых им ³, а также о текстах, которые следует определить в качестве творческого наследия Киевской митрополии. Учение о воцарении в мире антихриста, сформулированное православными авторами родственной митрополии в иных исторических условиях, оказалось востребованным Русской церковью. Это свидетельствовало о ее стремлении усилить ожидание в обществе должного в скором времени последовать воцарения в мире антихриста со всеми вытекающими по христианскому вероучению последствиями.

Особенно ярко это проявилось в одобрении и издании текста «Книги о вере». Как установила Н. В. Савельева, она была написана игуменом белорусского монастыря иеромонахом Гедеоном ⁴. Опираясь на идеи, сформулированные его соотечественниками, автор в наиболее полном виде изложил суть эсхатологического учения, нашедшего отражение в сочинениях, написанных в конце XVI – начале XVII в. православными авторами Киевской митрополии. Автор сделал важное дополнение, включив предсказание о том, что в 1666 г. в России может произойти последнее отступление от веры, после которого в мире должен воцариться антихрист ⁵.

Внимание Московского печатного двора к эсхатологическим текстам объяснялось не только направленностью церковной политики, но и востребованностью в обществе, желанием населения получить более полное представление о христианском учении о конечных судьбах мира и человека, поскольку духовный кризис предполагал усиление апокалиптических настроений. Движение низшего духовенства за оздоровление церковной жизни и повышение нравственности населения явно способствовало появлению книг, в которых нашло отражение христианское учение о конце света. Из эсхатологических построений можно было сделать вывод, каким образом следовало изменить образ жизни, чтобы избежать катастрофы. На этом основании представители движения в своих проповедях призывали к нравственной жизни и священников, и паству.

Апелляция к эсхатологическому учению помогала им быть убедительными в объяснении необходимости жить по-христиански, поскольку, как они утверждали, это могло предотвратить воцарение в мире антихриста. В данном случае использовался «светлый образ эсхатологизма», который не только предполагал упоминание о возможных последствиях воцарения антихриста, но давал надежду на то, что этого можно избежать. Другой вариант эсхатологии был представлен учением старца Капитона, который проповедовал необходимость крайней аскезы из-за якобы уже наступивших «последних времен» ⁶.

Всё это свидетельствовало о распространенности среди населения России в первой половине XVII в. представлений о возможном воцарении в мире антихриста и должном последовать после этого конце света. Политика Церкви в области печатного дела еще более усилила эсхатологические ожидания, поскольку были изданы способствующие этому тексты с истолкованием соответствующих цитат из Священного Писания и святоотеческого предания. В обществе с таким обостренным восприятием переживаемого времени церковная реформа, начатая патриархом Никоном, естественно, не была одобрена частью населения. Ее противники, оказавшись в оппозиции, попытались доказать незаконность и неправомерность действий патриарха ⁷.

С первых шагов патриарха Никона по пути реформы все его действия по изменению обряда и богослужебной практики Русской церкви защитники старого обряда стали интерпретировать, опираясь на христианское эсхатологическое учение. Поступки патриарха для оппонентов являлись свидетельством приближающихся «последних времен». На имя государя

³ См., например: «Блаженного Ипполита, папы Римского и мученика. Слово в неделю мясопустную о скончании мира и о антихристе...» (Сборник..., 1647, л. 120–140).

⁴ Об этом см.: [Савельева, 2013].

⁵ Об эсхатологических построениях автора «Книги о вере» см.: [Лурье, 2000, с. 153–158].

⁶ Об учении старца Капитона см.: [Зеньковский, 2006, с. 129–137; Румянцева, 1986, с. 66–81] и др.

⁷ Об этом см.: [Зеньковский, 2006, с. 155–196; Сапожникова, 2010, с. 331–432; Michels, 1999, pp. 21–64] и др.

были направлены многочисленные челобитные, в которых адресата пытались убедить в необходимости отменить новшества, интерпретируемые в качестве явного отступления от традиций, от истинной веры. Авторы апеллировали к текстам Священного Писания, святоотеческого предания, сочинений, изданных Московским печатным двором, пытаясь убедить Алексея Михайловича осудить действия реформаторов.

Преследование тех, кто не согласился принять изменения, внесенные в обряд и богослужебную практику, привели к тому, что тема воцарения антихриста и конца света стала центральной для защитников старого обряда. Соборы 1666–1667 гг., на которых были преданы анафеме противники церковной реформы, а ее инициатор лишен патриаршего достоинства, сделались ключевым событием в эсхатологических построениях старообрядцев. Начало соборов в 1666 г. стало интерпретироваться как исполнение сформулированного в 30-й главе «Книги о вере» предсказания о том, что в этом году в России произойдет «последнее» отступление от веры, после которого следует ожидать воцарения в мире антихриста.

Гонения на противников церковной реформы духовной и светской властями привели к еще более агрессивному неприятию новшеств, к отысканию большего количества цитат из авторитетных памятников письменности в качестве аргументов в пользу отстаиваемой позиции, а также к росту сторонников и постепенному превращению внутрицерковной оппозиции в широкое религиозно-общественное движение. Особую роль в этом процессе сыграл один из пользующихся особым авторитетом в России – Соловецкий монастырь.

В монастыре не приняли изменений, внесенных в результате реформы в обряд и богослужебную практику Русской церкви, отказались служить по новым книгам. Составили сборники, написали сочинения, пять челобитных на имя государя, пытаясь аргументировать свою позицию. Убедившись в том, что эти усилия не приведут к желаемому результату, иноки перешли к открытому противостоянию царским войскам, отправленным для усмирения монастыря, обосновав свое право на такое поведение в челобитных и публицистических сочинениях⁸. Основопологающим для его участников стало утверждение о якобы уже произошедшем воцарении в мире антихриста и должном вскоре последовать конце света. Переживаемое время именовалось соловецкими иноками «последним».

Жестокая расправа над восставшими еще более укрепила веру в справедливость отстаиваемой ими точки зрения на новшества и оказала влияние на увеличение количества приверженцев движения. Публицистические сочинения иноков монастыря, многолетнее сопротивление царским войскам под лозунгом защиты истинной веры сыграли свою роль в превращении внутрицерковной оппозиции в широкое религиозно-общественное движение и в формировании его идеологии.

Противники церковной реформы занялись построением эсхатологических концепций, опираясь на идеи, сформулированные в рукописях и старопечатных книгах. Цитаты из Священного Писания и святоотеческого предания были для противников церковной реформы приоритетными, но не менее важными оказались и тексты, изданные Московским печатным двором в 1640-е гг., которые следует определить как творческое наследие Киевской митрополии. Возможно, этим обстоятельством объясняется, почему официальная Церковь объявила их не вполне соответствующими ортодоксальному православию.

Это было логичным продолжением поведения иерархии на соборе 1667 г., когда было вынесено «Решение на собор, что был при царе Иоанне Васильевиче всея России от Макария, митрополита Московскаго». Текст Стоглава был осужден как написанный «не разумно, простотою и невежеством». По поводу собора вынесен однозначный вердикт: «...и той собор не в собор, и клятву не в клятву, но ни во что вменяем, якоже и не бысть» (Книга..., 1876, с. 221). Соборное порицание авторитетного для Русской церкви текста Стоглава, в котором была осуществлена попытка определить ортодоксальный вариант православия, обозначив

⁸ Об этом см.: [Чумичева, 2009].

особенности обряда и богослужебной практики, вполне объясняется тем, что противники церковной реформы отстаивали их в качестве традиции.

Дополнительным свидетельством справедливости утверждения данной версии традиции для защитников старого обряда были изданные Московским печатным двором книги, которые составлены с опорой на произведения, написанные православными авторами Киевской митрополии. Еще более привлекали их сформулированные в этих текстах эсхатологические построения. Они стали служить основой для аргументирования мысли о якобы произошедшем в 1666 г. отступлении от истинной веры, что, по их мнению, приближало воцарение в мире антихриста.

Утверждение о том, что переживаемые времена есть последние, антихристовы, стало лейтмотивом в произведениях противников церковной реформы при доказательстве невозможности принять новшества. Каждый автор предлагал свои аргументы в пользу такой точки зрения, поскольку апеллировали к различным признакам приближения воцарения антихриста и должно последовать вскоре после этого конца света. Объединяла их убежденность в том, что в России якобы проявился антихрист. Для них речь шла о последнем оплоте истинной веры, остальной мир в их представлении уже давно был покорен противником Христа, поэтому надежду на спасение человечества от катастрофы, от конца света им давала возможность отмены результатов церковной реформы.

Судя по содержанию челобитных и сочинений, написанных первым поколением противников церковной реформы, они были уверены, что борьба против новшеств является сопротивлением антихристовым силам и это дает России шанс спасти мир, продолжив земную историю человечества. Уверенности придавало обращение к текстам древних рукописей и старопечатных книг, в которых они нашли отражение идеи о России как Третьем Риме, утверждение о нем как центре православного мира. Изменения, внесенные реформаторами в обряд и богослужебную практику, в интерпретации защитников старого обряда превращались в явные признаки приближения наступления царства антихриста, сформулированные в христианском учении.

Эсхатологические ожидания усугублялись жестокими гонениями против несогласных с результатами реформы, но одновременно придавали противникам церковной реформы уверенности в справедливости отстаиваемой точки зрения на происходящее и важности продолжения борьбы за истинную веру ради спасения человечества. В сочинениях первого поколения защитников старого обряда проступает осознание авторами возложенной на них особой миссии – сохранить православную веру, отстоять традиции Русской церкви. Для них характерной чертой мировоззрения оставалась религиозность средневекового типа, для которой важно было вписать существование оппозиции в поток христианской истории: от Сотворения мира и до конца света⁹. Противники церковной реформы с успехом справились с этой задачей, поскольку осознавали себя защитниками и наследниками Святой Руси, Ромейского царства – Третьего Рима.

Первое поколение защитников старого обряда, опираясь на три типа соединения русской истории с мировой – хронографический, генеалогический, пророчески-эсхатологический, которые разработала русская историческая мысль первой трети XVI в.¹⁰, внесли свои коррективы в интерпретацию исторических событий. Церковные реформы, начатые патриархом Никоном, осознавались ими как переломный момент в истории человечества, а собор 1666 г. – в качестве хронологической грани, после которой Русская церковь окончательно отказалась от веры предков, заменив ее новым учением. Для средневекового типа религиозности это означало приближение конца света.

Противники новшеств, внесенных в обряд и богослужебную практику, видели себя в качестве хранителей традиций Русской церкви и истинной веры, что предполагало возможность избежать катастрофического сценария окончания истории человечества. Обращение

⁹ Об этом см.: [Гурьянова, Крамми, 1994, с. 120–121].

¹⁰ О трех типах соединения русской истории с мировой см.: [Синицына, 1998, с. 323].

к эсхатологическому учению в данном случае давало надежду убедить население в появлении признаков скорого наступления последних времен. В данном случае был представлен, по определению С. Н. Булгакова, «светлый образ эсхатологизма», хотя сочинения авторов первого поколения защитников старого обряда полны описания картин современной действительности, соотнесенной с апокалиптическими признаками наступления царства антихриста. Важно, что при этом предлагался вариант избежать катастрофического завершения истории человечества, если борьба за отмену результатов церковной реформы будет продолжена и завершится успехом.

В среде защитников старого обряда были сторонники и другого варианта эсхатологизма, который С. Н. Булгаков обозначил как «темный» и привел в качестве примера старообрядцев-самосожигателей [1991, с. 385]. Идея «огненного очищения» накануне Страшного суда была проявлением религиозности средневекового типа в ее крайних формах, когда современная действительность воспринималась как царство антихриста. Уже в конце XVII в. было написано сочинение с осуждением самосожжений, но это не остановило последователей учения, которых можно охарактеризовать как религиозных фанатиков¹¹.

Преобразование внутрицерковной оппозиции в широкое религиозно-общественное движение обеспечил «светлый» вариант эсхатологизма. Этому способствовали гонения, казни защитников старого обряда. В публицистических, агиографических сочинениях детально описывались жестокости, сопровождающие преследования противников церковной реформы светскими и духовными властями. Восприятие ими страданий за веру хорошо описал очевидец второй казни пустозерских узников: «178-го (1670) году, апреля в 14 день, на Фомины недели в четверток, в Пустозерском остроге, по указу цареву, полуголова Иванъ Елагин взял ис тюрем протопопа Аввакума, попа Лазаря, дьякона Феодора и старца Епифания. И шли они до уреченного места на посечение, где плаха лежит, и мучительная вся готова, и палачь готовитца на посечение их. Они же никого унывшие, вкупе народ благословляли и прощались, светлым лицом, весели, в своем благочестии непоколебимо стояли и за отеческое предание смерть принимали, а к народом говорили: “Не прельщайтесь Никоновым учением! За истинну страждем и умираем!”» («Записка» очевидца о «казни», 1989, с. 404).

Автор записки¹² сумел в этом описании передать ощущения идущих на смертную казнь за свои убеждения противников церковной реформы. Отсечение голов было заменено для Аввакума заточением в земляной тюрьме, а для остальных – «за их речи языки резати, а за крест руки сетчи». Помещенное далее детальное описание очевидца состоявшейся казни придавало убедительности процитированной выше вводной части Записки. В ней нашла отражение явно заметная для окружающих готовность защитников старого обряда принять даже смерть за свои убеждения, поскольку они были уверены, что страдают и умирают за «истину».

Это был не фанатизм, а скорее убежденность в необходимости жертвы ради спасения человечества. Не случайно авторы искали аналогии в библейской истории. Идея мученичества во имя веры сыграла определенную роль в формировании мировоззрения и идеологии раннего старообрядчества¹³. Л. Д. Демидовой [2015] удалось, обратившись к анализу текста сборника «Христианоопасный щит веры...» инока Авраамия, показать, каким образом составитель вписал сочинения своих единомышленников в существовавшую церковную традицию почитания претерпевших гонения за веру. Описания мучений противников церковной реформы делались на фоне эсхатологических построений и интерпретировались в духе преследования их антихристовыми силами с целью окончательно утвердить в России новую религию.

¹¹ Историографию изучения вопроса о самосожжениях и современный взгляд на явление см.: [Пулькин, 2013].

¹² Об авторе Записки и характеристику содержания см. в комментарии Н. С. Демковой («Записка» очевидца о «казни», 1989, с. 660) и статье А. Т. Шашкова [2013, с. 156–162].

¹³ Об этом см.: [Crummey, 2011].

Важно констатировать, что роль эсхатологии в формировании идеологии старообрядческого движения была основополагающей, и это обусловлено тем обстоятельством, что для населения России XVII в. была характерна религиозность средневекового типа. Первое поколение противников церковной реформы были внутрицерковной оппозицией, которая не обладала отличной от других формой религиозности. Их обращение к учению о конечных судьбах мира и человека, как ранее показано, вполне объясняется остротой эсхатологических ожиданий, спровоцированных духовным кризисом в обществе и политикой иерархов, направленной на возвращение паствы в церкви. Постепенно, по мере усиления гонений на тех, кто не принял новшества, мысль о переживаемых временах как антихристовых становится центральной для защитников старого обряда. Они опирались на эсхатологическое учение, обосновывая свое право оставаться в оппозиции к новшествам. Это не было какой-то особенностью сознания противников церковной реформы, их поведение вполне вписывается в понятие религиозности того времени.

Ярким примером подтверждения этой мысли может служить обращение к взглядам патриарха Никона. Разумеется, в своих богословских и публицистических сочинениях он не поднимал эсхатологическую тему до тех пор, пока не был лишен на соборе патриаршего достоинства и отправлен на 15 лет в ссылку. Никон оказался в ситуации, подобной той, в которой были его оппоненты. Он тоже вынужден был оправдываться и доказывать свою правоту. В этом случае Никон тоже обратился к эсхатологическому учению. Это наиболее ясно просматривается в «Возражении, или Разорении смиренного Никона...».

Свои обвинения он заключал выводом об антихристовой сущности оппонентов: «...кто есть антихристи и кто есть чада Божия и чада неприязнена, кто дух истинный и дух лстеч. Ныне мнози антихристи есть, Крутицкий митрополит и прочие подобнии ему. Чада неприязнена ты и подобнии тебе. Дух лстеч Газской митрополит и инии подобнии ему. Но послушай еще паки апостола Павла глаголюща...» (Никон, патриарх, 2004, с. 286). Этот пассаж удивительно напоминает подобные инвективы, направленные защитниками старого обряда в адрес реформаторов. Никон приводит в качестве аргументов те же цитаты из Священного Писания и святоотеческого предания, о чем свидетельствует его апелляция в конце цитаты к очень популярному у старообрядцев фрагменту. Эсхатологические взгляды патриарха Никона – это особая тема. В данном случае мы обратились к ней исключительно с целью подчеркнуть, что для второй половины XVII столетия характерна была религиозность средневекового типа. Первое поколение противников церковной реформы, для которых эсхатологические построения стали основой для оформления идеологии религиозно-общественного движения, действовало вполне в духе времени.

Список литературы

- Алексеев А. И.** Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности конца XIV – начала XVI в. СПб.: Алетейя, 2002. 352 с.
- Булгаков С. Н.** Православие: Очерки учения православной церкви. М.: Терра, 1991. 416 с.
- Гурьянова Н. С., Крамми Р. О.** Историческая схема в сочинениях писателей выговской литературной школы // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.). М., 1994. С. 120–138.
- Демидова Л. Д.** Об истоках традиции почитания мучеников за веру у старообрядцев // Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI–XXI вв. Новосибирск, 2015. С. 41–57.
- Зеньковский С. А.** Русское старообрядчество: В 2 т. М.: Институт ДИДИК, 2006. Т. 1: Духовные движения XVII века. С. 42–347.
- Каптерев Н. Ф.** Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Время патриаршества Иосифа. М.: Индрик, 2003. 248 с.
- Лурье В. М.** Три эсхатологии. Русская эсхатология до и после великого раскола // Мир православия: Сб. науч. ст. Волгоград, 2000. Вып. 3. С. 150–178.

- Поздеева И. В., Пушков В. П., Дадыкин А. В.** Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры. 1618–1652: от восстановления после гибели в Смутное время до патриарха Никона. Исследования и публикации. М.: Мосгорархив, 2001. 544 с.
- Пулькин М. В.** Самосожжения старообрядцев (середина XVII – XIX в). М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. 336 с.
- Румянцев В. С.** Народное движение в России в XVII веке. М.: Наука, 1986. 264 с.
- Савельева Н. В.** К вопросу о допечатной традиции «Книги о вере» иеромонаха Гедона, игумена Бизюкова монастыря: из истории бытования списка М. А. Оболенского // Старообрядчество в России (XVII–XX века). М., 2013. Вып. 5. С. 15–38.
- Сапожникова О. С.** Русский книжник XVII века Сергей Шелонин. Редакторская деятельность. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. 560 с.
- Сахаров В. А.** Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула: Тип. Н. И. Соколова, 1879. 249 с.
- Синицына Н. В.** Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998. 416 с.
- Срезневский И. И.** Сказания об Антихристе в славянских переводах: Описания рукописей и выписки из них. М.: КРАСАНД, 2012. 232 с.
- Чумичева О. В.** Соловецкое восстание 1667–1676 годов. М.: ОГИ, 2009. 352 с.
- Шашков А. Т.** «Самовидцы» Пустозерской «казни» 14 апреля 1670 года // Шашков А. Т. Избранные труды. Екатеринбург, 2013. С. 151–162.
- Crummey R. O.** The Miracle of Martyrdom: Reflections on Early Old Believer Hagiography. In: Crummey R. O. Old Believers in a Changing World. DeKalb, 2011, pp. 85–96.
- Michels G. B.** At War with the Church. Religious Dissent in Seventeenth-Century Russia. Stanford, Stanford Uni. Press, 1999, 354 p.

Список источников

- «Записка» очевидца о «казни» Лазаря, Федора и Епифания в Путозерске 14 апреля 1670 г. с фрагментами текста Аввакума // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. М., 1989. Кн. 2. С. 404–406.
- Книга соборных Деяний 1667 г. // Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые братством св. Петра митрополита. М., 1876. Т. 2, ч. 2: Акты, относящиеся к собору 1666–1667 года. 430 с.
- Никон, патриарх. Возражение, или Разорение смиренного Никона, Божиею милостию патриарха, противу вопросов боярина Симеона Стрешнева, еже написа Газскому митрополиту Паисее Ликаридиусу, и на ответы Паисиовы // Никон, патриарх. Труды. М., 2004. С. 197–464.
- Сборник из 71 Слова. М., 1647. 876 л.

References

- Alekseev A. I.** Pod znakom kontsa vremen. Ocherki russkoi religioznosti kontsa XIV – nachala XVI v. [Under the Sign of the End Times. Essays on Russian Religiosity in the Late 14th – Early 16th Century]. St. Petersburg, Aleteiya, 2002, 352 p. (in Russ.)
- Bulgakov S. N.** Pravoslavie: Ocherki ucheniya pravoslavnoi tserkvi [Orthodoxy: Essays on the Teaching of the Orthodox Church]. Moscow, Terra, 1991, 416 p. (in Russ.)
- Chumicheva O. V.** Solovetskoe vosstanie 1667–1676 godov [Solovetsky Monastery Uprising of 1667–1676]. Moscow, OGI, 2009, 352 p. (in Russ.)
- Crummey R. O.** The Miracle of Martyrdom: Reflections on Early Old Believer Hagiography. In: Crummey R. O. Old Believers in a Changing World. DeKalb, 2011, pp. 85–96.

- Demidova L. D.** Ob istokakh traditsii pochitaniya muchenikov za veru u staroobryadtsev [On the Roots of Tradition of Veneration of Martyrs among Old Believers]. In: Religioznye i politicheskie idei v proizvedeniyakh deyatelei russkoi kul'tury XVI–XXI vv. [Religious and Political Ideas in Texts of Russian Cultural Figures in 16th – 21st Centuries]. Novosibirsk, 2015, pp. 41–57. (in Russ.)
- Guryanova N. S., Crummey R. O.** Istoricheskaya skhema v sochineniyakh pisatelei vygovskoi literaturnoi shkoly [Historical Scheme in Works of Vyg's Literature School Writers]. In: Staroobryadchestvo v Rossii (XVII–XVIII vv.) [Old-Believers in Russia (17th – 18th Centuries)]. Moscow, 1994, p. 120–138. (in Russ.)
- Kapterev N. F.** Patriarkh Nikon i ego protivniki v dele ispravleniya tserkovnykh obryadov. Vremya patriarshstva Iosifa [Patriarch Nikon and his Opponents in the Matter of Correcting Church Rites. The Time of the Patriarchate of Joseph]. Moscow, Indrik, 2003, 248 p. (in Russ.)
- Lurye V. M.** Tri eskhatologii. Russkaya eskhatologiya do i posle velikogo raskola [Three Eschatologies. Russian Eschatology before and after Great Schism]. In: Mir pravoslaviya [World of Orthodoxy]. Volgograd, 2000, iss. 3, pp. 150–178. (in Russ.)
- Michels G. B.** At War with the Church. Religious Dissent in Seventeenth-Century Russia. Stanford, Stanford Uni. Press, 1999, 354 p.
- Pozdeeva I. V., Pushkov V. P., Dadykin A. V.** Moskovskii pechatnyi dvor – fakt i faktor russkoi kul'tury. 1618–1652: ot vosstanovleniya posle gibeli v Smutnoe vremya do patriarkha Nikona. Issledovaniya i publikatsii [The Moscow Print Yard – a Fact and Factor of Russian Culture. 1618–1652: from Recovery after Death in the Time of Troubles to Patriarch Nikon. Researches and Publications]. Moscow, Mosgorarkhiv, 2001, 544 p. (in Russ.)
- Pulkin M. V.** Samosozhzheniya staroobryadtsev (seredina XVII – XIX v.) [Self-immolation of Old-Believers (mid-17th – 19th Centuries)]. Moscow, Russkii Fond Sodeistviya Obrazovaniyu i Nauke, 2013, 336 p. (in Russ.)
- Rumyantseva V. S.** Narodnoe dvizhenie v Rossii v XVII veke [Peoples Movement in Russia in the 17th Century]. Moscow, Nauka, 1986, 264 p. (in Russ.)
- Sakharov V. A.** Eskhatologicheskie sochineniya i skazaniya v drevnerusskoi pis'mennosti i vliyaniye ikh na narodnye dukhovnye stikhi [Eschatological Writings and Legends in Old Russian Literature and their Influence on Folk Spiritual Poetry]. Tula, Tipografiya N. I. Sokolova, 1879, 249 p. (in Russ.)
- Sapozhnikova O. S.** Russkii knizhnik XVII veka Sergii Shelonin. Redaktorskaya deyatelnost' [Russian scribe of the 17th Century Sergiy Shelonin. Editorial Activity]. Moscow, St. Petersburg, Al'yans-Arkheo, 2010, 560 p. (in Russ.)
- Savelyeva N. V.** K voprosu o dopechatnoi traditsii “Knigi o vere” ieromonakha Gedeona, igumena Bizyukova monastyrja: iz istorii bytovaniya spiska M. A. Obolenskogo [On the Pre-Printed Tradition of the “Book of Faith” by Hieromonk Gedeon, Bizyuk Monastery Abbot: From the History of M. A. Obolensky's Script]. Staroobryadchestvo v Rossii (XVII–XX veka) [Old-Believers in Russia (17th – 20th Centuries)]. Moscow, 2013, iss. 5, pp. 15–38. (in Russ.)
- Shashkov A. T.** “Samovidtsy” Pustozerskoi “kazni” 14 aprelya 1670 goda [“Self-seekers” of Pustozersk's “Execution”, April 14, 1670]. In: Shashkov A. T. Izbrannye trudy [Selected Works]. Ekaterinburg, 2013, pp. 151–162. (in Russ.)
- Sinitsyna N. V.** Tretii Rim. Istoki i evolyutsiya russkoi srednevekovoi kontseptsii (XV–XVI vv.) [The Third Rome. The Origins and Evolution of the Russian Medieval Concepts (15th – 16th Centuries)]. Moscow, Indrik, 1998, 416 p. (in Russ.)
- Sreznevsky I. I.** Skazaniya ob Antikhriste v slavyanskikh perevodakh: Opisaniya rukopisei i vypiski iz nikh [Legends about the Antichrist in Slavic Translations: Descriptions of Manuscripts and Extracts from them]. Moscow, KRASAND, 2012, 232 p. (in Russ.)
- Zenkovsky S. A.** Russkoe staroobryadchestvo [Russian Old-Believers]. In 2 vols. Moscow, Institut DIDIK, 2006, vol. 1: Dukhovnye dvizheniya XVII veka [Spiritual Movements in the 17th Century], pp. 42–347. (in Russ.)

List of Sources

- Kniga sobornykh Deyanii 1667 g. [Book of the Acts of the Council of 1667]. Materialy dlya istorii raskola za pervoe vremya ego sushchestvovaniya, izdavaemye bratstvom sv. Petra mitropolita [Materials for the History of the Schism for the Early Time of its Existence, Published by the Brotherhood of St. Peter, the Metropolitan]. Moscow, 1876, vol. 2, pt. 2: Acty, odnosyashchiesya k soboru 1666–1667 [Acts Relating to the Council of 1666–1667], 430 p. (in Russ.)
- Nikon, patriarch. Vozrazhenie, ili Razorenie smirennago Nikona, Bozhieyu milostiyu patriarkha, protivno voprosov boyarina Simeona Streshneva, ezhe napisa Gazskomu mitropolitu Paisee Likaridiusu, i na otvety Paisiovy [Objection, or the Ruin of the Humble Nikon by the Grace of God the Patriarch, against the Questions of Boyar Simeon Streshnev, also Written to the Metropolitan of Gaz Paisey Likaridius and to the Answers of Paisey]. In: Nikon, patriarch. Trudy [Written Works]. Moscow, 2004, pp. 197–464. (in Russ.)
- Sbornik iz 71 Slova [Collection of 71 Words]. Moscow, 1647, 876 p. (in Russ.)
- “Zapiska” ochevidtsa o “kazni” Lazarya, Fedora i Epifaniya v Putozerske 14 aprelya 1670 g. s fragmentami teksta Avvakuma [“Note” of Beholder about “Execution” of Lazar, Fedor and Epiphanius in Pustozersk, April 14, 1670, with Fragments of Avvakum’s Text]. In: Pamyatniki literatury Drevnei Rusi. XVII vek [Literature Works of Ancient Russia. 17th Century]. Moscow, 1989, book 2, p. 404–406. (in Russ.)

Информация об авторе

Наталья Сергеевна Гурьянова, доктор исторических наук, профессор
Scopus 57222243564

Information about the Author

Natalya S. Gurianova, Doctor of Sciences (History), Professor
Scopus 57222243564

*Статья поступила в редакцию 22.03.2021;
одобрена после рецензирования 12.04.2021; принята к публикации 26.04.2021
The article was submitted 22.03.2021;
approved after reviewing 12.04.2021; accepted for publication 26.04.2021*

Научная статья

УДК 94(47).048/071 + 323.276

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-8-34-48

Дворцовые перевороты в России: сравнительная типологизация

Франтишек Штеллнер

Карлов Университет

Прага, Республика Чехия

frantisek.stellner@ff.cuni.cz, <https://orcid.org/0000-0002-8519-8401>

Аннотация

Рассматриваются дворцовые перевороты как один из ключевых феноменов российской политической культуры, в котором причудливо переплелись традиции и новации, случайности и закономерности, личные и корпоративные интересы, расчетливость и авантюризм. Проанализированы способы и механизмы, благодаря которым российские самодержцы конца XVII – XVIII в. восходили на престол. Пути восшествия на трон были разными, но они имели одну общую черту – соблюдение четких правил наследования было очень далеко от идеала, что значительно отличалось от большинства европейских монархий. В подобных способах смены правителей отражалась определенная нестабильность верховной власти, споры о путях модернизации страны, последствия реформ Петра Великого и собственно внутридинастические противоречия.

Ключевые слова

дворцовые перевороты, Российская империя, династия Романовых, политическая культура

Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта PROGRES Q09 “Historie – Klíč k pochopení globalizovaného světa”.

Перевод с чешского М. В. Ковалева

Для цитирования

Штеллнер Ф. Дворцовые перевороты в России: сравнительная типологизация // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 8: История. С. 34–48. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-8-34-48

Palace Coups in Russia: Comparative Typologization

František Stellner

Charles University

Prague, Czech Republic

frantisek.stellner@ff.cuni.cz, <https://orcid.org/0000-0002-8519-8401>

Abstract

This article considers palace coups as one of the key phenomena of Russian political culture, which intertwined traditions and innovations, accidents and patterns, personal and corporate interests, prudence and adventurism. It analyzes methods and mechanisms by which the Russian autocrats of the late 17th – 18th centuries ascended to the throne. The ways of ascension to the throne were different, but they had one thing in common – compliance with clear rules of succession was very far from ideal, which was significantly different from most European monarchies. In monarchies where inheritance was legally fixed by the principle of primogeniture, it was much more difficult to carry out palace

© Штеллнер Ф., 2021

© Ковалев М. В., пер. с чеш., 2021

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 1: История. С. 34–48

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2021, vol. 20, no. 1: History, pp. 34–48

coups. There was no such mandatory legal norm for the Romanov dynasty. Palace coups in Russia did not lead to changes in the social and economic sphere or in the mechanisms of functioning of the state, with the exception of the political careers of individual dignitaries. The last palace revolution in the history of Russia took place in 1801 and symbolically completed the 18th century for it. Most of the changes on the Russian throne during the 18th century took place in the form of a “palace coup” with the participation of representatives of the dynasty and, as a rule, the highest dignitaries. Such methods of changing rulers reflected a certain instability of the supreme power, disputes about the ways of modernizing the country, the consequences of Peter the Great’s reforms and, in fact, intra-dynastic contradictions.

Keywords

palace coups, Russian empire, Romanov dynasty, political culture

Acknowledgements

The paper was written under the grant PROGRES Q09 “Historie – Klíč k pochopení globalizovaného světa”.

Translated from Czech by M. V. Kovalev

For citation

Stellner F. Palace Coups in Russia: Comparative Typologization. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 8: History, pp. 34–48. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-8-34-48

В период с 1682 по 1801 г. на российском троне произошло пятнадцать перемен. Одну из ярких особенностей передачи престола, зародившуюся в предшествующий период, очень точно подметил С. А. Мельников: «Правовой институт соправительства стал эффективным способом выхода из кризиса наследования, во многом породившего феодальную войну второй четверти XV в. Кроме того, этот институт создавал правовой механизм, который обеспечивал доминирование наследования по закону в форме перехода престола по прямой нисходящей линии. В свою очередь, победа данного способа престолонаследия в московской династии явилась достаточно мощным фактором централизации» [Мельников, 2001, с. 107] (см. также: [Плотникова, 2007; Кинев, 2011; Гвозденко, Горский, 2017]).

Обратимся к известным фактам, последовательность которых чрезвычайно важна для понимания политического процесса, причем попытаемся посмотреть на них с историко-правовых и политологических позиций. В 1682 г. в политической жизни России произошло ошеломляющее изменение, когда после смерти царя Федора Алексеевича стихийное собрание патриарха, епископов и бояр передало власть его младшему брату Петру, хотя традиция требовала посадить на трон ближайшего родственника усопшего правителя по мужской линии, т. е. его родного брата – Ивана. Регентшей при Петре стала его мать Наталья Кирилловна Нарышкина. Старшая сестра Ивана, Софья Алексеевна, в противовес новой политической схеме спровоцировала восстание московских стрельцов, в результате которого произошел первый дворцовый переворот. Иван был объявлен «старшим» правителем, Петр I стал своего рода «младшим», а управление взяла на себя новая регентша – Софья. Впервые в российской истории власть получила незамужняя представительница династии. Еще в конце XIX в. историк Е. Ф. Шмурло указал на уникальность ситуации, во многом увязывая ее с личными свойствами Софьи. Он высоко оценил царевну, видя в ней едва ли не «родоначальницу освободительного женского движения», полагал, что с ее приходом во власть «пульс придворной жизни забился усиленным темпом» [Шмурло, 1896, с. 57; Ковалев, 2006, с. 35]. Потрясения 1682 г. можно охарактеризовать как начало борьбы двух придворных группировок во главе с семьями матерей Петра I и Ивана V, причем они явно сочетали в себе как старые феодальные традиции, так и новые веяния.

После семи лет регентства Софья отказалась отдать власть, проигнорировав тот факт, что 17-летний Петр был готов править самостоятельно. Это был уникальный, невиданный доселе политический прецедент. Однако в 1689 г. Петр Алексеевич заставил сестру отступить от престола, а затем заключил ее в монастырь ¹.

¹ См. подробнее биографию Софьи, в которой убедительно развенчиваются многие устоявшиеся мифы о царевне: [Hughes, 1990].

Петровские реформы в начале XVIII в. радикально меняют политический ландшафт, порождая при этом масштабные потрясения устоев, традиций и социально-политических практик. Не случайно, они встретили сопротивление части дворянства, которое надеялось, что более устойчивое и стабильное развитие сможет обеспечить им сын царя от первого брака – царевич Алексей. Ставка эта оказалась битой. Недовольство части дворянства вряд ли имело даже теоретические шансы вылиться в новый дворцовый переворот. В 1722 г. Петр I издал свой знаменитый указ, согласно которому монарх должен был сам определить преемника (ПСЗ-I, 1830, т. 6, № 3893, с. 496–497). Тем самым он нарушил традиционное первородство, подразумевавшее автоматическое наследование трона ближайшим родственником мужского пола. Сам император, однако, не сумел последовать новому правилу и своего преемника не назначил ².

В 1725 г. задача поиска нового правителя была подхвачена высшими сановниками. Подобные прецеденты можно найти в российском прошлом, если вспомнить, к примеру, годы Смуты. Хотя тогда ситуация генерировалась пресечением династии Рюриковичей. В новой ситуации аристократия намеревалась признать самодержцем внука почившего императора, девятилетнего Петра Алексеевича, но назначить при нем регента. Представители нового дворянства во главе со светлейшим князем А. Д. Меншиковым, однако, с помощью манипуляций и подкупа гвардейцев сумели посадить на трон вдову царя, Екатерину I. Во время этого дворцового переворота единственный законный прямой наследник по мужской линии – малолетний Петр Алексеевич – не был свергнут, но был временно лишен возможности взойти на трон. Таким образом, Екатерину I можно считать первым узурпатором в русской истории, поскольку она не имела прав на корону по принципу кровного родства, и покойный супруг не распорядился законным образом в ее пользу (ПСЗ-I, 1830, т. 7, № 4643, с. 410) ³. Екатерина I же стала руководствоваться указом 1722 г. и сделала распоряжение относительно преемника, изначально ознакомив с ним верховных сановников. Она уважала принцип первородства и потому определила наследником Петра Алексеевича, внука Петра Великого. После кончины императрицы в 1727 г. произошло его беспрепятственное восхождение на трон. Как писала Е. М. Болтунова, легитимность Петра II была в XVIII в. «необычной», поскольку определялась и традицией, и законом [Болтунова, 2016, с. 76].

В 1730 г. российское государство снова столкнулось с серьезным династическим кризисом, потому что после двух лет правления умер юный и неженатый Петр II, последний прямой представитель династии Романовых по мужской линии. Он не успел назначить преемника, потому инициатива была перехвачена высшим правительственным органом – Верховным тайным советом, который выбрал в качестве императрицы дочь Ивана V, овдовевшую курляндскую герцогиню Анну Ивановну [Dixon, 1999, p. 25; Плотников, 2001]. Завет Екатерины I о необходимости следовать принципу первородства не был принят во внимание, ведь согласно ему больше прав на престол имела сестра Анны Ивановны, герцогиня Мекленбургская Екатерина Ивановна ⁴.

В 1740 г. Анна Ивановна нарекла наследником не свою ближайшую родственницу, племянницу Анну Леопольдовну, а ее сына Ивана Антоновича [Курукин, 2014; Лысцова, 2017]. С одной стороны, в этом шаге можно усмотреть дань традиции наследования персоной мужского пола. С другой стороны, назначение младенца царем позволило сделать регентом фаворита императрицы, курляндского герцога Эрнста Иоганна Бирона [Павленко, 2006, с. 48]. Однако тот смог удержаться у власти в 1740 г. всего три недели. Подготовка к дворцовому перевороту против регента произошла необычайно быстро в ноябре 1740 г., а его реализация обошлась без единой капли крови. Организацию взяли на себя главнейший военачальник империи маршал, граф Бурхард Христоф Миних и мать царя-младенца Анна Леопольдовна

² См. правовой разбор документа: [Драган, 2017].

³ С термином «дворцовый переворот» в этой связи не согласна С. Н. Драган, которая считает, что Петр I намеревался передать престол супруге [Драган, 2016, с. 48].

⁴ См. об этом: [Петрухинцев, 2006].

[Курукин, 1997а; 2012; Искюль, Берг, 2007; Boetticher, 1998]. Это был заговор не против монарха, а против непопулярного регента. Бирон был арестован и отправлен в ссылку, Анна Леопольдовна заняла место регента.

Дестабилизацию власти после смерти Анны Ивановны использовали государства, желавшие помешать России оказывать помощь чешской и венгерской королеве Марии Терезии в войне за австрийское наследство. Речь идет о Швеции и Франции. Поэтому дипломаты этих стран при Санкт-Петербургском дворе пытались поддержать дочь Петра I и Екатерины I – Елизавету Петровну. Переворот, который в декабре 1741 г. возвел ее на престол, характеризовался тем, что иностранные дипломаты активно участвовали в свержении регента. Этим он отличался от предыдущих переворотов. Ни один член генералитета, никто из представителей двора или высшего государственного управления не принимал в нем участия. Подготовили его приближенные к Елизавете Петровне дворяне, а совершили его рядовые гвардейцы, а отнюдь не офицеры и высшее командование (ПСЗ-I, 1830, т. 11, № 8473, с. 537–538) [Курукин, 1997б; Лиштенау, 2000; 2012; Stellner, 2013; Анисимов, 2018]. Успех был в основном обусловлен слабостью существующей администрации⁵.

После смерти Елизаветы Петровны в январе 1762 г., Петр III, ее официальный наследник, без малейших проблем вззошел на трон. Это напоминало приход к власти Петра II, за исключением того, что в 1727 г. ни один другой член романовской династии не мог считаться законным претендентом, в то время как в 1762 г. сразу трое представителей ивановской линии, включая свергнутого Ивана VI, пребывали в тюрьме.

Петр III совершил ряд ошибок во внутренней и внешней политике и недооценил способности и решимость своей жены (ПСЗ-I, 1830, т. 11, № 8658, с. 712–713) [Wortman, 2013, р. 44; Штеллнер, 2014]. Екатерина Алексеевна подготовила заговор, установила контакты с представителями верховной администрации, двора и вооруженных сил, а в июле 1762 г. лично произвела новый дворцовый переворот. Это событие комбинировало несколько типов переворотов. Как и в 1725 г., законная жена, которая не была членом династии по крови [Teibenbacher, 2019, р. 257], получила трон, и в ее возведении на трон приняли участие высокопоставленные сановники. В то же время это событие напоминало государственный переворот Елизаветы Петровны, поскольку Екатерина II поддерживала связь с младшими гвардейскими офицерами [Kusber, 2020, S. 147–150] и сама стояла во главе мятежных войск.

Фундаментальное отличие от предыдущего переворота состояло в том, что Екатерина II имела сына и что ее муж, Петр III, оказался первым в российской истории свергнутым взрослым правителем, и потому, теоретически, многие соратники могли сохранять верность ему⁶. Кроме того, еще был жив Иван VI, и Екатерине II как узурпаторше пришлось беспокоиться не только насчет свергнутого мужа, но и насчет находившегося в заключении Ивана Антоновича. Задумывалась она, вероятно, и о перспективах сына – Павла Петровича. Ни один российский правитель никогда прежде не находился в подобной ситуации. Вряд ли Елизавета Петровна могла даже подумать об убийстве своего предшественника, который был еще ребенком. Екатерина II и ее ближайшие единомышленники разрешили ситуацию тем, что через неделю после переворота Петр III оказался убит [Kleinschmidt, 1883, S. 539]⁷.

Последним дворцовым переворотом стало свержение Павла I в 1801 г. Это был единственный дворцовый переворот, который подготовили исключительно высшие офицеры. В событиях 1730, 1741 или 1762 гг. также были задействованы гвардейцы и солдаты, но главными организаторами всегда были представители династии. О подготовке заговора в 1801 г. знал наследник трона, будущий Александр I, но в самом перевороте он, в отличие от Анны Ивановны, Елизаветы Петровны и Екатерины II, участия не принимал [Троицкий, 1994, с. 67–68]. От-

⁵ О проблеме законности в легитимации воцарения Елизаветы Петровны см.: [Киселев, 2017].

⁶ Так, храбрый маршал Б. Х. Миних и принц Георг-Людвиг сохранили ему верность до самого конца. См., например, донесение князя Петра Черкасского о караульных и арестованных от 29 июня 1762 г. (РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 207).

⁷ Ср. с посланием Екатерины II сенаторам от 28 июля 1762 г. (РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 556).

личие от предыдущих переворотов также заключалось в том, что его вершителей не ожидали вознаграждение или головокружительная карьера. Хотя они не были осуждены, но их постепенно отдалили от двора. Так же, как в 1741 г., когда иностранные дипломаты оказывали финансовую поддержку Елизавете Петровне, заговорщики получали деньги от британского посланника в Санкт-Петербурге [Троицкий, 1994, с. 67]. После 1801 г. в истории императорской России более не было дворцовых переворотов [Сорокин, 2006; Павлова, 2008].

Русский историк-эмигрант М. В. Зызыкин так определял особенности передачи власти после смерти Петра I: «Иллюстрацией полной беспринципности в преемстве престола, а также полной беспринципности в отношении лиц, его занимающих, особенно усугублявшейся отсутствием мужских линий, является история преемства престола от Петра до воцарения Павла» [Зызыкин, 1924, с. 83]. Чешский историк Милан Шванкмайер писал о русском престоле XVIII в., что он «не был в прямом смысле наследственным, а скорее “профессиональным”» [Švankmajer, 1995, s. 162]. Данная терминология и подходы наводят на мысль, что трон все время занимал кто-то чужой, посторонний. В действительности перевороты не поколебали царственное положение романовской династии. Точно так же неуместно считать всех правителей после 1725 г. узурпаторами. Этим словом традиционно именовали захватчиков трона, которые присвоили себе властные права в обход легитимного правителя. Среди русских правителей XVIII в. только Екатерину I, Екатерину II и частично Елизавету Петровну можно считать узурпаторами. Однако эти императрицы не имели в мыслях отстранять от власти законную династию, и каждая из них в итоге передавала трон наследникам Петра Великого [Штеллнер, 2012].

В анализируемый период три регентши и один регент управляли государством (в 1682–1689 и 1740–1741 гг.). Например, Наталья Кирилловна Нарышкина лишь на короткое время встала во главе придворной партии, до тех пор, пока после стрелецкого бунта 1682 г. регентшей при малолетних Петре I и Иване V не стала их сестра Софья. Однако в случае установления регентства над Иваном VI речь шла всё же о правовом действии, поскольку Анна Ивановна решила вопрос в соответствии с законом 1722 г.

Кроме того, необходимо задаться вопросом, почему в периоды 1682–1689, 1725–1727, 1730–1740, 1740–1762 и, наконец, 1762–1796 гг. во главе страны оказывались женщины? Вопрос этот не праздный и давно привлекает внимание исследователей [Anisimov, 2004]. Одно из возможных объяснений заключается в том, что среди представителей династии не было дееспособных и совершеннолетних мужчин. Петр II реально не правил, а Иван VI был совсем ребенком. Петр III, поставивший против себя и жену, и часть элиты, продержался у власти всего полгода. Павел I правил дольше всех мужчин после Петра I, но он, как известно, дестабилизировал высшие правительственные и военные круги и после четырех лет сурового правления был свергнут и убит. Другая причина состоит в том, что ни у кого из правителей, кроме Екатерины II и Павла I, к концу их правления не было наследников мужского пола, способных взять власть в свои руки. В период с 1682 по 1801 г. среди кровных представителей династии Романовых как минимум до 15 лет дожили в общей сложности лишь 12 мужчин и 14 женщин. Если же мы не будем включать сюда братьев и сестер Ивана VI, родившихся в ссылке, или внуков Екатерины II, то окажется всего шесть мужчин и семь женщин.

Другой важный фактор состоит в том, что если старшая и младшая петровская ветви всегда имели представителей мужского пола, то в ивановской ветви в 1696–1740 гг. были одни женщины. Следует отметить, что, когда Петр II умер 14-летним ребенком, единственным прямым потомком Петра I по мужской линии был сын его дочери Анны, двухлетний Карл Петер Ульрих, будущий Петр III. Даже если бы правящие круги хотели, чтобы какой-либо совершеннолетний мужчина из романовской династии управлял ими, в периоды с 1725 по 1743 и с 1762 по 1769 г. таковых попросту не имелось. Таким образом, нужно констатировать, что в России не было взрослого мужчины из числа представителей правящего дома в течение четверти века. В то же время за несовершеннолетних наследников в любом случае

кто-то должен был управлять. Показателен пример Софьи, которая царствовала за малолетних братьев Петра и Ивана, но не торопилась уступать трон. Анна Леопольдовна совсем недолго была правительницей за своего сына-младенца, а уже Екатерина II отказалась быть регентшей при несовершеннолетнем Павле, объявив себя самодержицей.

Еще одним объяснением «женского правления» может служить позиция дворцовых партий, чьи представители полагали (как мы знаем, довольно опрометчиво), будто суверен со спорной легитимностью окажется более управляемым. Такое предположение могло бы быть применимо к Екатерине I, Анне Леопольдовне и частично Елизавете Петровне, но, конечно, не к Софье, Анне Ивановне или Екатерине II. В XVIII в. женское правление в России сделалось специфическим явлением, после 1796 г. оно не повторялось.

Еще одна поразительная особенность рассматриваемого периода заключалась в том, что у большинства российских правительниц не было мужа. Екатерина II и Анна Ивановна царствовали как вдовы, правда, Екатерина стала таковой через неделю после восшествия на престол. Софья и Елизавета Петровна умерли незамужними. Почему никто из них не думал о замужестве во время правления? В свою эпоху они, как самодержицы, могли сочетаться браком лишь с иностранными принцами, поскольку неравномерный союз нанес бы ущерб репутации страны на международном уровне. Однако выбор представителя какой-либо европейской династии мог, в свою очередь, привести к осложнениям, поскольку втянул бы Россию в заграничные дела и династические распри. Правда, в эти распри империя всё равно ввязывалась не раз. К тому же внутри страны такой брак не был бы одобрен, особенно гвардией. Потенциальный муж, вероятно, захотел бы принять участие в осуществлении верховной власти, чего императрица и самые влиятельные сановники не позволили бы.

Вдовам и не состоящим в браке правительницам пришлось мучительно решать вопрос о наследовании. Так, Екатерина I провозгласила преемником потомка неродного ей сына, Анна Ивановна – сына своей племянницы, Елизавета Петровна – племянника, и только Екатерина II – своего сына. Из всех правительниц имела мужа лишь Анна Леопольдовна, и лишь одна она во время короткого нахождения на троне родила ребенка – дочь Екатерину (1741–1807). Впрочем, российские государыни не сторонились мужчин, напротив, их любовники занимали ключевые позиции при дворе. Для полноты картины добавим, что Петр I, Петр III и Павел I правили вместе с женами, Петр II был недостаточно взрослым для женитьбы, а Иван VI вовсе был маленьким ребенком.

Еще один важный вопрос заключается в том, кто именно руководил подготовкой к каждому дворцовому перевороту, и в какой степени он влиял на персону, возведенную на трон. В 1725 и 1727 гг. такую инициативу взял на себя князь А. Д. Меншиков, в 1730 г. – члены Верховного Тайного Совета, а затем Анна Ивановна, разорвавшая «кондиции». Свержение регента Э. И. Бирона в 1740 г. было затеяно и претворено в жизнь фельдмаршалом Б. Х. Минихом, а отстранение от власти Ивана VI и Анны Леопольдовны в 1741 г. организовали приближенные Елизаветы Петровны, находившиеся вне высших правительственных кругов. Елизавета сама встала во главе гвардейцев, совершивших государственный переворот. В 1762 г. Екатерина II сама инициировала захват власти и руководила его подготовкой. Свержение Павла I было подготовлено и реализовано в 1801 г. группой военных. Одновременно можно говорить о «малых дворцовых переворотах», направленных на устранение с политической арены ключевого, влиятельного сановника. Нередко последствия таких изменений были далеко идущими, и их вполне можно сравнить со сменой главы государства. Тем не менее даже падение А. Д. Меншикова, Э. И. Бирона, в какой-то степени также Б. Х. Миниха и А. П. Бестужева-Рюмина, не вызвали политического кризиса в империи.

Напрямую с помощью угроз или силы на престол взошли Екатерина I, Анна Леопольдовна, Елизавета Петровна и Екатерина II. Физическое устранение монарха непосредственно во время переворота произошло только в 1801 г., в случае с Павлом I. В 1762 г. Петр III был принужден отречься от престола, и лишь затем, несколько дней спустя, его убили. Иван VI был убит в 1764 г. при попытке его освобождения из заключения в Шлиссельбургской кре-

пости. В 1741 г. Анне Леопольдовне пришлось отказаться от притязаний на престол в пользу своего сына Ивана VI, который в ту пору был совсем ребенком. Оба они впоследствии будут арестованы наряду с другими членами семьи и отправлены в заключение. Точно так же произошло с царевной Софьей и регентом Э. И. Бироном. Из 11 правителей и регентов в 1682–1725 гг. (без учета Федора Алексеевича) шесть человек умерли на троне, трое были убиты, один умер естественной смертью под арестом, а один погиб при попытке освобождения из заключения.

Некоторые историки сравнивают перемены на русском престоле в XVIII в. с восхождением древнеримских императоров, которых поддерживали преторианцы. В некоторых исследованиях мы можем прочесть, что гвардейцы имели при русском дворе положение аналогичное преторианцам и что российская гвардия была независимым политическим субъектом. Она приводила суверена к власти в соответствии с собственными интересами [Massie, 1987, S. 235; Hosking, 2000, S. 127]. С этой концепцией нельзя согласиться. Российская гвардия была не организатором переворотов, а только их инструментом. Ее численность никогда не превышала нескольких тысяч человек, потому говорить о гвардии как об особом социальном слое не приходится [Schippan, 1997, S. 270]. Лишь около 70 гвардейцев приняло участие в государственном перевороте Анны Ивановны. Елизавету Петровну возвели на престол 308 гвардейцев. Крупнейшие военные маневры, связанные со сменой власти, относятся к 1762 г., когда Екатерина II заставила выдвинуться 10 000 солдат из Петербурга к расположенной неподалеку от столицы летней царской резиденции. Реальные боевые действия никогда не случались в ходе захватов власти в XVIII в. У дворцовых переворотов не было шанса вовлечь армейские подразделения, развернутые за пределами столицы или самого двора.

Согласимся в этой связи с мнением Н. В. Коршуновой: «Петр I выбил социальную опору из-под монархии – боярскую аристократию, а новая политическая сила только начала формироваться, но при этом служилое дворянство, гвардейское офицерство видели в правителе всего лишь человека, пусть и наделенного высшей властью. Исчезла сакральность монархии. Более того, учитывая частые дворцовые перевороты, считали, что монархи им обязаны тронном. Поэтому стал возможен переворот 1762 г. в пользу Екатерины II, которая не имела никаких прав на престол» [Коршунова, 2017, с. 120].

Попробуем типологизировать государственные перевороты в России в 1682–1801 гг. Согласно определению польского политолога М. Банковича, государственный переворот является «незаконным свержением существующей политической власти небольшой группой заговорщиков, которые используют стратегию внезапного захвата жизненно важных государственных институций и учреждений, и сопровождается насилием или угрозой его использования. Переворот является делом заговорщиков, потому это не политическое изменение, вызванное массовыми социальными явлениями» [Bankowicz, 2010, s. 19]. В новейшее время для обозначения государственного переворота нередко используют французский термин «coup d'état». Его определяют как внезапное и насильственное свержение законного правительства, захват высшей политической власти небольшой группой заговорщиков [Zald, Berger, 1978, p. 833]⁸. Причем зачастую эти люди происходят из государственных органов и армии и, по сути, являются законными носителями власти.

Терминологическая двусмысленность приводит к тому, что термин «путч» предпочитается понятию «государственный переворот», например, некоторыми немецкими историками и политологами [Clemens, 1999]. В то же время другие авторы определяют путч как один из видов государственного переворота и ограничивают его только процессом, когда к власти насильственным путем приходят военные деятели и устанавливают диктатуру поверх государственных структур. Хорошо известно, что применительно к XX в. группу путчистов, за-

⁸ Однако, как отмечает И. В. Курукин, «в западной политологической терминологии... употребляется данный термин по отношению к политическим системам Нового и Новейшего времени (XIX–XX вв.), преимущественно в “незападном мире” (Африка, Латинская Америка) и не включает российскую практику XVIII столетия» [2019, с. 8].

хвативших власть, именуют «хунтой», а установленный ей режим характеризуют как «военную диктатуру». Другая классификация основана на том факте, что государственный переворот осуществляется высшими сановниками или высшими офицерами, в то время как путч – рядовыми военными или группами лиц, не имеющими политической власти [Weyr, 1995; Hebditch, Connor, 2009; Powell, 2012]. Для русской истории 1682–1801 гг. термин «путч» совершенно неуместен и в основном не используется⁹.

Применительно к смене власти в России в XVIII в. некогда использовался термин «дворцовая революция»¹⁰. Он метко указывал на тот факт, что смена правителя происходила во дворце как центре политической власти и что население вообще не принимало участия в этом процессе. По этой причине невозможно использовать термины «восстание», «революция» или «бунт» для описываемых событий [Люттвак, 2012, с. 19–27]. В настоящее время термин «дворцовая революция» менее приемлем, поскольку термин «революция» связан с такими феноменами, как Французская революция 1789 г. или Октябрьская революция 1917 г., которые коренным образом изменили государственное устройство и социальные устои. Дворцовые перевороты в России не приводили к изменениям в социальной и экономической сферах, в механизмах функционирования государства, за исключением политических карьер отдельных сановников. Последний дворцовый переворот в истории России произошел в 1801 г. и символически завершил для нее XVIII в. В наступающем «веке революций» сформировались совсем иные механизмы смены власти.

Потому будем отталкиваться от представления, что большая часть изменений на российском троне в XVIII в. происходила в форме «дворцового переворота» с участием представителей династии и, как правило, высших сановников. Этим термином пользовался еще В. О. Ключевский, который период от смерти Петра I в 1725 г. до восшествия Екатерины II в 1762 г. назвал «эпохой дворцовых переворотов» [Ключевский, 2004, с. 567]¹¹. Автор статьи рискнул расширить границы периода от прихода к власти царевны Софьи и до убийства Павла I, поскольку в обоих случаях изменения на троне не соответствовали твердому порядку, а отдельные члены династии Романовых и их сподвижники использовали ситуации для незаконной и насильственной смены правителя.

М. Банкович термин «дворцовый переворот» определяет исключительно как смену государственного руководства. Его инициаторы, зачастую происходящие из правящих кругов, не проводят каких-либо общественных или экономических реформ и опираются на ту же политическую базу, «которая до этого времени представляла собой тыл правящей элиты, то есть не изменяют механизмов функционирования государства» [Банкович, 2008, с. 8].

В какой-то мере совершенно идеальным было бы считать «дворцовый переворот» только таким событием, при котором законный правитель свергнут заговорщиками, набранными из числа придворного окружения, а на трон посажен представитель династии, который не был официально назначен преемником или вовсе не имел права наследования. Такие дворцовые перевороты состоялись в 1741 г., когда был низложен Иван VI, и в 1762 г., когда Петр III был свергнут и затем убит. Отчасти это определение соответствует ситуации, когда на престол взошла Екатерина I. Тем не менее, термин «дворцовые перевороты» по-прежнему разумно использовать для всех незаконных и насильственных изменений, связанных со сменой главы государства в России в период с 1682 по 1801 г.¹²

⁹ См., например, исторический обзор феноменов переворотов: [Враун, 1978]. Хотя автор использовал в названии термин «дворцовый переворот», в самом тексте он говорит о «путче».

¹⁰ И. В. Курукин указывает, что для современников «такое понятие стало наиболее употребительным в России», однако «в русский язык XVIII столетия это слово не вошло» [2019, с. 7–8].

¹¹ Сравнение разных историографических традиций см. в классической работе: [Троицкий, 1966]. Новейшие теоретические подходы отражены в работах: [Волкова, Курукин, 1995; Драган, 2016, с. 46–47].

¹² С точки зрения современных российских исследователей (в частности, И. В. Курукина) всё же необходимо выделять события 1730 г., представлявшие собой попытку изменения государственного устройства: «Применительно к междоусобице 1730 г. можно говорить о государственном перевороте; “верховники” предоставили “шляхетству” возможность гласно и легально составлять проекты нового государственного устройства, а их оп-

В чем причина столь значительных потрясений верховной власти в России XVIII в.? В монархиях, где наследование было юридически закреплено принципом первородства, было гораздо труднее проводить дворцовые перевороты. Для династии Романовых не существовало обязательной правовой нормы. Согласно традиции, старший сын становился преемником умершего правителя. Эта практика работала до Федора Алексеевича, который умер, не оставив потомков, а ближайшими наследниками мужского пола оказались больной Иван и юный Петр. Еще одно осложнение вызвал указ 1722 г., предписывавший монарху самостоятельно назначать преемника. Тем самым создавались условия для интриг высших сановников, которые пытались использовать положение в своих интересах. Ситуация еще более усугубилась после того, как прервалась прямая мужская линия династии Романовых. Причем потомки Петра I и Екатерины I изначально имели незаконное происхождение, в отличие от потомков Ивана V. Хотя и в том, и в другом случае речь шла о женских линиях. Необходимо уточнить, что многие представители династии Романовых обрели спутников жизни среди представителей иностранных монархий, что практически исключало их из числа подходящих кандидатов на престол. Парадоксальным образом это же обстоятельство, напротив, позволило оказаться на императорском троне «нерусским» Екатерине I и Екатерине II. Не будем сбрасывать со счетов и личностный фактор, о котором уже много написано историками. Петр Великий был необычайно сильной личностью, способной твердо держать бразды правления. После его смерти в династии уже не было никого подобного, потому неудивительно, что государственное устройство, построенное Петром, оказалось в упадке и кризисе.

Дальнейшие исследования могли бы сосредоточить внимание на том, как дворцовые перевороты 1682–1801 гг. сделались привычной частью жизни в столице, в какой степени влияли они на государственное управление в губерниях и уездах, и как они воспринимались иными, нежели придворные круги, социальными группами. Исследования так называемой «второй жизни» дворцовых перерывов могли бы показать, как это явление воспринималось в историческом сознании в XIX–XX вв. В частности, историки могли бы изучить способы, которыми в социальной памяти закреплялись образы дворцовых переворотов, например, через устную традицию, литературу и искусство¹³.

Список литературы

- Анисимов М. Ю.** Елизаветинская Россия и международные конгрессы в середине XVIII века // Новая и новейшая история. 2018. № 1. С. 121–143.
- Банкович М.** Государственный переворот, пронунсиamento, путч: теоретический анализ // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: История. Политология. Социология. 2008. № 2. С. 3–12.
- Болтунова Е. М.** «От тебя, с тобою и к славе твоей»: Петр II как Петр I // Российская история. 2016. № 2. С. 76–91.
- Волкова И. В., Курукин И. В.** Феномен дворцовых переворотов в политической истории России XVIII–XX вв. // Вопросы истории. 1995. № 5–6. С. 40–61.
- Гвозденко К. С., Горский А. А.** О порядке наследования княжеской власти в Древней Руси // Российская история. 2017. № 6. С. 14–23.
- Драган С. Н.** «Эпоха дворцовых переворотов»: стереотип и реальность // Учен. тр. Рос. академии адвокатуры и нотариата. 2016. № 1. С. 46–51.
- Драган С. Н.** Первый закон о престолонаследии // Учен. тр. Рос. академии адвокатуры и нотариата. 2017. № 2. С. 31–37.

поненты столь же явно отстаивали свою точку зрения... Столкновения проходили публично, с участием собравшихся во дворце представителей знати и прочего «шляхетства» [Курукин, 2019, с. 508]. См. также: [Курукин, Плотников, 2010] – *Примеч. отв. ред.*

¹³ Вопросы эти остаются совершенно не изученными. К примеру, в книге О. Б. Леонтьевой, являющейся сегодня лучшим и наиболее полным исследованием об исторической памяти императорской России, проблематика дворцовых переворотов упоминается лишь вскользь [Леонтьева, 2011, с. 235, 267, 279].

- Зызыкин М. В.** Царская власть и закон о престолонаследии в России. София: А. А. Ливен, 1924. 194 с.
- Искюль С. Н., Берг Б.** Бурхард Кристоф фон Миних: оценка, изображение и исследование его деятельности в русской и немецкой историографии // Вопросы истории. 2007. № 10. С. 172–175.
- Кинев С. Л.** Принципы наследования власти на Руси XIV–XVI вв. в отечественной историографии // Вестник Том. гос. ун-та. 2011. № 353. С. 85–92.
- Киселев М. А.** «По правам всего света»: легитимация дворцового переворота 1741 г. и проблема законности воцарения Елизаветы Петровны // Россия XXI. 2017. № 5. С. 98–117.
- Ключевский В. О.** Русская история. Полный курс лекций. М.: ОЛМА-Пресс, 2004. 834 с.
- Ковалев М. В.** Петровская эпоха в научном наследии Е. Ф. Шмурло // Новый век: история глазами молодых. Саратов, 2006. Вып. 5. С. 39–53.
- Коршунова Н. В.** Дворцовые перевороты как инструмент утверждения абсолютной монархии в России в XVIII – начале XIX века // Социум и власть. 2017. № 2. С. 118–122.
- Курукин И. В.** Анна Леопольдовна // Вопросы истории. 1997а. № 6. С. 28–40.
- Курукин И. В.** Дворцовый переворот 1741 г.: причины, «технология», уроки // Отечественная история. 1997б. № 5. С. 3–23.
- Курукин И. В.** Анна Леопольдовна. М.: Молодая гвардия, 2012. 302 с.
- Курукин И. В.** Анна Иоанновна. М.: Молодая гвардия, 2014. 427 с.
- Курукин И. В.** Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России (1725–1762 гг.). СПб.: Наука, 2019. 757 с.
- Курукин И. В., Плотников А. Б.** 19 января – 25 февраля 1730 года: события, люди, документы. М.: Квадрига, Объедин. ред. МВД России, 2010. 275 с.
- Леонтьева О. Б.** Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX в. Самара: ООО «Книга», 2011. 448 с.
- Лиштенан Ф.-Д.** Россия входит в Европу: императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство, 1740–1750. М.: ОГИ, 2000. 412 с.
- Лиштенан Ф.-Д.** Елизавета Петровна: императрица, непохожая на других. М.: Астрель, 2012. 635 с.
- Лысцова А. С.** Роль графа А. И. Остермана в регулировании престолонаследия в России в 1730-е – начале 1740-х гг. // Вестник Оренбург. гос. пед. ун-та. 2017. № 2. С. 150–161.
- Люттвак Э.** Государственный переворот. Практическое пособие. М.: Рос. фонд содействия образованию и науке, 2012. 326 с.
- Мельников С. А.** Наследование престола на Руси и институт соправительства как факторы централизации // Вопросы истории. 2001. № 11–12. С. 102–108.
- Павленко Н. И.** Петр II. М.: Молодая гвардия, 2006. 281 с.
- Павлова Е. В.** Переворот 1801 года и русское общество (вопрос о преемственности и легитимности самодержавной власти): Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2008. 266 с.
- Петрухинцев Н. Н.** Дворцовые интриги 1730-х годов и «дело» А. П. Волынского // Вопросы истории. 2006. № 4. С. 30–37.
- Плотников А. Б.** Ограничение самодержавия в России в 1730 г.: идеи и формы // Вопросы истории. 2001. № 1. С. 60–69.
- Плотникова О. А.** Порядок наследования власти в Древнерусском государстве // Власть. 2007. № 10. С. 107–110.
- Сорокин Ю. А.** Заговор и цареубийство 11 марта 1801 года // Вопросы истории. 2006. № 4. С. 15–29.
- Троицкий Н. А.** Александр I и Наполеон. М.: Высш. шк., 1994. 304 с.
- Троицкий С. М.** Историография «дворцовых переворотов» в России XVIII в. // Вопросы истории. 1966. № 2. С. 38–53.
- Шмурло Е. Ф.** Падение царевны Софьи // Журнал Министерства народного просвещения. 1896. № 1. С. 38–95.

- Штеллер Ф.** Династическая политика Австрийской, Прусской и Российской монархий в XVIII веке: сравнительно-исторический анализ // Россия XXI. 2012. № 4. С. 82–109.
- Штеллер Ф.** Династический аспект внешней политики Петра III // Российская история. 2014. № 4. С. 70–79.
- Anisimov J. V.** Five Empresses: Court Life in Eighteenth-Century Russia. Westport, Praeger, 2004, 375 p.
- Bankowicz M.** Státní převrat. Praha, Nakladatelství Dokořán, 2010, 118 s.
- Boetticher M. von** (Hrsg.). Braunschweigische Fürsten in Rußland in der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts. Göttingen, 1998, 329 S.
- Braun F. H.** Morocco: Anatomy of a Palace Revolution That Failed. *International Journal of Middle East Studies*, 1978, vol. 9, no. 1, pp. 63–72.
- Clemens D.** The “Bavarian Mussolini” and His “Beerhall Putsch”: British Images of Adolf Hitler, 1920–1924. *The English Historical Review*, 1999, vol. 114, no. 455, pp. 64–84.
- Dixon S.** The Modernization of Russia 1676–1825. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 1999, 267 p.
- Hebditch D., Connor K.** How to Stage a Military Coup. From Planning to Execution. London, Skyhorse, 2009, 256 p.
- Hosking G.** Russland. Nation und Imperium 1552–1917. Berlin, Siedler, 2000, 574 S.
- Hughes L.** Sophia. Regent of Russia, 1657–1704. New Haven, London, Yale Uni. Press, 1990, 345 p.
- Kleinschmidt A.** (Hrsg.). Vom Tode Peter’s III bis zum Tode Iwans VI Gesandtschaftsberichte aus dem Haager Reichsarchive. *Russische Revue*, 1883, Bd. 23, S. 534–559.
- Kusber J.** Katharina II. und ihre Favoriten in den Eliten des russischen Reiches. In: Weibliche Herrschaft im 18. Jahrhundert: Maria Theresia und Katharina die Große. Bielefeld, 2020, S. 147–166.
- Massie R. K.** Peter der Grosse. Sein Leben und seine Zeit. Frankfurt am Main, Fischer-Taschenbuch-Verlag, 1987, 791 S.
- Powell J.** Determinants of the Attempting and Outcome of Coups d’état. *The Journal of Conflict Resolution*, 2012, vol. 56, no. 6, pp. 1017–1040.
- Schippam M.** Mächtepolitik und Aufklärung an Spree und Newa. Deutsch-russische Begegnungen im Zeitalter der Aufklärung (18. Jahrhundert). In: Wanderausstellung durch Deutschland und Russland. Dokumentation. Göttingen, Köln, 1997, S. 195–216.
- Stellner F.** Die Interessengruppen am Hof Elisabeth Petrownas. Ein Beitrag zur Analyse der Herrscherstellung im absolutistischen System. Politische Kommunikation zwischen Imperien: Der diplomatische Aktionsraum Südost- und Osteuropa (Innsbrucker Historische Studien). Innsbruck, Wien, Bolzen, 2013, S. 145–154.
- Švankmajer M. et al.** Dějiny Ruska. Prague, Nakladatelství Lidové noviny, 1995, 474 s.
- Teibenbacher E.** Catherine the Great: How the Question of Legitimacy Influenced her Politics. In: Dynastic Change: Legitimacy and Gender in Medieval and Early Modern Monarchy. London, New York, 2019, pp. 255–274.
- Weyr F.** Pojem puče. *Filosofický časopis*, 1995, t. 43, no. 3, s. 449–460.
- Wortman R.** Russian Monarchy: Representation and Rule. Collected Articles. Boston, Academic Studies Press, 2013, 332 p.
- Zald M. N., Berger M. A.** Social Movements in Organizations: Coup d’État, Insurgency, and Mass Movements. *American Journal of Sociology*, 1978, vol. 83, no. 4, pp. 823–861.

Список источников

ПСЗ-I – Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. канц., 1830. Т. 6. 815 с.; Т. 7. 941 с.; Т. 11. 992 с.

References

- Anisimov J. V.** Five Empresses: Court Life in Eighteenth-Century Russia. Westport, Praeger, 2004, 375 p.
- Anisimov M. Yu.** Elizavetinskaya Rossiya i mezhdunarodnye kongressy v seredine XVIII veka [Elizabethan Russia and International Congresses in the Middle of the 18th Century]. *Novaya i noveishaya istoriya* [New and Contemporary History], 2018, no. 1, pp. 121–143. (in Russ.)
- Bankowicz M.** Gosudarstvennyi perevorot, pronuntsiamento, putch: teoreticheskii analiz [Coup d'etat, Pronunciamento, Putsch: A Theoretical Analysis]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya* [Proceedings of Voronezh State University Bulletin. Series: History. Political science. Sociology], 2008, no. 2, pp. 3–12. (in Russ.)
- Bankowicz M.** Státní převrat. Prague, Nakladatelství Dokořán, 2010, 118 p. (in Czech)
- Boetticher M. von** (Hrsg.). Braunschweigische Fürsten in Rußland in der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts. Göttingen, 1998, 329 S.
- Boltunova E. M.** “Ot tebya, s toboyu i k slave tvoei”: Petr II kak Petr I [From You, with You, and to Your Glory: Peter II as Peter I]. *Rossiiskaya istoriya* [Russian History], 2016, no. 2, pp. 76–91. (in Russ.)
- Braun F. H.** Morocco: Anatomy of a Palace Revolution That Failed. *International Journal of Middle East Studies*, 1978, vol. 9, no. 1, pp. 63–72.
- Clemens D.** The “Bavarian Mussolini” and His “Beerhall Putsch”: British Images of Adolf Hitler, 1920–1924. *The English Historical Review*, 1999, vol. 114, no. 455, pp. 64–84.
- Dixon S.** The Modernization of Russia 1676–1825. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 1999, 267 p.
- Dragan S. N.** “Epokha dvortsovykh perevorotov”: stereotip i real’nost’ [“The Era of Palace Coups”: A Stereotype and Reality]. *Uchenye trudy Rossiiskoi akademii advokatury i notariata* [Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notary], 2016, no. 1, pp. 46–51. (in Russ.)
- Dragan S. N.** Pervyi zakon o prestolonasledii [The First Law on Succession to the Throne]. *Uchenye trudy Rossiiskoi akademii advokatury i notariata* [Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notary], 2017, no. 2, pp. 31–37. (in Russ.)
- Gvozdenko K. S., Gorsky A. A.** O poryadke nasledovaniya knyazheskoi vlasti v Drevnei Rusi [On the Order of Inheritance of Princely Power in Ancient Russia]. *Rossiiskaya istoriya* [Russian History], 2017, no. 6, p. 14–23. (in Russ.)
- Hebditch D., Connor K.** How to Stage a Military Coup. From Planning to Execution. London, Skyhorse, 2009, 256 p.
- Hosking G.** Russland. Nation und Imperium 1552–1917. Berlin, Siedler, 2000, 574 S.
- Hughes L.** Sophia. Regent of Russia, 1657–1704. New Haven, London, Yale Uni. Press, 1990, 345 p.
- Iskyl S. N., Berg B.** Burkhard Kristof fon Minikh: otsenka, izobrazhenie i issledovanie ego deyatel’nosti v russkoi i nemetskoj istoriografii [Burchard Christoph von Münnich: Assessment, Image and Study of his Activities in Russian and German Historiography]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 2007, no. 10, pp. 172–175. (in Russ.)
- Kinev S. L.** Printsipy nasledovaniya vlasti na Rusi XIV–XVI vv. v otechestvennoi istoriografii [Principles of Inheritance of Power in Russia of the 14th – 16th Centuries in Russian Historiography]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2011, no. 353, pp. 85–92. (in Russ.)
- Kiselev M. A.** “Po pravam vsego sveta”: legitimatsiya dvortsovogo perevorota 1741 g. i problema zakonnosti votsareniya Elizavety Petrovny [“According to the Rights of the Whole World”. Legitimization of the 1741 Palace Coup and the Problem of Elizaveta Petrovna Accession’s Legality]. *Rossiya XXI* [Russia XXI], 2017, no. 5, pp. 98–117. (in Russ.)

- Kleinschmidt A.** (Hrsg.). Vom Tode Peter's III bis zum Tode Iwans VI Gesandtschaftsberichte aus dem Haager Reichsarchive. *Russische Revue*, 1883, Bd. 23, S. 534–559.
- Klyuchevsky V. O.** Russkaya istoriya. Polnyi kurs lektsii [Russian History. The Complete Course of Lectures]. Moscow, OLMA-Press, 2004, 834 p. (in Russ.)
- Kovalev M. V.** Petrovskaya epokha v nauchnom nasledii E. F. Shmurlo [The Petrine Epoch in the Scientific Heritage of E. F. Shmurlo]. In: *Novyi vek: istoriya glazami molodykh* [The New Century: History through the Eyes of the Young Scholars]. Saratov, 2006, iss. 5, pp. 39–53. (in Russ.)
- Korshunova N. V.** Dvortsovye perevoroty kak instrument utverzhdeniya absolyutnoi monarkhii v Rossii v XVIII – nachale XIX veka [Palace Coups as a Tool for Establishing the Absolute Monarchy in Russia in the 18th – Early 19th Century]. *Sotsium i vlast'* [Society and Power], 2017, no. 2, pp. 118–122. (in Russ.)
- Kurukin I. V.** Anna Leopoldovna [Anna Leopoldovna]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 1997, no. 6, pp. 28–40. (in Russ.)
- Kurukin I. V.** Dvortsovyi perevorot 1741 g.: prichiny, “tekhnologiya”, uroki [The Palace Coup in 1741: Reasons, “Technology”, Lessons]. *Otechestvennaya istoriya* [Russian History], 1997, no. 5, pp. 3–23. (in Russ.)
- Kurukin I. V.** Anna Leopoldovna [Anna Leopoldovna]. Moscow, Molodaya gvardiya, 2012, 302 p. (in Russ.)
- Kurukin I. V.** Anna Ioannovna. Moscow, Molodaya gvardiya, 2014, 427 p. (in Russ.)
- Kurukin I. V.** Epokha “dvorskikh bur”. Ocherki politicheskoi istorii poslepetrovskoi Rossii (1725–1762 gg.) [The Era of “Palace Storms”. Essays on the Political History of Post-Petrine Russia (1725–1762)]. St. Petersburg, Nauka, 2019, 757 p. (in Russ.)
- Kurukin I. V., Plotnikov A. B.** 19 yanvarya – 25 fevralya 1730 goda: sobytiya, lyudi, dokumenty [January 19 – February 25, 1730: Events, People, Documents]. Moscow, Kvadriga, Ob'edinen-naya redaktsiya MVD Rossii, 2010, 275 p. (in Russ.)
- Kusber J.** Katharina II. und ihre Favoriten in den Eliten des russischen Reiches. In: *Weibliche Herrschaft im 18. Jahrhundert: Maria Theresia und Katharina die Große*. Bielefeld, 2020, S. 147–166.
- Leontieva O. B.** Istoricheskaya pamyat' i obrazy proshlogo v rossiiskoi kul'ture XIX – nachala XX v. [Historical Memory and Images of the Past in the Russian Culture of the 19th – Early 20th Centuries]. Samara, Kniga Publ., 2011, 448 p. (in Russ.)
- Liechtenhan F.-D.** Rossiya vkhodit v Evropu: imperatritsa Elizaveta Petrovna i voyna za Avstriiskoe nasledstvo, 1740–1750 [Russia Enters Europe: Empress Elizaveta Petrovna and the War of the Austrian Succession, 1740–1750]. Moscow, OGI, 2000, 412 p. (in Russ.)
- Liechtenhan F.-D.** Elizaveta Petrovna: imperatritsa, nepokhozhaya na drugikh [Elizaveta Petrovna: Empress, unlike the Others]. Moscow, Astrel', 2012, 635 p. (in Russ.)
- Luttwak E.** Gosudarstvennyi perevorot. Prakticheskoe posobie [A Coup d'état. Practical Guide]. Moscow, Rossiiskii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, 2012, 326 p. (in Russ.)
- Lystsova A. S.** Rol' grafa A. I. Ostermana v regulirovanii prestolonaslediya v Rossii v 1730-e – nachale 1740-kh gg. [The Role of Count A. I. Osterman in the Regulation of the Succession to the Throne in Russia in the 1730s – Early 1740s]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Vestnik of Orenburg State Pedagogical University], 2017, no. 2, pp. 150–161. (in Russ.)
- Massie R. K.** Peter der Grosse. Sein Leben und seine Zeit. Frankfurt am Main, Fischer-Taschenbuch-Verlag, 1987, 791 S.
- Melnikov S. A.** Nasledovanie prestola na Rusi i institut upravleniya kak faktory tsentralizatsii [Succession to the Throne in Russia and the Institution of Co-government as Factors of Centralization]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 2001, no. 11–12, pp. 102–108. (in Russ.)
- Pavlenko N. I.** Petr II [Peter II]. Moscow, Molodaya gvardiya, 2006, 281 p. (in Russ.)

- Pavlova E. V.** Perevorot 1801 goda i russkoe obshchestvo (vopros o preemstvennosti i legitimnosti samoderzhavnoi vlasti) [The Coup of 1801 and Russian Society (the Question of the Succession and Legitimacy of the Autocratic Power)]. Cand. Hist. Sci. Diss. Samara, 2008, 266 p. (in Russ.)
- Petrukhintsev N. N.** Dvortsovyie inrtigi 1730-kh godov i “delo” A. P. Volynskogo [Palace Intrigues of the 1730s and the “Case” of A. P. Volynsky]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 2006, no. 4, pp. 30–37. (in Russ.)
- Plotnikov A. B.** Ogranichenie samoderzhaviya v Rossii v 1730 g.: idei o formy [Restriction of Autocracy in Russia in 1730: Ideas and Forms]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 2001, no. 1, pp. 60–69. (in Russ.)
- Plotnikova O. A.** Poryadok nasledovaniya vlasti v Drevnerusskom gosudarstve [The Order of Succession of Power in the Old Russian State]. *Vlast'* [Power], 2007, no. 10, pp. 107–110. (in Russ.)
- Powell J.** Determinants of the Attempting and Outcome of Coups d'état. *The Journal of Conflict Resolution*, 2012, vol. 56, no. 6, pp. 1017–1040.
- Schippa M.** Mächtropolitik und Aufklärung an Spree und Newa. Deutsch-russische Begegnungen im Zeitalter der Aufklärung (18. Jahrhundert). In: Wanderausstellung durch Deutschland und Russland. Dokumentation. Göttingen, Köln, 1997, S. 195–216.
- Shmurlo E. F.** Padenie tsarevny Sof'i [The Fall of Princess Sophya]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of National Education], 1896, no. 1, pp. 38–95. (in Russ.)
- Sorokin Yu. A.** Zagovor i tsateubiistvo 11 marta 1801 goda [Conspiracy and Regicide on March 11, 1801]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 2006, no. 4, pp. 15–29. (in Russ.)
- Stellner F.** Dinasticheskaya politika Avstriiskoi, Prusskoi i Rossiiskoi monarkhii v XVIII veke: sravnitel'no-istoricheskii analiz [The Dynastic Policy of the Austrian, Prussian and Russian Monarchies in the 18th Century: A Comparative Historical Analysis]. *Rossiya XXI* [Russia XXI], 2012, no. 4, pp. 82–109. (in Russ.)
- Stellner F.** Die Interessengruppen am Hof Elisabeth Petrownas. Ein Beitrag zur Analyse der Herrscherstellung im absolutistischen System. Politische Kommunikation zwischen Imperien: Der diplomatische Aktionsraum Südost- und Osteuropa (Innsbrucker Historische Studien). Innsbruck, Wien, Bolzen, 2013, S. 145–154.
- Stellner F.** Dinasticheskii aspekt vneshnei politiki Petra III [The Dynastic Aspect of Peter III's Foreign Policy]. *Rossiiskaya istoriya* [Russian History], 2014, no. 4, pp. 70–79. (in Russ.)
- Švankmajer M. et al.** Dějiny Ruska. Prague, Nakladatelství Lidové noviny, 1995, 474 p. (in Czech)
- Teibenbacher E.** Catherine the Great: How the Question of Legitimacy Influenced her Politics. In: Dynastic Change: Legitimacy and Gender in Medieval and Early Modern Monarchy. London, New York, 2019, pp. 255–274.
- Troitsky N. A.** Aleksandr I i Napoleon [Alexander I and Napoleon]. Moscow, Vysshaya shkola, 1994, 304 p. (in Russ.)
- Troitsky S. M.** Istoriografiya “dvortsovykh perevorotov” v Rossii XVIII v. [Historiography of “Palace Coups” in Russia of the 18th Century]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 1966, no. 2, pp. 38–53. (in Russ.)
- Volkova I. V., Kurukin I. V.** Fenomen dvortsovykh perevorotov v politicheskoi istorii Rossii XVIII–XX vv. [The Phenomenon of Palace Coups in the Political History of Russia 18th – 20th Centuries]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 1995, no. 5–6, pp. 40–61. (in Russ.)
- Weyr F.** Pojem puče. *Filosofický časopis*, 1995, vol. 43, no. 3, pp. 449–460. (in Czech)
- Wortman R.** Russian Monarchy: Representation and Rule. Collected Articles. Boston, Academic Studies Press, 2013, 332 p.
- Zald M. N., Berger M. A.** Social Movements in Organizations: Coup d'État, Insurgency, and Mass Movements. *American Journal of Sociology*, 1978, vol. 83, no. 4, pp. 823–861.

Zyzykin M. V. Tsarskaya vlast' i zakon o prestolonasledii v Rossii [Tsarist Power and the Law on Succession to the Throne in Russia]. Sofia, A. A. Liven Publ., 1924, 194 p. (in Russ.)

List of Sources

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 1st Collection]. St. Petersburg, Tipografiya II-go Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1830, vol. 6, 815 p.; vol. 7, 941 p.; vol. 11, 992 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Франтишек Штеллнер, доктор исторических наук, профессор
WoS K-6463-2015

Information about the Author

František Stellner, Doctor of History, Professor
WoS K-6463-2015

*Статья поступила в редакцию 08.04.2021;
одобрена после рецензирования 26.05.2021; принята к публикации 08.06.2021
The article was submitted 08.04.2021;
approved after reviewing 26.05.2021; accepted for publication 08.06.2021*

Научная статья

УДК 94(571.1/.5)"18" + 351.711(09) + 352(09)

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-8-49-60

Репрезентации сельского населения региона в отчетах сибирских генерал-губернаторов второй половины XIX века: крестьянство

Наталья Петровна Матханова¹

Наталья Николаевна Родигина²

^{1,2} Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

¹ istochnik_history@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2155-2982>

² natrodigina@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4938-0924>

Аннотация

Выявлены факторы, влиявшие на репрезентации крестьянского населения в отчетах сибирских генерал-губернаторов, показаны историографические итоги изучения отчетов, обоснованы возможности дискурс-анализа для выявления представлений их авторов по интересующей нас теме. Нами установлено, что репрезентации крестьянского населения были достаточно консервативны (традиционны) и мало изменчивы во времени. Крестьянство описывалось в патерналистском духе как объект заботы и попечения. На репрезентации крестьянства влияли: позиция центральной власти по отношению к региону в целом и к конкретным группам сельского населения; образ реальности, который существовал у самого генерал-губернатора и его окружения в отношении крестьянства; позиция тех мы-групп из представителей общественного мнения, которые были влиятельны для генерал-губернатора.

Ключевые слова

история Сибири XIX века, отчеты генерал-губернаторов, сельское население, источниковедение, дискурсный анализ

Для цитирования

Матханова Н. П., Родигина Н. Н. Репрезентации сельского населения региона в отчетах сибирских генерал-губернаторов второй половины XIX века: крестьянство // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 8: История. С. 49–60. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-8-49-60

The Representations of the Rural Population of the Region in the Reports of Siberian Governor-Generals in the 2nd Half of the 19th Century: The Peasantry

Natalia P. Matkhanova¹, **Natalia N. Rodigina**²

^{1,2} Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

¹ istochnik_history@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2155-2982>

² natrodigina@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4938-0924>

Abstract

The article indicates the factors influencing the representations of the rural population in the reports of the Siberian governors-general; demonstrates historiographic results of the analyses of these reports; substantiates the possible out-

© Матханова Н. П., Родигина Н. Н., 2021

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 1: История. С. 49–60
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2021, vol. 20, no. 1: History, pp. 49–60

comes of using the discourse analysis for identifying their authors' ideas on the subject matter. The reports were compiled by local-level imperial experts – functionaries and officers, who participated in gathering and handling of primary data; governors, who accumulated and relayed these data to governor-generals; governor-generals, at least, the ones, who actively participated in reports writing; the Emperor, leaving his notes on the reports; representatives of involved ministries and governmental offices, preparing answers to the “highest reprimands”. It is important that among the experts there were members of various public organizations, primarily, local departments of the Russian Geographical Society. It was found that representations of the rural population were quite conservative (traditional) and changed little over time. The peasantry was described in a paternalistic manner as an object of care and custody. Representations of the peasantry were influenced by central authorities' stance towards both the region as a whole and specific groups of rural population; the perception of the peasantry by a governor-general and his surroundings; the standpoint of the we-groups, expressing public opinion, who were seen as influential by a governor-generals.

Keywords

history of Siberia in the 19th century, governor-generals' reports, rural population, source studies, discourse analysis

For citation

Matkhanova N. P., Rodigina N. N. The Representations of the Rural Population of the Region in the Reports of Siberian Governor-Generals in the 2nd Half of the 19th Century: The Peasantry. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 8: History, pp. 49–60. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-8-49-60

Всеподданнейшие отчеты сибирских генерал-губернаторов были важнейшим каналом связи с центральной властью. Их структурному и содержательному анализу были посвящены наши предшествующие статьи [Матханова, Родигина, 2019а; 2019б]. В них рассматривались источниковая специфика генерал-губернаторских отчетов и образ Сибири, который в них конструировался. В данной публикации мы стремимся выявить особенности дискурса о сельском населении края. С нашей точки зрения, это поможет расширить представления о факторах, определявших модели репрезентации населения региона представителями высших ступеней административной вертикали; понять, почему авторы отчетов писали так, а не иначе, что формировало контекст высказываний и кто был их идеальным адресатом. В конечном же счете – позволит точнее выяснить суть взаимодействия центральных и местных властей в формировании региональной политики. Мы опираемся на отчеты, докладные записки и обозрения сибирских генерал-губернаторов с начала 1850-х гг., когда статус региона стал предметом обсуждения во Втором Сибирском комитете и других правительственных учреждениях, и до времени упразднения Западно-Сибирского (1882) и Восточно-Сибирского (1887) генерал-губернаторств. В отдельных случаях для выяснения эволюции взглядов глав сибирской администрации мы обращаемся к отчетам иркутских генерал-губернаторов 1887–1899 гг.

В статье представлен анализ дискурса отчетов об основной части сельского населения – крестьянстве. Иностранческое и другие группы сельского населения станут предметом особой статьи.

На сегодняшний день существуют работы, посвященные характеристике в отчетах губернаторов и генерал-губернаторов отдельных категорий населения региона рассматриваемого нами периода: уголовных [Хламова, 2010] и политических [Иванов, Курас, 2019] ссыльных; городского населения Восточной Сибири в целом [Кискидосова, 2016] и его отдельных категорий – чиновничества [Матханова, 2002], купечества [Комлева, 2018] и т. д. В них показана репрезентативность сведений о численности и составе той или иной группы населения, позиция конкретных генерал-губернаторов по отношению к экономическому и социальному статусу описываемых социальных групп, исторический контекст актуализации в отчетах вопросов об уголовной, политической ссылке, переселенческой политике и др. Мы сознательно не привлекаем работы по социальной истории и исторической демографии, в которых давались характеристики населения Сибири и отдельных его категорий.

Мы ставим перед собой иную задачу – выяснить паттерн описания сельского населения региона, в существенной степени детерминирующий их содержание и заданный формулярами губернаторских отчетов, текущей нормативно-правовой документацией, неформальными

традициями создания такого рода текстов, а также выявить факторы, которые предопределяли его эволюцию.

Ближе всего к нашему замыслу статья А. С. Маджарова и Е. Л. Пономаревой [2015], в которой содержатся отдельные наблюдения о репрезентациях населения и некоторые сведения о бытовых аспектах жизни сословных и этноконфессиональных групп в отчетах восточносибирских генерал-губернаторов. Однако предметом анализа стали отчеты глав одного генерал-губернаторства, кроме того, характеристика представлений о населении – один из многих сюжетов, поднимаемых в тексте, и рассмотрен достаточно бегло.

Для понимания контекста конструирования образов крестьянства Сибири в отчетах мы обращались к работам, посвященным как проблемам формирования региональной идентичности, так и эволюции представлений о сибиряках в общественном мнении и массовом сознании второй половины XIX в. Нам представляется важным наблюдение Е. Е. Дутчак, В. В. Кашпура [2013] о существовании, в том числе и в интересующий нас период, двух типов сибирского мифа, воплощающих бинарную идентификационную модель, которая включает противоположные нарративы, сконструированные разными «мы-группами» и предназначенные для разных адресатов. Первый интерпретирует Сибирь как стратегический (в том числе человеческий) потенциал / запас России, будущую «ось» мировой истории. Второй описывает регион как территорию бюрократического произвола и крайне низкого уровня жизни; она не имеет шансов органично включиться в мировые процессы и всегда будет рассматриваться Центром как колония.

Наши выводы, сделанные на основе анализа русской журнальной прессы второй половины XIX – начала XX в. (см., например, [Родигина, 2006]), совпадают с мнением других авторов [Анисимов, 2004; Жигунова и др., 2014; Ремнев, 2011; Тюпа, 2002] о том, что взрыв интереса к Сибири и ее населению у русской образованной публики приходится на первые десятилетия XIX в. и связан с художественным, публицистическим и научным творчеством политических ссыльных и областников. К названным факторам пробуждения интереса к региону и его жителям можно добавить ревизию и реформирование управления Сибири М. М. Сперанским, энергичную деятельность Н. Н. Муравьева, создание и функционирование Первого и Второго Сибирских комитетов. Имея в виду, что взгляды политссыльных и областников на население региона детально рассмотрены нашими многочисленными предшественниками, как и представления верховной власти в центре и на местах о статусе Сибири в административной политике и геополитических стратегиях государства, зафиксируем основные характеристики сибиряков, отмечавшиеся в разножанровых текстах современников, конструировавших дискурс о населении региона в общественном мнении Российской империи изучаемой эпохи: *социально-психологические* (чувство собственного достоинства, более очевидное, чем у жителей европейской части страны; предприимчивость, индивидуализм, противопоставлявшийся общинному коллективизму крестьян Европейской России); *социокультурные* (этническая и религиозная толерантность; восприимчивость к культурным заимствованиям; осознание культурных отличий от «расейских»); *антропологические* (формирование особого антропологического типа «русской народности» в результате смешанных браков с аборигенным населением) и т. п. (см. [Жигунова и др., 2014, с. 49–54] и др.).

Одним из отправных методов для нас стал дискурсный анализ текстов отчетов. Нам представляется продуктивным тот его вариант, который разработан французскими гуманитариями: М. Фуко, М. Пеше, П. Серио. Вслед за Фуко мы понимаем под дискурсом совокупность высказываний, подчиняющихся одной и той же системе формирования [Фуко, 2004, с. 210]. Мы разделяем наблюдения М. Пеше о том, что «дискурс всегда соотносится с “уже сказанным” и “уже услышанным”... в политической борьбе, например, нельзя выбрать свое собственное поле деятельности, свои собственные темы и даже свои собственные слова» (цит. по: [Серио, 1999, с. 21]). В данном случае предметом дискурсного анализа являются отчеты генерал-губернаторов, являющиеся одной из разновидностей текстов, «наделенных исторической, социальной, интеллектуальной направленностью и произведенных в институционных

рамках, которые накладывают сильные ограничения на акты высказывания... Корпус текстов при этом рассматривается не сам по себе, а как одна из частей признанного социального института, который «определяет для данной социальной, экономической, географической или лингвистической сферы условия действия актов высказывания» [Серио, 1999, с. 10]. В соответствии с этим для нас важно установить не только авторство текстов, их адресат (что отчасти уже сделано нашими коллегами и нами), выявить контекст их актуализации, но и сопоставить с другими современными отчетам дискурсами о населении (публицистическими, научными, мемуарными).

Как было отмечено ранее (см. [Иванов, Курас, 2019, с. 101, 105–107; Пономарева, 2008, с. 113] и др.), отчеты – продукт коллективного авторства. Степень авторского участия генерал-губернаторов в создании отчетов была различной. В создании отчетов принимали участие: имперские эксперты на местах – чиновники и офицеры, принимавшие участие в сборе и обработке исходных материалов; губернаторы, аккумулировавшие эти сведения и транслировавшие их генерал-губернаторам; генерал-губернаторы, во всяком случае те из них, кто принимал более или менее деятельное участие в создании отчетов; император, делавший на них свои пометы; представители заинтересованных министерств и ведомств, готовившие ответы «по высочайшим замечаниям». Очевидно также, что император и руководители министерств и ведомств, главы комитетов и комиссий, Генштаба, деятельность которых была связана с регионом, были идеальными и реальными читателями отчетов. Читали отчеты и приближенные к главам местных администраций – и во время подготовки документов, и при обсуждении ответов на поступавшие из центра отклики на отчеты. Воспоминания Б. А. Милютин содержат подробное описание механизма работы Н. Н. Муравьева-Амурского над официальными документами. Так, описывая свою работу над проектом «Положения об управлении ссыльными», Милютин замечал, что ему сначала были Муравьевым даны общие указания, потом он делал доклады генерал-губернатору, а когда «все предварительные работы были окончены, заготовлены надлежащие бумаги и пояснительные записки... я удостоился последнего доклада... Я готовился поочередно читать графу все подготовленное. Он выслушал лишь препроводительную бумагу и, расчеркнувшись под нею, обратился ко мне... А уж это-то... я подпишу, не читая» (Милютин, 1998, с. 240–242). Другой мемуарист, И. Ф. Бабков, начальник штаба Омского военного округа, первый председатель ЗСОРО, восхищался способностью генерал-губернатора Н. Г. Казнакова привлечь «знающих людей». Он писал: «Это был человек, обладавший возвышенным образом мыслей, редким тактом и умением окружить себя талантливыми сотрудниками. Замечательно ясный ум, которым обладал Казнаков, его редкие дарования, приятные манеры, быстрота соображений, находчивость, так и знание света давали ему возможность скоро ориентироваться в самых разнообразных сферах деятельности. Доклады, которые мы имели у Казнакова, были для всех нас в высшей степени поучительны. Во время этих докладов, приобретался навык и усваивался правильный и закономерный взгляд на процедуру рассмотрения и решения дел... Из всех генерал-губернаторов Западной Сибири Казнаков более других понимал, что правильное воздействие на эту страну только тогда может быть плодотворным, когда она будет хорошо исследована и изучена» (Бабков, 1912, с. 556–558).

Представляется важным, что в числе экспертов, в той или иной степени причастных к созданию отчетов, были члены разных общественных организаций, прежде всего, отделений Русского Географического общества (далее РГО). На сотрудничество администрации и членов РГО (многие из них входили в число деятелей администрации) уже не раз указывалось [Матханова, 1998, с. 148–149; Игумнов, 2017; Капустюк, Кузнецов, 2018]. В научных обществах, в том числе в РГО, в тесной связи с правительственными структурами формировались экспертные группы ученых, обслуживавших правительственную политику [Ремнев, 2015, с. 24]. В 1890 г. чиновники составляли почти треть членов Отдела, а в 1899 г. ими было 76,5 % членов распорядительного комитета [Капустюк, Кузнецов, 2018, с. 17]. В разные годы активную роль играли Ю. И. Штубендорф, А. Ф. Усольцев, Б. А. Милютин, Р. К. Маак,

В. Л. Приклонский, Б. К. Кукель, А. С. Сгибнев, Л. П. Софиано, А. Л. Шанявский, К. Ф. Будогоский, Н. М. Турбин и др. (Вагин, 1896; Венюков, 1998, с. 227–228). Чиновники в РГО сотрудничали с политическими ссыльными. По мнению Н. Н. Козьмина, отдел «представлял из себя ученый комитет при Главном Управлении Восточной Сибири и научное бюро» [1904, с. 6].

В состав Западно-Сибирского отдела входили начальник Съемочного отделения Главного управления Западной Сибири Ф. А. Дорофеев, чиновник по особым поручениям в названном управлении Я. П. Косаговский, чиновники управления Н. М. Ядринцев, Н. Н. Балкашин [Михайленко, 2020], наряду с другими представителями местной интеллигенции.

Таким образом, сибирские отделы РГО были коммуникативной площадкой, где происходил обмен мнениями и информацией между представителями власти и общества (в том числе областниками и политическими ссыльными), учеными-экспертами и практиками-администраторами. РГО являлось одним из институтов формирования образа региона и его жителей в общественном мнении Российской империи второй половины XIX – начала XX в.

По нашему мнению, несмотря на стремление правительства усилить надзор над местной администрацией в сфере делопроизводства за строгой секретностью переписки, запрет на публикацию отчетов и императорских помет на них [Кальмина, Малыгина, 2012, с. 142], их содержание было известно как минимум ближайшему окружению генерал-губернаторов и базировалось на текстах, созданных их подчиненными, в том числе достаточно известными исследователями Сибири, привлекавшимися в качестве экспертов.

А. В. Ремнев писал, что в верхах понимали, что в отчетах местной администрации прочно укоренилась «официальная ложь», а потому особую ценность имели сведения, поставляемые в столицы независимыми информаторами, в том числе путешественниками и даже политическими ссыльными [2015, с. 49]. Не оспаривая этого утверждения, заметим, что и некоторые генерал-губернаторы, с одной стороны, стремились контролировать и наиболее эффективно организовать сбор фактических сведений, а с другой – привлекали экспертов из местных интеллигентов для обсуждения насущных проблем местного управления.

Структура отчетов была достаточно консервативной. Она была обусловлена нормативными документами, традициями, заложенными предшественниками, текущими запросами верховной власти, в отдельных случаях соображениями самих глав сибирской администрации. Информация о сельском населении содержалась не только в специально посвященном ему разделе, но и в тех, где говорилось о земских повинностях, промыслах (в том числе о сельском хозяйстве), вероисповедании и т. п.

С нашей точки зрения, на структуру отчетов, а отчасти и на содержание разделов о населении, вполне могли повлиять тексты экспертов, привлекавшихся генерал-губернаторами к сотрудничеству, доклады и публикации членов сибирских отделов РГО.

В учебных пособиях по географии XIX столетия материал излагался по схожему с отчетами плану: границы, качество земли и природные ресурсы, численность и состав населения, его занятия, особенности образа жизни, религиозные верования [Родигина, 2006, с. 70–79]. В расширенном варианте данная схема применялась в описаниях полиэтнического населения региона в периодических изданиях РГО, она была характерна для репрезентаций сельского населения в общественно-политических ежемесячниках и иллюстрированных еженедельниках, ориентированных на массовую аудиторию. Таким образом, авторы учебной, справочной, научной литературы, публикаций в периодических изданиях формировали то дискурсивное поле, в котором создавались и функционировали изучаемые нами отчеты.

Тексты отчетов свидетельствуют о том, что их авторы конструировали дискурс о социокультурном своеобразии местного населения. Чаще всего, когда в отчетах речь шла о сибиряках, подразумевалось крестьянство. Так, Д. Г. Анучин в первом своем отчете-обзоре (1879) вполне в духе известных высказываний декабристов П. А. Кропоткина, М. С. Каханова, областников и др. [Ремнев, 2015, с. 314] писал о чувстве собственного достоинства, зажиточности, прагматичности, энергичности сибиряков: «Неразговорчивого, сумрачного крестья-

янина пермяка, спешащего скорее сбыть с рук проезжающего высшего чиновника, сменил бойкий, сметливый и словоохотливый крестьянин сибиряк, по большей части хорошо одетый и обстроенный» (Всепопданнейший отчет..., 1884, с. 9). Пятнадцатью годами раньше М. С. Корсаков в отчете за 1864 г. утверждал: «Дух времени коснулся и крестьянина сибирского; повсюду в крае чувствуется какое-то смутное стремление к образованию как самому действительному средству в деле улучшения и материального, и нравственного благосостояния»¹. Н. П. Синельников в отчете за 1872 г. также подчеркивал «здравый ум и сметливость русского человека»². В отчетах встречается указание и на такую черту менталитета сибиряков (очевидно, типичную и для более широких слоев населения всей России), как пренебрежительное отношение к закону, привычка не считаться с ним. И всё же с осторожным оптимизмом Д. Г. Анучин писал в 1882 г., что «сознание законности проникает в массы медленно»³.

С начала 1880-х гг. по мере утверждения консервативных тенденций во внутривластном курсе, роста популярности русификаторских проектов в отношении имперских окраин дискурс о преимуществах русских сибиряков дополняется фиксацией особенных верноподданнических чувств сибирских крестьян. «Несмотря на массу представителей всевозможных лжеучений и революционных идей, извергавшихся из Европейской России в течение многих лет, крестьянское население Сибири остается непоколебимым в заветных чувствах своих предков – преданности Царю и отечеству», – читаем в отчете А. П. Игнатьева (Всепопданнейший отчет..., 1889, с. 33).

Положение крестьянства представлялось вполне благополучным, хотя и требовавшим в духе традиционного патерналистского отношения большего внимания центра. Н. Н. Муравьев в отчетах за 1853 и 1858 гг. всё же отмечал тяжесть натуральных повинностей, особенно дорожной, затруднения в уплате податей, а порой даже «бедственное положение» части крестьян⁴. Трудность исполнения дорожной повинности отмечал и Д. Г. Анучин в отчете за 1879 г. (Всепопданнейший отчет..., 1884, с. 11). А. О. Дюгамель и А. П. Хрущов в отчетах за 1865 и 1866 гг. указывали также и на ухудшение «благосостояния» бывших приписных горнозаводских крестьян, обедневших до того, что «затруднялись» в уплате податей. Правда, вина за это возлагалась на самих бывших приписных, которые «с получением свободы уменьшили запашки»⁵. Рефреном во всех отчетах проходила мысль о «лености», беспечности, ограниченности потребностей и, как следствие, меньшей зажиточности крестьян⁶. Столь же обычным было сетование на отсутствие крупных частных землевладельцев, которые могли бы «вводить улучшения и влиять на местное население»⁷.

При этом, как и в публицистическом дискурсе общественно-политических журналов и «больших» русских газет, вне зависимости от их идеологических пристрастий, крестьяне-старожилы противопоставлялись переселенцам. Оценочная позиция авторов отчета, по всей видимости, определялась не только их мировоззренческими симпатиями, но и актуальным на тот момент направлением переселенческой политики, собственным представлением о перспективах развития региона, соотношением численности старожилов и аграрных мигрантов в крае, остротой земельного вопроса и степенью социальной напряженности во взаимоотношениях этих двух групп населения сибирской деревни. В изучаемый нами период большинство генерал-губернаторов выступало за увеличение притока аграрных мигрантов за Урал. К примеру, А. О. Дюгамель и А. П. Хрущов, формулируя свою позицию в схожих словах и выражениях, подчеркивали социокультурные и хозяйственные преимущества переселен-

¹ РГИА. Ф. 1265. Оп. 6 (1864). Д. 119. Л. 42 об.

² Там же. Ф. 1284. Оп. 67 (1872). Д. 337. Л. 2 об. – 3.

³ Там же. Оп. 70 (1882). Д. 102. Л. 10.

⁴ Там же. Ф. 1265. Оп. 3. Д. 130. Л. 20; Оп. 9. Д. 44. Л. 16.

⁵ Там же. Ф. 1281. Оп. 7. Д. 1. Л. 11; Оп. 7 (1868). Д. 9. Л. 7.

⁶ Там же. Ф. 1281. Оп. 7. Д. 1. Л. 18 об. – 19.

⁷ Там же. Ф. 1284. Оп. 69 (1876). Д. 485. Л. 13.

цев. Так, в отчете за 1866 г. Хрущов писал: «При изобилии пахотной земли крестьяне (старожилы. – Н. М., Н. Р.) мало дорожат ею и нередко, засевая одно и то же поле по несколько лет сряду и доводя его таким образом до совершенного истощения, переносят затем свой плуг и борону на новое место». Переселенцы же «из внутренних малоземельных губерний» пользовались «более усовершенствованными приемами и орудиями», что позволяло им «обрабатывать сравнительно большее количество земли и с большою выгодною»⁸.

В отличие от текстов экспертов либерального и народнического толка, в отчетах не указываются разногласия и противоречия внутри старожильского населения, хотя и отмечается распространенное недовольство крестьян сельской выборной администрацией. Сравнительно мало внимания уделяется и общине, хотя «общинное землевладение» противопоставляется частному, поскольку служит «препятствием к развитию материального благосостояния»⁹.

Как и любые образы реальности, образы сибиряков амбивалентны, и в отчетах, наряду с их положительными характеристиками, содержатся критические высказывания, которые можно рассматривать как бинарные оппозиции комплиментарным. В отчете Корсакова за 1863 г. фиксируется образ застывшего и косного населения региона: «Стечение различных обстоятельств... обратили сельское население Восточной Сибири в одну сплошную массу людей, стоящих на одинаковом уровне умственного, нравственного и материального развития. Понятия, привычки и взгляды народа переходят без перемены от одного поколения к другому и, укрепляясь силою отцовского предания, делают его весьма мало восприимчивым к нововведениям и преобразованиям, возбуждаемым духом времени»¹⁰. Схожую мысль встречаем и у П. А. Фредерикса, видевшего причину экономического и культурного неблагополучия сельского населения в «неподатливости сибиряков к каким бы то ни было нововведениям»¹¹.

Авторами дискурса генерал-губернаторов о сельском населении, наряду с самими генерал-губернаторами, являлись чиновники разного уровня, среди которых были исследователи и общественные деятели, принимавшие участие в сборе материалов для отчетов. Мы предполагаем, что на образы сельского населения Сибири, отраженные в отчетах, оказывали влияние публикации в периодической печати, мнения привлеченных экспертов (в том числе членов РГО и ряда других общественных организаций).

Непосредственными адресатами дискурса являлся император, чиновники столичных министерств и ведомств. Однако содержание отчетов часто становилось достоянием общественности – обычно от приближенных и экспертов. В сибирских газетах периодически появлялись публикации, в которых высказывались сожаления о том, что литература о них молчит, а правительство не учитывает их (Чего ждать Сибири, 1882, с. 1).

Репрезентации крестьянства в генерал-губернаторских отчетах были достаточно консервативны (традиционны) и мало изменчивы во времени. Этому способствовали официально закреплённая структура отчетов и стремление сохранять преемственность с мнением предшественников (хотя встречались и исключения). В целом крестьянство описывалось в патерналистском духе как объект заботы и попечения. На содержание репрезентаций сельского населения влияли: 1) позиция центральной власти по отношению к региону в целом и той или иной группе населения; 2) тот образ реальности, который существовал у самого генерал-губернатора и его окружения в отношении конкретных групп сельского населения и необходимости преобразования их статуса и улучшения образа жизни; 3) позиция тех мы-групп из представителей общественного мнения, которые были влиятельны для генерал-губернатора.

⁸ РГИА. Ф. 1281. Оп. 7 (1868). Д. 9. Л. 11–12.

⁹ Там же. Ф. 1265. Оп. 6 (1864). Д. 119. Л. 20.

¹⁰ Там же. Л. 61 об. – 62.

¹¹ Там же. Ф. 1284. Оп. 69 (1876). Д. 485. Л. 15.

Список литературы

- Анисимов К. В.** У истоков сибирской темы в русской литературе XIX века: журнал Г. И. Спасского «Сибирский вестник» // Вестник Том. гос. пед. ун-та. 2004. № 3 (40). С. 65–72.
- Дутчак Е. Е., Кашпур В. В.** «Русский сибиряк», или Парадоксы региональной идентификации // Общественные науки и современность. 2013. № 4. С. 116–129.
- Жигунова М. А., Ремнев А. В., Суворова Н. Г.** Региональный вариант сибирской идентичности // Ом. науч. вестник. 2014. № 2 (12). С. 48–62.
- Иванов А. А., Курас С. Л.** Всеподданнейшие отчеты иркутских генерал-губернаторов конца XIX – начала XX в. как источник изучения сибирской политической ссылки // Изв. Иркут. гос. ун-та. Серия: История. 2019. Т. 27. С. 99–113.
- Игумнов Е. В.** Высшая сибирская администрация и организация изучения Сибири во второй половине XIX века // Научный диалог. 2017. Вып. 6. С. 205–219.
- Кальмина Л. В., Малыгина О. А.** Губернаторский отчет как структурный элемент делопроизводства в царской России (на примере Забайкальской области) // Власть. 2012. № 12. С. 141–144.
- Капустюк П. А., Кузнецов А. А.** Роль министерства внутренних дел в научном освоении Восточной Сибири во второй половине XIX века // Вестник Вост.-Сиб. ин-та МВД России. 2018. № 2 (85). С. 11–21.
- Кискидосова Т. А.** Губернаторские годовые отчеты как источник по изучению городского населения Восточной Сибири в 1850–1880-е гг. // Вестник Том. гос. ун-та. 2016. № 412. С. 50–53.
- Козьмин Н. Н.** Исторический очерк деятельности Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества // Изв. Вост.-Сиб. отдела РГО. 1904. Т. 35, № 2. С. 1–43.
- Комлева Е. В.** Сибирское купечество: вклад в хозяйственное освоение и изучение Северо-Восточной Евразии (конец XVIII – XIX век). Новосибирск: Параллель, 2018. 398 с.
- Маджаров А. С., Пономарева Е. Л.** Социальная история Сибири 50–80-х гг. XIX в. в материалах всеподданнейших отчетов генерал-губернаторов // Изв. Иркут. гос. ун-та. Серия: История. 2015. Т. 14. С. 6–17.
- Матханова Н. П.** Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. 428 с.
- Матханова Н. П.** Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2002. 250 с.
- Матханова Н. П., Родигина Н. Н.** Всеподданнейшие отчеты как источник для изучения представлений сибирских генерал-губернаторов второй половины XIX столетия о регионе // Гуманитарные науки в Сибири. 2019а. Т. 26, № 1. С. 45–51.
- Матханова Н. П., Родигина Н. Н.** Образ Сибири в отчетах генерал-губернаторов второй половины XIX в. // Quaestio Rossica. 2019б. Т. 7, № 3. С. 835–850.
- Михайленко Е. И.** Чиновник в общественной и научной жизни: научные эксперты Главного управления Западной Сибири (1858–1881 гг.) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Новосибирск, 2020. С. 165–173.
- Пономарева Е. Л.** Всеподданнейшие отчеты генерал-губернаторов как источник по истории Восточной Сибири (50–80-е гг. XIX в.) // Изв. Алт. гос. ун-та. 2008. № 4/1. С. 112–115.
- Ремнев А. В.** Национальность «сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // Полития. 2011. № 3 (62). С. 109–128.
- Ремнев А. В.** Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX в. Омск: Изд-во ОмГУ, 2015. 580 с.
- Родигина Н. Н.** «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006. 343 с.

- Серио П.** Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М., 1999. С. 12–53.
- Тюпа В. И.** Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.
- Фуко М.** Археология знания. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», Университетская книга, 2004. 416 с.
- Хламова А. М.** Уголовная ссылка в Сибирь в материалах официального делопроизводства высшей администрации во второй половине XIX в. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, № 1: История. С. 246–250.

Список источников

- Бабков И. Ф.** Воспоминания о моей службе в Западной Сибири, 1859–1875 г.: Разграничение с Западным Китаем 1869 г. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1912. 575 с.
- Вагин В. И.** Старое время Сибирского географического отдела // Сибирский сборник. 1896. Вып. 1. С. 1–8.
- Венюков М. И.** Мои воспоминания. 1857–1858 гг. // Граф Н. Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников. Новосибирск, 1998. С. 200–228.
- Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири по управлению Восточной Сибирью за 1879 г. // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью. Иркутск, 1884. Т. 1. С. 7–48.
- Всеподданнейший отчет по управлению Иркутским генерал-губернаторством за 1887–1889 гг. СПб., 1889.
- Милютин Б. А.** Генерал-губернаторство Н. Н. Муравьева в Сибири (отрывок из воспоминаний) // Граф Н. Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников. Новосибирск, 1998. С. 236–252.
- Чего ждать Сибири // Восточное обозрение. 1882. № 8. С. 1–2.

References

- Anisimov K. V.** U istokov sibirskoi temy v russkoi literature XIX veka: zhurnal G. I. Spasskogo “Sibirskii Vestnik” [At the Origins of Siberian Theme in Russian Literature of the 19th Century: G. I. Spassky’s Journal “Sibirskii Vestnik”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2004, no. 3 (40), pp. 65–72. (in Russ.)
- Dutchak E. E., Kashpur V. V.** “Russkii Sibiryak”, ili Paradoksy regional’noi identifikatsii [“Russian Siberian” or Paradoxes of Regional Identification]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost’* [Social Sciences and Contemporary World], 2013, no. 4, pp. 116–129. (in Russ.)
- Foucault M.** Arkheologiya znaniya [The Archaeology of Knowledge]. St. Petersburg, ITS “Gumanitarnaya akademiya”, Universitetskaya kniga, 2004, 416 p. (in Russ.)
- Igumnov E. V.** Vysshaya sibirskaya administratsiya i organizatsiya izucheniya Sibiri vo vtoroy polovine XIX veka [Supreme Siberian Administration and Organization of Study of Siberia in the 2nd Half of the 19th Century]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], 2017, iss. 6, pp. 205–219. (in Russ.)
- Ivanov A. A., Kuras S. L.** Vsepoddanneishie otchety irkutskikh general-gubernatorov kontsa XIX – nachala XX v. kak istochnik izucheniya sibirskoi politicheskoi ssylki [Reports of Irkutsk Governors-Generals in the End of the 19th – Early 20th Century as a Source for Siberian Political Exile Studying]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya* [The Bulletin of Irkutsk State University. History Series], 2019, vol. 27, pp. 99–113. (in Russ.)
- Kalina L. V., Malygina O. A.** Gubernatorskii otchet kak strukturnyi element deloproizvodstva v tsarskoi Rossii (na primere Zabaikal’skoi Oblasti) [Governor’s Report as a Structural Ele-

- ment of Clerical Duties in Tsarist Russia (on the Example of Transbaical Region)]. *Vlast'* [Power], 2012, no. 12, pp. 141–144. (in Russ.)
- Kapustiuk P. A., Kuznetsov A. A.** Rol' ministerstva vnutrennikh del v nauchnom osvoenii Vostochnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX veka [The Role of the Ministry of Internal Affairs in the Scientific Exploration of Eastern Siberia in the 2nd Half of the 19th Century]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennikh del Rossii* [Vestnik of the East Siberian Institute of the MIA of Russia], 2018, iss. 2 (85), pp. 11–21. (in Russ.)
- Khlamova A. M.** Ugolovnaya ssylka v Sibir' v materialakh ofitsial'nogo deloproizvodstva vysshei administratsii vo vtoroi polovine XIX v. [Criminal Exile to Siberia in the Official Records of the Higher Administration in the 2nd Half of the 19th Century]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2010, vol. 9, no. 1, pp. 246–250. (in Russ.)
- Kiskidosova T. A.** Gubernatorskie godovye otchety kak istochnik po izucheniu gorodskogo naselenia Vostochnoi Sibiri v 1850–1880-e gg. [Governor's Annual Reports as a Source for Studying Urban Population of Eastern Siberia in the 1850s – 1880s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2016, no. 412, p. 50–53. (in Russ.)
- Komleva E. V.** Sibirskoe kupechestvo: vklad v khozyaistvennoe osvoenie i izuchenie Severo-Vostochnoi Evrazii (konets XVIII – XIX vek) [Siberian Merchants: Contribution to the Economic Exploration and Study of North-Eastern Eurasia (the End of 18th – 19th Century)]. *Novosibirsk, Parallel'*, 2018, 398 p. (in Russ.)
- Kozmin N. N.** Istoricheskii ocherk deyatelnosti Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva [Historical Outline of the Activities of the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society]. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Bulletin of East-Siberian Department of the Russian Geographical Society], 1904, vol. 35, no. 2, pp. 1–43. (in Russ.)
- Madzharov A. S., Ponomareva E. L.** Sotsial'naya istoria Sibiri 50–80-kh gg. XIX v. v materialakh vsepoddanneishikh otchetov general-gubernatorov [Social History of Siberia in the 1850s–1880s, Presented in the Governor-Generals' Reports]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya* [Izvestiya of Irkutsk State University. History Series], 2015. vol. 14, pp. 6–17. (in Russ.)
- Matkhanova N. P.** General-gubernatory Vostochnoi Sibiri serediny XIX veka: V. Ya. Rupert, N. N. Muravyev-Amursky, M. S. Korsakov [Governor-Generals of Eastern Siberia in the middle of the 19th Century: V. Ya. Rupert, N. N. Muravyev-Amursky, M. S. Korsakov]. *Novosibirsk, SB RAS Publ.*, 1998, 428 p. (in Russ.)
- Matkhanova N. P.** Vysshaya administratsiya Vostochnoi Sibiri v seredine XIX veka: Problemy sotsial'noi stratifikatsii [The Supreme Administration of Eastern Siberia in the Middle of the 19th Century: Problems of Social Stratification]. *Novosibirsk, Sibirskii khronograf*, 2002, 250 p. (in Russ.)
- Matkhanova N. P., Rodigina N. N.** Vsepoddanneishie otchety kak istochnik dlya izucheniya predstavlenii sibirskikh general-gubernatorov vtoroi poloviny XIX stoletiya o regione [Reports as a Source for Studying Siberian Governor-Generals' Views on the Region in the 2nd Half of the 19th Century]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanitarian Sciences in Siberia], 2019, vol. 26, no. 1, pp. 45–51. (in Russ.)
- Matkhanova N. P., Rodigina N. N.** Obraz Sibiri v otchetakh general-gubernatorov vtoroi poloviny XIX veka [The Image of Siberia in the Accounts of Governors-General in the 2nd Half of the 19th Century]. *Quaestio Rossica*, 2019, vol. 7, no. 3, pp. 835–850. (in Russ.)
- Mikhailenko E. I.** Chinovnik v obshchestvennoi i nauchnoi zhizni: nauchnye eksperty Glavnogo upravleniya Zapadnoi Sibiri (1858–1881gg.) [A Functionary in Social and Scientific Life: Scientific Experts of the Main Directorate of Western Siberia (1858–1881)]. In: Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh [Current Challenges of Historical Studies: Young Scholars' Perspective]. *Novosibirsk*, 2020, pp. 165–173. (in Russ.)

- Ponomareva E. L.** Vsepoddanneishie otchety general-gubernatorov kak istochnik po istorii Vostochnoi Sibiri (50–80-e gg. XIX v.) [Governors-Generals' Reports as a Source of East Siberia History (1850s–1880s)]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta [Izvestia of Altai State University]*, 2008, no. 4/1, pp. 112–115. (in Russ.)
- Remnev A. V.** Natsional'nost' "sibiryak": regional'naya identichnost' i istoricheskii konstruktivizm XIX v. [Nationality "Siberian": Regional Identity and Historical Constructivism of the 19th Century]. *Politia*, 2011, no. 3 (62), pp. 109–128. (in Russ.)
- Remnev A. V.** Sibir' v imperskoi geografii vlasti XIX – nachala XX v. [Siberia in the Imperial Geography of Power in the 19th – Early 20th Century]. Omsk, OmsSU Press, 2015, 580 p. (in Russ.)
- Rodigina N. N.** "Drugaya Rossiya": obraz Sibiri v russkoi zhurnal'noi presse vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. ["Other Russia": The Image of Siberia in the Russian Journal Press of the 2nd Half of the 19th – Early 20th Century]. Novosibirsk, NSPU Press, 2006, 343 p. (in Russ.)
- Serio P.** Kak chitayut teksty vo Frantsii [How Are the Texts Read in France]. In: Kvadratura smysla. Frantsuzskaya shkola analiza diskursa [Quadrature of Meaning. French School of Discourse Analysis]. Moscow, 1999, pp. 12–53. (in Russ.)
- Tyupa V. I.** Mifologema Sibiri: k voprosu o "sibirskom tekste" russkoi literatury [Mythologeme of Siberia: The Issue of the "Siberian text" in Russian Literature]. *Siberian Journal of Philology*, 2002, no. 1, pp. 27–35. (in Russ.)
- Zhigunova M. A., Remnev A. V., Suvorova N. G.** Regional'nyi variant sibirskoi identichnosti [Regional Version of Siberian Identity]. *Omskii nauchnyi vestnik [Omsk Scientific Bulletin]*, 2014, no. 2 (12), pp. 48–62. (in Russ.)

List of Sources

- Babkov I. F.** Vospominaniya o moei sluzhbe v Zapadnoi Sibiri, 1859–1875g.: Razgranichenie s Zapadnym Kitaem 1869g. [Memories of My Service in Western Siberia, 1859–1875: Delimitation with Western China in 1869]. St. Petersburg, Tipografiya V. F. Kirschbauma, 1912, 575 p. (in Russ.)
- Chego zhdet' Sibiri [What Should Siberia Expect]. *Vostochnoe obozrenie [Eastern Herald]*, 1882, no. 8, pp. 1–2. (in Russ.)
- Milyutin B. A.** General-gubernatorstvo N. N. Muravyeva v Sibiri (otryvok iz vospominanii) [N. N. Muravyev's Governorate-General in Siberia (Excerpt from the Memoirs)]. In: Graf N. N. Muravyev-Amursky v vospominaniyakh sovremennikov [Count N. N. Muravyev-Amursky in the Memoirs of the Contemporaries]. Novosibirsk, 1998, pp. 236–252. (in Russ.)
- Vagin V. I.** Staroe vremya Sibirskogo geograficheskogo otdela [Old Days of the Siberian Geographical Department]. *Sibirskii sbornik [Siberian Collection]*, 1896, no.1, pp. 1–8. (in Russ.)
- Venyukov M. I.** Moi vospominaniya. 1857–1858 gg. [My Memoirs. 1857–1858]. In: Graf N. N. Muravyev-Amursky v vospominaniyakh sovremennikov [Count N. N. Muravyev-Amursky in the Memoirs of the Contemporaries]. Novosibirsk, 1998, pp. 200–228. (in Russ.)
- Vsepoddanneishii otchet general-gubernatora Vostochnoi Sibiri za 1879 g. [Report of the Governor-General of Eastern Siberia for 1879]. In: Sbornik glavneishikh ofitsial'nykh dokumentov po upravleniyu Vostochnoi Sibir'yu [Collection of the Main Official Documents on Eastern Siberia Administration]. Irkutsk, 1884, vol. 1, pp. 7–48. (in Russ.)
- Vsepoddanneishii otchet po upravleniyu Irkutskim general-gubernatorstvom za 1887–1889 gg. [Report on the Irkutsk Governorate-General Administration for 1887–1889]. St. Petersburg, 1889. (in Russ.)

Информация об авторах

Наталья Петровна Матханова, доктор исторических наук, профессор

Scopus 57190745973

Наталья Николаевна Родигина, доктор исторических наук, профессор

Scopus 57193825067

WoS S-5134-2016

Information about the Authors

Natalia P. Matkhanova, Doctor of Sciences (History), Professor

Scopus 57190745973

Natalia N. Rodigina, Doctor of Sciences (History), Professor

Scopus 57193825067

WoS S-5134-2016

*Статья поступила в редакцию 22.02.2021;
одобрена после рецензирования 25.03.2021; принята к публикации 25.04.2021
The article was submitted 22.02.2021;
approved after reviewing 25.03.2021; accepted for publication 25.04.2021*

Научная статья

УДК 947.157

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-8-61-72

**«Найти своих и успокоиться...»:
коммуникативное пространство российских переселенческих
чиновников как фактор профессиональной адаптации
(конец XIX – начало XX века)**

Михаил Константинович Чуркин

Омский государственный педагогический университет
Омск, Россия

Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук
Тобольск, Россия

proffchurkin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1122-0928>

Аннотация

С опорой на материалы мемуарно-автобиографического дискурса имперских переселенческих чиновников реализуется опыт реконструкции коммуникативного пространства пореформенного поколения российской бюрократии, активно инкорпорируемого в организацию и управление переселениями. Обращение к теориям Ф. Тенниса и Ю. Хабермаса, обеспечило возможность воссоздания общей системы координат профессиональной коммуникации деятелей переселенческого движения, выявления причин ориентации членов сообщества на взаимопонимание, а также раскрытия сферы референций, предполагавшей согласие на уровне знаний, норм, оценок и чувств. В процессе исследования доказано, что базисом коммуникативных действий переселенческих чиновников как сообщества являлись принципы патернализма и товарищества, что способствовало профессиональной адаптации молодых служащих ведомства, коллективному принятию конвенций взаимопонимания, сотрудничества и поддержания комфортных условий деятельности, создавших в итоге благоприятную атмосферу для принятия эффективных решений в области переселенческого вопроса.

Ключевые слова

переселенческие чиновники, коммуникативное пространство, профессиональная адаптация, мемуарно-автобиографический дискурс

Для цитирования

Чуркин М. К. «Найти своих и успокоиться...»: коммуникативное пространство российских переселенческих чиновников как фактор профессиональной адаптации (конец XIX – начало XX века) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 8: История. С. 61–72. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-8-61-72

**“Find Your Own and Feel Comfortable...”:
Communicative Space of Russian Officials of the Resettlement
Administration as a Factor of Professional Adaptation
(Late 19th – Early 20th Century)**

Mikhail K. Churkin

Omsk State Pedagogical University
Omsk, Russian Federation

Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Tobolsk, Russian Federation

proffchurkin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1122-0928>

Abstract

Based on the published memoirs of the employees of the Migration Department of the Ministry of Internal Affairs, the article reconstructs the communicative space of the Russian bureaucracy, which was responsible for organizing population migrations to the eastern outskirts of the empire in the late 19th – early 20th centuries. The research identifies the actors, conditions and channels of communicative actions of managers, who belong to the formed in the post-reform period generation and performed their duties under the influence of socio-cultural transformations of the second half of the 19th century. It has been proved that the main features of the identity of the new type of imperial bureaucracy were: breadth of views and a democratic style of behavior within a professional group, a sense of responsibility towards society and the state, a categorical rejection of radical political ideas and ways of their manifestation. The research demonstrates that the cultural and historical background of organizing the communicative space of resettlement officials was a qualitative rethinking of the tasks of the “resettlement case”, which became an important element of the colonial policy in the eastern parts of the country. The concerns of the authorities on the agrarian issue gave the resettlement movement a priority status in the domestic policy of Russia. In this aspect, the significance of the bureaucracy that was involved in solving problems related to the organization and regulation of the resettlement process has also changed. The article establishes that, in contrast to the bulk of Russian officials, the employees of the resettlement department were characterized by greater mobility and intensity of contacts with various class categories of the empire’s population, primarily with the peasantry. It was the communication with the peasantry that named the considered category of officials “resettlers”, which eventually determined their identity as specific, different from the identity of other groups of the Russian bureaucracy. Thus, within the space of official and informal interaction of resettlement officials, the principles of paternalism and partnership underlied the communicative action, which contributed to the “soft” professional adaptation of young employees of the department, the collective adoption of conventions of mutual understanding, cooperation and maintenance of comfortable conditions for activity. All this, taken together, increased the efficiency of the work of the empire’s representatives on the colonized territories, and raised the prestige of the Russian state in the Trans-Ural regions.

Keywords

resettlement officials, communicative space, professional adaptation, memoir and autobiographical discourse

For citation

Churkin M. K. “Find Your Own and Feel Comfortable...”: Communicative Space of Russian Officials of the Resettlement Administration as a Factor of Professional Adaptation (Late 19th – Early 20th Century). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 8: History, pp. 61–72. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-8-61-72

Образ российского чиновничества периода империи в общественном мнении современников и отечественной историографии всегда характеризовался некоторой одномерностью и конструировался тенденциозно. Чиновничество, ставшее в XIX столетии основным инструментом реализации правительственных (промонархических) установлений и консолидированным социальным слоем, в политически ангажированной ситуации российской действительности эпохи либеральных реформ 1860–1870-х гг. воспринималось не только в качестве послушных исполнителей и трансляторов государственной воли, но и олицетворяло худшие черты национальной бюрократической традиции, иллюстрирующие стандартное представление о чиновниках как взяточниках, казнокрадах, мздоимцах, «крапивенном» семени, – т. е. чем-то чуждым, не имеющим корней [Богданов, 2011].

Конвенционально негативный образ чиновничества закреплялся в российском обществе имперского периода и транслировался усилиями русской классической литературы, не только отражавшей социальную действительность, но и выполнявшей функцию гуманитарного осмысления реальности, являясь мощным агентом влияния на массовое сознание [Кондаков, 1997, с. 101]. В сочинениях Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева и, главным образом, М. Е. Салтыкова-Щедрина российский чиновник постепенно превращался в предмет сатирического изображения. В художественном дискурсе М. Е. Салтыкова-Щедрина образ чиновничества воспроизводился при помощи следующих негативно окрашенных эпитетов: «сие от меня не зависит», «в деле административной репутации от первого шага зависит всё будущее администратора», «всё в мире волшебство от начальства происходит», «дозволяется при встрече с начальством вежливыми и почтительными телодвижениями выражать испытываемое при сем удовольствие», «какой наилучший способ выразить доверие, как не беспрекословное исполнение того, чего не понимаешь?»¹.

Тенденция, в соответствии с которой необратимо рушился патриархальный уклад, отмечалась в конце XIX – начале XX в. общественно-политическими деятелями консервативного толка. Так, В. В. Розанов, констатируя факт деградации русской литературы, писал: «...в то время как “Что делать” Чернышевского пролетело молнией над Россиею, многих опалив и ничего, в сущности, не разрушив, “Отцы и дети” Тургенева перешли в какую-то чахотку русской семьи, разрушив последнюю связь, последнее милое на Руси. После того, как были прокляты пампушки у Гоголя и Гончарова... администрация у Щедрина... и история (“История одного города”), купцы у Островского, духовенство у Лескова... и, наконец, вот самая семья у Тургенева, русскому человеку не осталось ничего любить, кроме прибауток, песенок и сказочек» [Розанов, 2000, с. 348].

Следует отметить, что нормативность отрицательных характеристик имперского чиновничества, закреплённая в общественно-политических дискуссиях пореформенной эпохи, фиксируемая на страницах художественных текстов и очерковой публицистики, сделалась неотъемлемой частью историографического дискурса второй половины XIX и большей части XX в., став своеобразным «золотым стандартом» в оценке облика, стратегий и практик социального поведения российской бюрократии.

В современной историографии история российского чиновничества по-прежнему остается в локусе исследовательского интереса историков [Морякова, 1993; Иванов, 1994]. Наряду с обращением авторов к традиционным сюжетам выявления численности чиновников, характеристики их образовательного ценза и правового статуса происходит постепенный дрейф к историко-антропологической рефлексии чиновничества в контексте осмысления образов социальных групп и локальных сообществ России дореволюционного периода. В частности в трудах последних десятилетий чиновничество позиционируется как социокультурный феномен, что свидетельствует о подъеме исследовательского интереса к повседневным практикам государственных служащих, заметное место в которых занимали сферы семейных и товарищеских отношений, коммуникативные контакты служебного и внеслужебного характера [Матханова, 1998; Родигина, 2003; Фролова, 2006; Суворова, 2017]. Данный процесс оказался во многом связан с методологической революцией в исторической науке и антропологическим поворотом в гуманитаристике, значительным обновлением теоретического инструментария историков, расширением и принципиально иными моделями интерпретации источников, в том числе эго-текстов, являющихся не столько резервуаром информации, сколько транслятором личных ощущений автора, субъективной оценки событий, их индивидуальных переживаний.

Тем самым обращение к мемуарно-автобиографическому дискурсу российских переселенческих чиновников как очевидцев и участников событий представляется важным по ряду оснований.

¹ Сироткин Д. Подборка цитат М. Е. Салтыкова-Щедрина. URL: <https://www.burido.ru/806-tsityaty-saltykova-shedrina> (дата обращения 29.02.2020).

Во-первых, конструирование образа российского чиновничества, его репрезентации в публицистике, литературе, историографии и трансляция в массовом сознании, происходившие в течение XIX столетия, не только условны, но часто находятся в прямом противоречии с действительностью. Схематический «портрет» российского имперского чиновника с преобладающими в нем нелицеприятными характеристиками во многом явился продуктом эпохи научно-технического прогресса с присущим ему высоким темпом распространения информации, часто игнорирующей мнения непосредственных акторов исторического процесса, выдающей желаемое за действительное.

Во-вторых, необходимо учитывать, что корпус переселенческих чиновников в императорской России, начал формироваться только в конце XIX в., когда крестьянские миграции на восточные окраины страны стали массовыми, а организация «переселенческого дела» приобрела отчетливый абрис государственной политики. Именно переселенческие чиновники могут рассматриваться в качестве новой генерации пореформенной бюрократии, выпадавшей из сконструированных либеральной публицистикой и литературой формул и представлений. Внимательное вчитывание в эго-тексты чиновников Переселенческого управления, в частности воспоминания представителей «второго эшелона» государственной элиты России В. Ф. Романова и А. А. Татищева (Романов, 2012; Татищев, 2001), позволяет сделать вывод, что данная категория администраторов относилась к пореформенному поколению, вступившему в фазу интеллектуальной и профессиональной зрелости на рубеже XIX–XX вв., когда сложились модели адаптации дворянства к новой экономической, политической и социокультурной ситуации модерна эпохи Великих реформ 1860–1870-х гг. Будучи носителями измененного этоса дворянского сословия, представители этого поколения оказались неплохо образованы, свободны от сословных предрассудков и свойственных значительной части дворянства ностальгических воспоминаний о дореформенных временах и сопутствовавших им сословных привилегиях.

В-третьих, совершенно очевидно, что стереотипизированно-негативный образ российского чиновничества складывался без учета субъектами репрезентаций многоуровневой среды обитания представителей локальной группы: служебного и внеслужебного сегментов коммуникативного пространства, в границах которого продолжалось личностное становление чиновников, кристаллизовалась сословная и формировалась профессиональная идентичность.

Следует также обратить внимание, что выбор источников, привлеченных к исследованию, обусловлен принадлежностью В. Ф. Романова и А. А. Татищева к социальной группе со сходными образцами социализации и общими ценностными структурами, определившими не только узкопрофессиональную, но и поколенческую идентичность. Ограничение спектра источников двумя масштабными текстами объясняется необходимостью создания общей исходной модели реконструкции коммуникативного пространства переселенческих чиновников, предполагающей возможности расширения источниковой базы в будущем.

В соответствии с положениями теории немецкого социолога Ф. Тенниса, идентичность сообщества определяется эмоциональной связью его представителей. С точки зрения Ф. Тенниса, связь, «собирающая» людей в рамках общности, является настолько естественной и органичной, что для обозначения подобного типа связи вполне допустимо использование термина «товарищество» [2002, с. 27].

Важно также понимать, что пространство коммуникации не может сложиться без общей системы координат, в границах которой акторы коммуникативной среды достигают конвенциональной договоренности, осуществляя, согласно логике Ю. Хабермаса, коммуникативное действие [Хабермас, 2000, с. 12]. Ученый, к кругу основных структурных элементов коммуникации относил ориентацию на взаимопонимание, ситуацию действия и речи, «фон жизненного мира» (исторический контекст), «сферы референций» (согласие на уровне знания, нормы, оценок и чувств) [Хабермас, 2000, с. 324–340].

Руководствуясь положениями «теории коммуникативного действия», можно утверждать, что точкой отсчета формирования общей системы координат профессиональной коммуника-

ции будущих переселенческих чиновников являлась универсальная модель воспитания и образования в повседневной среде «дворянской усадьбы». Именно в детские и ранние юношеские годы в условиях семейного окружения закладывались фундаментальные основы этоса (системных нравственных конвенций и моральных устоев) государственных управленцев, усваивались и видоизменялись представления о самих себе, окружающем пространстве, народе, обществе, государстве.

А. А. Татищев – видный переселенческий чиновник, дослужившийся до должности помощника начальника Переселенческого управления (1917 г.), в своих воспоминаниях оставил описание периода детства и юношества, которое практически пропорционально разделилось между жизнью в обстановке родительского поместья в д. Беяницы и Полтавой, что было связано с должностными обязанностями его отца – выдающегося российского дипломата, уездного предводителя дворянства в Бежецке и полтавского губернатора (1892–1896 гг.) (Татищев, 2001, с. 9). Высокий статус отца в чиновничьей иерархии, явился важным фактором раннего знакомства А. А. Татищева с корпоративной средой высшей российской бюрократии. Так, на страницах мемуаров он особое внимание уделяет традиционным «парадным» завтракам у губернатора, в которых принимали обязательное участие местные администраторы, дети которых также присутствовали за столом (Татищев, 2001, с. 14). Кроме того, «детский мир» в имении и губернаторском доме предполагал довольно сложную и разноразноуровневую систему организации коммуникативного пространства, в которое включались не только представители титулованной аристократии, но и гувернеры, занимавшиеся воспитанием и образованием детей, а также многочисленная челядь, контакты с которой усложняли и разнообразили восприятие реального мира у дворянских детей. В мемуарах А. А. Татищева представлена целая галерея «народных» персонажей (скотницы, полотеры, лакеи, крестьяне), общение с которыми конкретизировало у молодых дворян понимание важности трудовой деятельности и этики, что находило выражение в весьма лестных эпитетах по отношению к низшим сословиям: «просыпаясь утром, я всегда слышал, как он (полотер Евгений. – М. Ч.) натирал пол в столовой. А ведь это была работа не из легких»; «(лакей Василий. – М. Ч.) честности был абсолютной» (Татищев, 2001, с. 22, 23). Тесный контакт с земледельцами, по признанию А. А. Татищева, воспитал в нем убеждение, «что для успеха хозяйства, необходима постоянная о нем мысль» (Татищев, 2001, с. 26).

В. Ф. Романов, чиновник, служивший в Земском отделе МВД (1898–1901 гг.), Управлении водных и шоссейных путей (1901–1906 гг.), Переселенческом управлении (1906–1914 гг.) и оставивший яркие воспоминания о своей жизни и профессиональной деятельности, также делал акценты на раннем периоде биографии. Среда, в которой происходило становление личности В. Ф. Романова, во многом совпадала с условиями детских лет А. А. Татищева: повседневность помещичьей усадьбы (владение матери), прямой контакт с природным окружением и т. д. Однако, принадлежа к категории мелкопоместного дворянства и являясь сыном чиновника средней руки, будущий деятель переселенческого движения, не был включен в коммуникативное пространство отцовских коллег по службе и в силу недостаточной состоятельности родителей не имел приглашенного воспитателя. На становление его личности, по утверждению самого В. Ф. Романова, решающее влияние оказала семейная обстановка, по преимуществу, женская среда (Романов, 2012, с. 7). Объясняя свои успехи на профессиональном чиновничьем поприще, Романов особо подчеркивал значимость ранней внутрисемейной коммуникации: «Практическая любовь ко мне бабушки, доставляемые этой любовью жизненные удобства, воспитывали мое моральное я с несравненно большим успехом, чем ожидавшая меня в будущем холодная прописная мораль различных учителей Закона Божьего, классных наставников и т. п.» (Романов, 2012, с. 8).

В данной связи предельно лаконичным и исчерпывающим видится определение самоидентичности, сформулированное чиновником В. Ф. Романовым в преамбуле своих воспоминаний: «Так как я, по своему воспитанию, образованию, служебным занятиям и знакомствам, наконец, даже по первоначально легкомысленному отношению к революционным

событиям представляю из себя среднего, а следовательно, вполне типичного русского интеллигента – чиновника эпохи царя Николая II, то, мне кажется, мои личные, частью служебные, частью просто обывательские, воспоминания могут дать будущему историку или романисту, хотя и скромный, но не лишенный значения, материал для характеристики качеств и быта русского служилого класса этой, величайшей в истории России, эпохи. Современному же русскому обществу мои воспоминания напомнят о тех положительных качествах нашего Царского чиновничества, которые несправедливо и предвзято замалчивались нашей литературой и прессой и ценность которых неизменна при всяком государственном строе. Эти качества: любовь к человеку и сознательно-добросовестное исполнение принятых на себя обязанностей» (Романов, 2012, с. 5).

Формирование опыта коммуникативного действия будущих переселенческих чиновников продолжилось в период их лицейской (А. А. Татищев) и гимназическо-университетской (В. Ф. Романов) юности.

А. А. Татищев, окончил последовательно Училище св. Анны и Императорский Александровский Лицей (1906 г.), посвятив этому этапу в своих воспоминаниях лишь короткий текстовый фрагмент. Тем не менее, общеизвестно, что лицей, будучи привилегированным дворянским учебным заведением, априори ориентировал своих выпускников на сферу государственной службы, что способствовало складыванию особой коммуникативной атмосферы, сопровождавшей сосуществование учителей и учащихся. Основной особенностью лицейской образовательной системы являлась цельность и межпредметный характер программ обучения, их гуманитарно-юридическая направленность, что требовало тщательного подбора преподавательского состава. Немаловажным в формировании образовательного фона было стремление администрации к сохранению традиций, заложенных в первой половине XIX столетия и крайне негативное отношение к любым видам радикализма и революционной деятельности (Татищев, 2001, с. 32), что становилось ярко выраженным признаком социокультурной и политической идентичности выпускников лицея, способствовало активному включению в сообщество чиновников, быстрому карьерному росту.

Немаловажным фактором влияния лицейской образовательной среды являлась и ранняя специализация учащихся. К числу основных задач преподавательского коллектива относилось определение склонности воспитанников к тем или иным наукам и ее дальнейшее развитие. А. А. Татищев, проявив себя на гуманитарном поприще, обнаружил склонность к исследованиям историко-экономического характера, получив впоследствии медаль за сочинение «Переселения крестьян» (Татищев, 2001, с. 32). Сам мемуарист, комментируя свой выбор, писал: «В отношении лицейцев... выбор места службы предоставлялся самим воспитанникам. Лично мой выбор был сделан давно... Я выбрал по совету покойного Чебыкина “Переселения крестьян” и в процессе писания этого сочинения... подошел к этому вопросу довольно близко; вместе с тем надо помнить, что крестьянский и аграрный вопросы стояли в центре общего внимания» (Татищев, 2001, с. 33). Именно острота и актуальность аграрных проблем в России после революции 1905 г., по рассуждениям А. А. Татищева, стали определяющим мотивом в поступлении его на службу по ведомству Главного управления землеустройства и земледелия (Татищев, 2001, с. 34).

Гимназический и университетский периоды становления личности В. Ф. Романова пришлись на эпоху контрреформ (1883–1897 гг.), что оказалось рельефно обозначено в его мемуарно-автобиографическом дискурсе как время серьезных испытаний и проверки на прочность той системы нравственных ценностей, которая сложилась в ранние детские годы (Романов, 2012, с. 24–30). В процессе работы с текстом воспоминаний Романова, становится очевидным, что обучение в гимназии и университете стало этапом кризиса идентичности, сопровождавшегося непростым выбором адекватной этическим представлениям коммуникативной среды. В. Ф. Романов, описывая гимназическое время, неизменно отмечал те недостатки классического образования, которые приходили в очевидный конфликт с его мировоззрением, сложившимся в основном в «усадебный» период жизни, определяемые им как

«...подрыв в глазах учащихся авторитета власти, а также упадок религиозности, склонность к атеизму... на излечение от которого потребовался ряд долгих лет чтения и работы над собою» (Романов, 2012, с. 22–23). В конечном счете он приходит к следующему заключению: «Постепенно, по мере нашего возрастания, мы проникались мыслью, что окончание гимназии необходимо только как неизбежное зло, для получения права попасть в Университет, а главное – что вся гимназическая система придумана каким-то высшим начальством, нам враждебным» (Романов, 2012, с. 21).

Оказавшись на университетской скамье, В. Ф. Романов продолжает испытывать чувство дискомфорта, поскольку такие элементы системы нравственных ценностей В. Ф. Романова и людей его круга, включившихся впоследствии в государственную деятельность, как любовь к Отечеству, уважение к народу и преданность делу, именно в 1880–1890-е гг., в условиях университетской контрреформы, по-прежнему были подвержены испытаниям. Романов вспоминал, что в годы его студенчества министерские и университетские власти прилагали максимум усилий для ограничения всякой корпоративности в студенческой и преподавательской среде, что активно способствовало эскалации протестных настроений и действий со стороны политически ангажированной части учащихся. Тем не менее, В. Ф. Романов не мог не отметить, что радикальная модель поведения не являлась свойственной всему студенческому сообществу, в среде которого оформлялись разные модели коммуникативных действий и идентичности, что наглядно было им сформулировано на страницах автобиографического опуса: «Что касается, так сказать, внеучебной части университетской жизни, то часто бывшие студенты вспоминают об этом с большой любовью, вроде того, как институтки о своих подругах, увлечениях. Я же лично мои впечатления от этой стороны студенческой жизни могу определить только как самые отрицательные: сходки, манифестации, кружки – всё это возбуждало во мне неизменно отвращение, очевидно, как просто органически мне чуждое. Не останавливаясь на дальнейших подробностях, могу сказать одно, что студенческие организации сыграли для меня такую же роль, как гимназический формализм и лицемерие; гимназии я обязан был отвращением от религии и власти, студенчеству – от какого бы то ни было политиканствующего, в особенности утопического, либерализма, от партийной предвзятости. К концу четвертого курса я был уже консервативных политических убеждений и предполагал выбрать себе военную карьеру либо служить по Министерству Внутренних Дел» (Романов, 2012, с. 61).

Процесс включения и адаптации новоявленных государственных чиновников в корпоративное пространство российской бюрократии вообще и переселенческих ведомств в частности может быть оценен нами в смысловом поле элементов коммуникативных действий, обозначенных во вступительной части статьи.

А. А. Татищев и В. Ф. Романов практически идентично характеризуют «фон жизненного мира», культурно-исторический контекст начала своей служебной карьеры. Так, А. А. Татищев, объясняя стремление служить по ведомству МВД, подчеркивал на страницах мемуарной прозы, что окончание им лица совпало по времени с перестройкой всего государственного механизма Российской империи, а начало работы первой Государственной думы всколыхнуло в обществе интерес к вопросам внутренней политики (Татищев, 2001, с. 33).

Старт профессиональной деятельности В. Ф. Романова во многом был задан сменой царствования конца XIX в., а также ожиданием либеральных реформ и конституции. Описывая историческую ситуацию, мемуарист отмечает всеобщее увлечение внутривластными вопросами, особо подчеркивая свое негативное отношение к способам их выражения: «Различные манифестации на улицах сопровождались обычно таким тупым озверением лиц у вожаков, такими грязными ругательствами, что уже одна внешняя стороны их возбуждала отвращение» (Романов, 2012, с. 60). В. Ф. Романов, оценивая важность внутренней политики и свою заинтересованность в решении злободневных государственных вопросов, ясно обозначает и собственную политическую позицию, сформировавшуюся под влиянием социально-политической ситуации: «У меня и моих товарищей было ощущение радости, что в Рос-

сии новый Царь, о котором определенно тогда говорили, как о стороннике либеральных реформ, конституции. Но печаль масс и траурный вид города как-то нарушали эту радость; начинались сомнения, которым, под влиянием последующих событий в моей жизни, суждено было через несколько лет перебросить меня в другой, противоположный, лагерь сторонников самодержавия, которые независимо от той или иной их политической программы получили, кажется, в 1905 году огульное название черносотенцев» (Романов, 2012, с. 53).

Оценочные суждения мемуаристов совпадают и в характеристике конвенций, определявших вступление молодых бюрократов в профессиональное сообщество и, как следствие, коммуникативные отношения. Будучи представителями дворянского сословия, А. А. Татищев и В. Ф. Романов признавали важность такой корпоративной традиции, как протекция при служебном назначении.

А. А. Татищев откровенно писал, что при выборе места службы обычно руководствовались семейными традициями или наличием связей (знакомых) в том или ином учреждении; реже личными наклонностями (Татищев, 2001, с. 33).

В. Ф. Романов также склонен был полагать, что поступление на службу обязательно должно сопровождаться протекцией, заручившись которой можно добиться известного положения, сделать карьеру, хорошо жить и приносить пользу (Романов, 2012, с. 69). О своем личном карьерном старте он писал следующее: «В это время моя бабушка гостила у знакомых ее в Петербурге и писала мне, что И. Н. Дурново, бывший тогда Председателем Комитета Министров (серьезная протекция. — М. Ч.), ее старый близкий знакомый, советует мне поступить в Переселенческое Управление; это учреждение только что было тогда сформировано и считалось в бюрократических кругах модным... веруя, как все, в силу рекомендательных писем, я через бабушку получил приглашение явиться к товарищу министра внутренних дел А. Д. Оболенскому, которому говорил обо мне И. Н. Дурново» (Романов, 2012, с. 70).

Функционирование служебного коммуникативного пространства переселенческих чиновников рубежа столетий реализовывалось в общей «сфере референций», предполагавшей согласие на уровне норм, знаний, оценок, чувств акторов локально-профессионального сообщества, что обеспечивало общую ориентацию на взаимопонимание. Ситуация согласия в группе переселенческих чиновников, близкая к состоянию товарищества, была обусловлена не только принадлежностью к сословию, общими обстоятельствами формирования нравственных устоев (этоса), о чем здесь уже говорилось, но и качественно иной социокультурной ситуацией пореформенного времени, когда в среду государственного управления России неуклонно стали проникать такие понятия, как гласность, правопорядок, что оказалось созвучно новому поколению отечественной бюрократии. Более того, Переселенческое управление МВД (1896 г.), служащими которого являлись А. А. Татищев и В. Ф. Романов, в исследуемый период реализовывало широкий спектр актуальных задач имперского характера. Эскалация массовых крестьянских миграций за Урал не только ставила власти России в условия острой необходимости урегулирования аграрного вопроса в центре и на периферии, но и реанимировала в общественно-политическом дискурсе тему «внутренних окраин» / колоний Российской империи. По сути дела, придание Переселенческому управлению статуса специального ведомства под эгидой Министерства внутренних дел подчеркивало особое положение и назначение данного учреждения в сфере решения колонизационных задач, что, в свою очередь, требовало разработки принципиально новых подходов в подборе и организации квалифицированных кадров. Следует добавить, что и сами чиновники, мобилизованные для работы в Переселенческом управлении, осознавали значимость своего положения и миссии, возложенной на них. В. Ф. Романов в своих воспоминаниях о времени службы в ведомстве в 1906–1914 гг., когда Переселенческое управление по формату своей деятельности приблизилось к общеевропейской модели Министерства колоний, писал, оценивая традицию «переселенческого дела»: «Когда я пытаюсь объяснить себе, почему наше правительство там упорно придерживалось каких-то кустарных приемов в отношении богатейших колоний России, я думаю, что и правительство, и наше общество находились всегда под гипнозом целостно-

сти территории Российской Империи; было странно признавать колонией те части ее, которые соединены со столицами сплошным железнодорожным путем, а не отделены от метрополии морями, подобно английским, германским и французским колониям» (Романов, 2012, с. 143). А. А. Татищев на заре своей служебной карьеры в учреждении (1906 г.) отмечал «широту и разнообразие деятельности Переселенческого управления» (Татищев, 2001, с. 37).

Опираясь на мемуарно-автобиографический дискурс чиновников переселенческого ведомства, можно с уверенностью констатировать существовавшую в сообществе ориентацию на взаимопонимание независимо от расположения участников коммуникации в системе координат служебной иерархии. Воспоминания А. А. Татищева и В. Ф. Романова в части коммеморации служебных отношений воссоздают широкую палитру позитивных образов коллег-чиновников, долгие годы входивших в их жизненное пространство как в формальной, так и в неформальной обстановке.

В. Ф. Романов, отмечая особый формат «пролонгированной» коммуникации, писал о своем непосредственном начальнике: «Бывало на службе произойдет злобная перепалка, выслушаешь и наговоришь много колкостей, а вечером дома слушаешь пение Глинки и всё забывается» (Романов, 2012, с. 150). Характеризуя постоянных участников коммуникативных действий профессионального свойства – И. И. Тхоржевского, Г. Ф. Чиркина, С. П. Шликевича и др., Романов неизменно подчеркивает, что «отличительной чертой большинства их была горячая любовь к родине и порученному им делу и абсолютная деловая честность» (Романов, 2012, с. 154).

Общая идентичность, пребывание «на одной волне» и ориентация на взаимопонимание независимо от чинов и званий весьма своеобразно проявлялись в экспедиционной повседневности переселенческих чиновников. В. Ф. Романов в необыкновенно ярком юмористическом стиле описал в своих мемуарах отношения с Б. Е. Иваницким – тайным советником и товарищем главноуправляющего землеустройством и земледелием, командированным в 1908 г. в Приамурский край для правильной постановки переселенческого дела. В. Ф. Романов, входивший в отряд, вспоминал, что регулярно подвергался мелочным, как ему казалось, нападкам со стороны своего руководителя. И только спустя многие годы осознал, что нравоучения начальника носили исключительно педагогический и в значительной мере практический характер. Постоянные замечания о необходимости носить теплую одежду и обувь, не тратить попусту прогонные деньги и брюзжания: «хороши современные чиновники; товарищ министра должен заниматься поисками их калош!» (Романов, 2012, с. 164), были продиктованы соображениями отеческой заботы (Иваницкий был старше почти на 20 лет. – М. Ч.) и производственной необходимости.

Реконструируя пространство профессиональной коммуникации, А. А. Татищев особое внимание уделил непредметной обстановке, сопровождавшей начало его служебной карьеры. При этом репрезентации автором мемуаров чиновничьей повседневности конструируют живой человеческий образ окружающих его персонажей, зачастую игнорируемый в тематических исследованиях. Характерно, например, что в описании топографических характеристик ведомства, первого контакта с его служащими, модели общения начальников с подчиненными Татищев делает акцент на обыденности и «легкости» восприятия коммуникативной ситуации, в которой оказался тогда еще совсем молодой человек: «Переселенческое управление помещалось тогда на Морской, 36, в небольшой квартире частного дома...»; «Встретили меня очень ласково»; «Глинка должен был ехать в большую служебную поездку в Сибирь. В такие поездки начальники... брали с собой кого-либо из младших служащих»; «...Глинке пришла в голову счастливая для меня мысль взять с собой в путешествие меня» (Татищев, 2001, с. 34). В дальнейшем, описывая акт путешествия из Петербурга в Сибирь и Степной край, А. А. Татищев сознательно выделяет сюжеты профанного характера, усиливающие эффект позитивного восприятия своей коммуникативной среды, что позволяет существенно скорректировать представления об облике, стиле жизни и поведенческих практиках российского чиновничества. Конструируя образ своего непосредственного начальника и попутчика

в служебной командировке, Татищев особо подчеркивает «нормальное» в его манере и стиле поведения, что позволяет зафиксировать чиновника-человека, а не чиновника-функцию: «...перед поездкой Глинка собирался заехать в свое смоленское имение...; «Глинка я застал в мрачном настроении» (Татищев, 2001, с. 35). Большое значение в моделировании позитивного образа чиновника у А. А. Татищева имеет воссоздаваемый им повседневный фон путешествия: описание «сибирского» поезда, фиксация скорости движения, станций с переселенческими пунктами, природного колорита местности, вокзальной торговли и стоимости товаров и т. д. (Татищев, 2001, с. 35). Заданный мемуаристом контекст повседневности путешествия позволил автору вписать в эту неформальную атмосферу и своего патрона – крупного правительственного чиновника Г. В. Глинка, с которым А. А. Татищев «успел забежать на переселенческий пункт и познакомиться с заведующей, типичной представительницей старого переселенческого чиновничества, идеалиста-народника, работающего не считая часов за скудное вознаграждение и не мечтающего ни о какой карьере» (Татищев, 2001, с. 35); «ехали... в маленьком вагоне, но товарно-пассажирским поездом вместе с переселенцами, с которыми Глинка и провел всё время в дороге, переходя на станциях из вагона в вагон» (Татищев, 2001, с. 36).

В качестве общих выводов отметим следующее. В конце XIX – начале XX в. в России активными темпами формируется профессиональное сообщество переселенческих чиновников, социокультурная идентичность представителей которого строилась под воздействием комплекса факторов социализации: традиционной дворянской модели воспитания и образования, с одной стороны, и влияния либерально-народнических инноваций эпохи Великих реформ, с другой.

Культурно-историческим фоном организации коммуникативного пространства переселенческих чиновников было качественное переосмысление задач «переселенческого дела», ставшего важным сегментом имперской политики колонизации восточных окраин страны. Признание властью необходимости решения аграрного вопроса придало переселенческому движению статус первоочередного во внутренней политике России. В данном аспекте изменилась и значимость того сегмента чиновничества, который оказался вовлечен в решение задач, связанных с организацией и регулированием переселенческого процесса. Показательно, что, в отличие от чиновников классического стационарного типа, сотрудники переселенческого ведомства характеризовались большей мобильностью и интенсивностью контактов с различными сословными категориями населения империи, прежде всего с крестьянством. Именно коммуникация с крестьянством, «наградившим» рассматриваемую категорию чиновников эпитетом «переселенные», во многом определила их идентичность как специфическую, отличную от идентичности других групп российской бюрократии.

В рамках пространства служебного и неформального взаимодействия переселенческих чиновников в основе коммуникативного действия располагались принципы патернализма и товарищества, что способствовало «мягкой» профессиональной адаптации молодых служащих ведомства, коллективному принятию конвенций взаимопонимания, сотрудничества и поддержания комфортных условий деятельности и во многом повышало эффективность действий империи на колонизируемых окраинах.

Список литературы

- Богданов В. П.** «Крапивенное семя»: чиновничество и российская саморефлексия // Диалог со временем. 2011. Вып. 37. С. 101–125.
- Иванов В. А.** Губернское чиновничество 50–60-х гг. XIX в. в России: Историко-источниковедческие очерки. Калуга: КГПИ, 1994. 229 с.
- Кондаков И. В.** Введение в историю русской культуры: Учеб. пособие для вузов. М.: Аспект-Пресс, 1997. 686 с.

- Матханова Н. П.** Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX в.: В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. 422 с.
- Морякова О. В.** Провинциальное чиновничество в России второй четверти XIX века: социальный портрет, быт и нравы // Вестник МГУ. Серия: История. 1993. № 6. С. 11–23.
- Родигина Н. Н.** Переселенческие чиновники о крестьянских миграциях в Сибирь во второй половине XIX в. // Жить законом: правовое и правоведческое пространство истории. Новосибирск, 2003. С. 88–104.
- Розанов В. В.** Апокалипсис нашего времени. М.: Республика, 2000. 429 с.
- Суворова Н. Г.** Личные дела имперских и советских колонизационных экспертов (конец XIX – первая треть XX в.): информационные возможности // Омские научные чтения: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2017. С. 205–208.
- Теннис Ф.** Общность и общество. СПб.: Владимир Даль, 2002. 452 с.
- Фролова Т. А.** Социокультурный облик чиновничества Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2006. 25 с.
- Хабермас Ю.** Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. 377 с.

Список источников

- Романов В. Ф.** Старорежимный чиновник. Из личных воспоминаний от школы до эмиграции, 1874–1920 гг. СПб.: Нестор-История, 2012. 336 с.
- Татищев А. А.** Земли и люди. В гуще переселенческого движения (1906–1921). М.: Русский путь, 2001. 376 с.

References

- Bogdanov V. P.** “Krapivennoe seme”: chinovnichestvo i rossiiskaya samorefleksiya [“Nettle seed”: Bureaucracy and Russian Self-Reflection]. *Dialog so vremenem [Dialogue with Time]*, 2011, iss. 37, pp. 101–125. (in Russ.)
- Frolova T. A.** Sotsiokul’turnyi oblik chinovnichestva Zapadnoi Sibiri v kontse XIX – nachale XX v. [The Socio-Cultural Image of the Officials in Western Siberia in the Late 19th – Early 20th Centuries]. Abstract of Cand. Hist. Sci. Diss. Omsk, 2006, 25 p. (in Russ.)
- Habermas J.** Moral’noe soznanie i kommunikativnoe deistvie [Moral Awareness and Communicative Action]. St. Petersburg, Nauka, 2000, 377 p. (in Russ.)
- Ivanov V. A.** Gubernskoe chinovnichestvo 50–60-kh gg. XIX v. v Rossii: Istoriko-istochnikovedcheskie ocherki [Provincial Bureaucracy of the 1850s–1860s in Russia: Historical and Source Studies]. Kaluga, KSPI Press, 1994, 229 p. (in Russ.)
- Kondakov I. V.** Vvedenie v istoriyu russkoi kul’tury [Introduction to the History of Russian Culture]. A Textbook for Universities. Moscow, Aspect-Press, 1997, 686 p. (in Russ.)
- Matkhanova N. P.** General-gubernatory Vostochnoi Sibiri serediny XIX v.: V. Ya. Rupert, N. N. Muravyev-Amursky, M. S. Korsakov [Governor-Generals of Eastern Siberia in the middle of the 19th Century: V. Ya. Rupert, N. N. Muravyev-Amursky, M. S. Korsakov]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 1998, 422 p. (in Russ.)
- Moryakova O. V.** Provintsial’noe chinovnichestvo v Rossii vtoroi chetverti XIX veka: sotsial’nyi portret, byt i nray [Provincial Bureaucracy in Russia in the 2nd Quarter of the 19th Century: A Social Portrait, Everyday Life and Customs]. *Vestnik MGU. Seriya: Istoriya [Moscow State University Bulletin. Series: History]*, 1993, no. 6, pp. 11–23. (in Russ.)
- Rodigina N. N.** Pereselencheskie chinovniki o krest’yanskikh migratsiyakh v Sibir’ vo vtoroi polovine XIX v. [Resettlement Officials on Peasant Migrations to Siberia in the 2nd Half of the 19th Century]. In: *Zhit’ zakonom: pravovoe i pravovedcheskoe prostranstvo istorii [To Live by the Law: Legal and Jurisprudential Space of History]*. Novosibirsk, 2003, pp. 88–104. (in Russ.)

- Rozanov V. V.** Apokalipsis nashego vremeni [Apocalypse of Our Time]. Moscow, Respublika, 2000, 429 p. (in Russ.)
- Suvorova N. G.** Lichnye dela imperskikh i sovetskikh kolonizatsionnykh ekspertov (konets XIX – pervaya tret' XX v.): informatsionnye vozmozhnosti [Personal Files of Imperial and Soviet Colonization Experts (late 19th – 1st Third of the 20th Century): Informational Opportunities]. In: Omskie nauchnye chteniya [Omsk Scientific Readings]. All-Russian Scientific-Practical Conference Papers. Omsk, 2017, pp. 205–208. (in Russ.)
- Tennis F.** Obshchnost' i obshchestvo [Community and Society]. St. Petersburg, Vladimir Dal', 2002, 452 p. (in Russ.)

List of Sources

- Romanov V. F.** Starorezhimnyi chinovnik. Iz lichnykh vospominanii ot shkoly do emigratsii, 1874–1920 gg. [Old-Regime Functionary. From Personal Memories from School to Emigration, 1874–1920]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2012, 336 p. (in Russ.)
- Tatishchev A. A.** Zemli i lyudi. V gushche pereselencheskogo dvizheniya (1906–1921) [Lands and People. In the Midst of the Resettlement Movement (1906–1921)]. Moscow, Russkii put', 2001, 376 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Михаил Константинович Чуркин, доктор исторических наук, профессор
Scopus 57188640644
WoS AAQ-8591-2021

Information about the Author

Mikhail K. Churkin, Doctor of Sciences (History), Professor
Scopus 57188640644
WoS AAQ-8591-2021

*Статья поступила в редакцию 04.03.2021;
одобрена после рецензирования 12.04.2021; принята к публикации 26.04.2021
The article was submitted 04.03.2021;
approved after reviewing 12.04.2021; accepted for publication 26.04.2021*

Научная статья

УДК 94:621.311.1(571.6)

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-8-73-86

Государственная политика по развитию электроэнергетики на Дальнем Востоке в 1950-х – середине 1960-х годов: условия и особенности реализации

Алексей Владимирович Маклюков

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока

Дальневосточного отделения Российской академии наук

Владивосток, Россия

alekseymaklyukov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1301-4041>

Аннотация

Анализируется государственная политика СССР по развитию электроэнергетики Дальнего Востока в 1950-х – середине 1960-х гг. Выявляются условия и особенности ее реализации, раскрываются проблемы энергетического строительства, рассматриваются структурные изменения в управлении отраслью. Определяются основные тенденции и противоречия взаимодействия между центральной и местной властью по вопросам региональной электрификации. Показано, что формирование электроэнергетики на Дальнем Востоке проходило в условиях ограниченных ресурсов и несогласованности между центром и регионом в решении проблем отрасли. Государственная политика по развитию дальневосточной электроэнергетики базировалась на идее быстрого и более дешевого строительства тепловых электростанций. Автор приходит к выводу, что ее следствием являлось техническое отставание электроэнергетики и темпов электрификации, возрастание дефицита электроэнергии и в целом замедление социально-экономического развития региона.

Ключевые слова

государственная политика, электроэнергетика, энергетическое строительство, электрификация, экономика, регион, Дальний Восток

Для цитирования

Маклюков А. В. Государственная политика по развитию электроэнергетики на Дальнем Востоке в 1950-х – середине 1960-х годов: условия и особенности реализации // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 8: История. С. 73–86. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-8-73-86

The Public Policy of Developing Electric Power Industry in the Far East in the 1950s – mid 1960s: Conditions and Features of Realization

Aleksey V. Maklyukov

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East

of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences

Vladivostok, Russian Federation

alekseymaklyukov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1301-4041>

Abstract

The article examines the merits and demerits of the policy of Soviet government in the field of regional electric power industry, in particular the energy projects in the Far East region. It aims to analyze the conditions and features of the implementation of the public policy of the USSR intended to develop the electric power industry of the Far East

© Маклюков А. В., 2021

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 1: История. С. 73–86

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2021, vol. 20, no. 1: History, pp. 73–86

in the 1950s – mid-1960s; to identify the main trends and contradictions in interaction between central and local authorities dedicated to regional electrification. The research is based on the traditional historical methods, as well as on the state-centered and regional approaches. It is shown that the electric power industry in the Far East has been developing in conditions of limited resources and lack of mutual understanding between the center and the region in solving towards the problems of the industry. The public policy for the development of the Far Eastern electric power industry was based on the idea of a quick and cheaper construction of thermal power plants. The author comes to the conclusion that this policy led to various consequences, including technical lag in the electric power industry and the pace of electrification, an increase in the shortage of electricity and, in general, a slowdown in the socio-economic development of the region.

Keywords

state policy, electricity, energy construction, electrification, economy, region, Far East

For citation

Maklyukov A. V. The Public Policy of Developing Electric Power Industry in the Far East in the 1950s – mid 1960s: Conditions and Features of Realization. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 8: History, pp. 73–86. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-8-73-86

Ускоренное развитие производительных сил Дальнего Востока СССР в 1950-е – середине 1960-е гг. зависело от формирования современной электроэнергетической инфраструктуры, необходимой для технической модернизации промышленности, транспорта, сельского хозяйства. Государственная политика по развитию дальневосточной электроэнергетики в рассматриваемый период была детерминирована рядом исторических условий и имела особенности, которые тормозили электрификацию региона.

Актуальность темы исследования вызвана тем, что в ходе модернизации современной России возникает вопрос о положении электроэнергетического комплекса Дальнего Востока, созданного в период 1950–1980-х гг. Дальневосточная электроэнергетика остается затратной, отсталой и проблемной отраслью, замедляющей социально-экономическое развитие региона. Актуальность темы определяет также и тот факт, что историческая наука не располагает специальным исследованием данной проблемы. Научное изучение позитивных и негативных сторон в истории советской государственной политики в сфере региональной электроэнергетики способствует оптимизации современной социально-экономической политики России по отношению к Дальнему Востоку.

Анализ исследований по данной теме показывает, что, несмотря на наличие публикаций, вышедших как в советский, так и современный период, государственная политика по развитию электроэнергетики на Дальнем Востоке в 1950-х – середине 1960-х гг. рассматривалась лишь фрагментарно в общем контексте развития экономики страны и ее восточных районов [Алексеев, 1976; Андросов, 1971; Виленский, 1954; Калашников, Демина, 2014; Маклюков, 2018; Некрасова, 1975; Нерадовская, 1985; Никифоров, 2011; Тимошенко, 2014; Шевченко, 1972; Шелест, 1961; Ярославцева, 2014]. Только в одной работе [Коваленко, 2010] специально исследованы вопросы модернизации промышленности Дальнего Востока через реализацию государственной политики и эволюции управленческих процессов в 1950–1960-е гг.

В данной статье мы анализируем государственную политику СССР по развитию дальневосточной электроэнергетики в 1950-х – середине 1960-х гг., выявляем условия и особенности ее реализации, проблемы энергетического строительства, определяем основные тенденции и противоречия взаимодействия центральной и региональной властей по вопросам ее развития, характеризуем итоги электрификации региона, раскрываем причины отставания развития региональной электроэнергетики.

Методологической основой исследования являются традиционные исторические методы. В основу исследования также положено два подхода: государство-центрированный и региональный. Первый задает предмет исследования – государство как целостную систему управления региональным развитием. В рамках этой системы происходит мобилизация и перераспределение материальных ресурсов в пользу конкретных регионов страны. Второй подход позволяет выделить специфические территориальные особенности исходя из геополитического положения и экономической значимости советского Дальнего Востока.

Источниковой базой исследования являются корпус неопубликованных документов, выявленных в фондах федеральных (РГАЭ, ГАРФ, РГАСПИ, РГАНИ) и региональных (ГААО, ГАХК, ГАПК) архивов. Основными изученными видами документов являются постановления ЦК КПСС и Совмина СССР, материалы пленумов аппарата ЦК, крайкомов и обкомов КПСС, приказы Минэнерго СССР, постановления дальневосточных совнархозов, материалы заседаний технико-экономических советов совнархозов, планы и проекты, аналитические и докладные записки, касающиеся развития электроэнергетики, годовые отчеты трестов, районных энергетических управлений и предприятий электроэнергетики.

Электроэнергетика на Дальнем Востоке являлась самой отсталой отраслью промышленности. Энергетическая инфраструктура в регионе создавалась в специфических условиях, характеризовавшихся суровой природой и сложным климатом, слабой заселенностью и хозяйственной неосвоенностью территории, ее удаленностью от индустриально развитых районов страны, ограниченностью трудовых и материально-технических ресурсов. Первые две крупные электростанции (Артемовская ГРЭС, Комсомольская ТЭЦ-2) в регионе построили в 1930-е гг. В военные и послевоенные годы на Дальнем Востоке разразился энергетический кризис, вызванный дефицитом производства электроэнергии. Потребности региональной экономики в электроэнергии удовлетворялись на уровне 50 %, по показателям электрификации регион к 1950-му г. отставал более чем на 20 лет по сравнению с другими районами СССР¹.

В послевоенные годы внимание политического центра в большей степени было направлено на восстановление европейской части страны. В то же время изменение статуса и места СССР в мировом сообществе повлекло за собой внесение корректировок в региональную политику для обеспечения геополитических целей. Новые задачи экономического развития страны требовали сдвига индустрии на восток, вовлечение в хозяйственный оборот новых энергетических источников и сырья, поэтому внимание политического руководства СССР было обращено к освоению природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока. В региональной политике в 1950-е гг. стала реализовываться модель создания территориально-производственных комплексов. Планы пятой и шестой пятилеток, семилетки, разрабатывались с использованием методологии комплексного развития производств в рамках отдельных территорий, в первую очередь в восточных районах СССР [Хозяйственное освоение Урала..., 2018, с. 252].

Дальневосточная политика советского правительства в послевоенное время в основном ориентировалась на оказание всевозможной помощи Китаю для создания мощного союзника в Восточной Азии. КНР был предоставлен кредит на сумму 1,2 млрд руб., на северо-востоке страны советские специалисты в 1950-е гг. строили крупные промышленные предприятия, в числе которых 11 электростанций [Мир после войны..., 2009, с. 83–86]. Территория советского Дальнего Востока стала своеобразным плацдармом экономического сотрудничества с КНР. Пятый и шестой пятилетние планы ориентировались на развитие базовых отраслей дальневосточной экономики: металлургии, угольной, судостроительной, лесной, рыбной промышленности, всех видов транспорта. Особое внимание уделялось созданию новых транспортно-промышленных центров для развития советского экспорта в КНР [Коваленко, 2010, с. 41].

Смена приоритетов в общеэкономическом курсе страны и новые задачи в дальневосточной политике оказали влияние на стратегию и практику развития производительных сил Дальнего Востока и его энергетического хозяйства в частности. В пятом пятилетнем плане развития народного хозяйства региона (1951–1955 гг.) ставилась задача осуществления глубокой электрификации промышленности, сельского хозяйства и транспорта, намечалось строительство десятков новых объектов электроэнергетики².

¹ РГАЭ. Ф. 399. Оп. 2. Д. 676. Л. 5.

² Там же. Ф. 7855. Оп. 2. Д. 310. Л. 4, 22.

Первым шагом к развитию дальневосточной электроэнергетики стало постановление Совмина СССР от 28 января 1949 г. «О возобновлении строительства Хабаровской ТЭЦ». Согласно этому документу Минэнерго СССР и Хабаровский крайком ВКП(б) обязывались организовывать союзный строительно-монтажный трест Дальэнергострой³. Приказом Минэнерго от 6 февраля 1949 г. в структуре треста создавались 3 строительных управления: Хабаровской ТЭЦ, Комсомольской ТЭЦ-1 и Сучанской ГРЭС. На реализацию работ в 1949 г. отпускалось 28,1 млн руб. В 1950–1951 гг. Дальэнергострой из центра получил 11 экскаваторов, 3 бульдозера, 2 грейдера, 28 кранов, 169 автомашин ЗИС и ГАЗ⁴.

Крупнейшей энергостройкой на Дальнем Востоке в 1950-е гг. стала Сучанская ГРЭС, которая возводилась для нового морского порта и города Находка. Для строительства объекта, получившего секретное название «У», первоначально предполагалось привлечь японских военнопленных. В первые годы на стройке использовали труд 750 заключенных управления Примлага МВД. Строительство слабо обеспечили материалами и техникой, планы не выполнялись⁵. Приказом Минэнерго СССР от 27 февраля 1953 г. централизованно выделили 1 798 т металла, 687 т труб стальных и чугунных, 14 750 куб. м леса, 4 400 т цемента, 2 430 тыс. шт. кирпича и т. д. Стройка пополнилась машинами, коллектив строителей заменили на вольнонаемных⁶. 17 декабря 1954 г. ввели в строй первую турбину «BROWN BOVERI & CIE» мощностью 37,5 МВт, к декабрю 1959 г. мощность Сучанской ГРЭС достигла 212 МВт, и она стала самой крупной электростанцией на Дальнем Востоке⁷.

Энергетическое строительство на Дальнем Востоке в 1950-е гг. имело слабую стройиндустрию, в условиях ограниченных ресурсов осуществлялась только в южных районах (Хабаровском и Приморском краях), практически не велось в северных. Правительственные сроки ввода электростанций не выполнялись. Так, в постановлении Совмина СССР от 1 февраля 1952 г. «О мерах по обеспечению строительства Хабаровской ТЭЦ» отмечалось, что строительство не снабжалось стройматериалами, парк тяжелой механизации вышел из строя⁸. При этом в Хабаровске возведение промышленных заводов других министерств осуществлялось более высокими темпами. Только в сентябре 1954 г. ввели в строй первую очередь Хабаровской ТЭЦ, на 2 года позже установленного срока⁹.

В 1950-е гг. началось сооружение протяженных линий электропередачи (ЛЭП), способных связать за сотни километров населенные пункты и промышленные районы Дальнего Востока. В 1953 г. в структуре Минстроя СССР создан трест Дальэлектромонтаж для возведения ЛЭП. Сложные природные условия, непроходимая горно-таежная местность, огромные расстояния между населенными пунктами и бездорожье тормозили работы. На отдельных участках для прокладки трасс использовались даже танки Т-34. Темпы электросетевого строительства в регионе не отвечали росту энергетических мощностей¹⁰.

В целом в 1950-е гг. энергетическое строительство на Дальнем Востоке позволило решить лишь одну задачу: выполнить прерванную войной программу 1930-х гг. и построить три современные электростанции: Комсомольскую ТЭЦ-1, Хабаровскую ТЭЦ и Сучанскую ГРЭС. Средняя мощность введенных на них агрегатов составляла 20 МВт, по стране в среднем уже вводились турбины по 100 МВт. Оборудование для них поступало из трофейных агрегатов, демонтированных в странах Восточной Европы или полученных от Японии, а также списанных с других предприятий СССР¹¹.

³ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 51. Д. 886. Л. 13–17.

⁴ РГАЭ. Ф. 7855. Оп. 2. Д. 310. Л. 4; Д. 338. Л. 120.

⁵ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 429. Л. 4; Д. 430. Л. 128.

⁶ РГАЭ. Ф. 7855. Оп. 2. Д. 464. Л. 92, 136.

⁷ Там же. Л. 84; Ф. 348. Оп. 1. Д. 34. Л. 1.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 86а. Д. 6041. Л. 42, 46.

⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 53. Д. 4200. Л. 66.

¹⁰ ГАРФ. Ф. А-417. Оп. 1. Д. 1437. Л. 41–51.

¹¹ ГАПК. Ф. Р-540. Оп. 2. Д. 203. Л. 2.

Позитивные изменения в 1950-е гг. произошли в сфере управления региональной электроэнергетикой. Распоряжением Совмина СССР от 25 мая 1954 г. «в целях улучшения руководства электростанциями Хабаровского края» Минэнерго СССР обязывалось организовать районное энергоуправление Хабаровскэнерго. Для этого требовалось получить от Амурского судостроительного завода Минтяжтрансмаша Комсомольскую ТЭЦ-2, построенную в 1934–1939 гг. Сразу решить этот вопрос не удалось. Минтрансмаш отказался отдать станцию, так как она являлась «технологической частью завода»¹².

Реформа управленческой системы 1957 г. и внедрение территориального принципа ускорили этот процесс. В постановлении Совмина РСФСР от 1 июня 1957 г. о создании Хабаровского совнархоза в его структуре значилось «управление энергетического хозяйства». Распоряжением Хабаровского совнархоза от 19 июня 1957 г. создавалось районное энергоуправление Хабаровскэнерго, в ведение которого перешли все крупные отраслевые электростанции края. К 1961 г. оно контролировало 70 % генерирующих мощностей энергопредприятий края¹³.

Переход рычагов управления экономикой к совнархозам стал толчком для развития энергетического хозяйства. В управлении отраслью совмещались два уровня – центральный и местный. Совнархозы получили дополнительное финансирование от Минэнерго для руководства новыми предприятиями электроэнергетики, оказания им помощи в организации эксплуатации, ремонта и налаживания работы оборудования, осуществления капитального строительства. Так, Амурский совнархоз в 1957 г. принял строительство ЛЭП Райчихинская ТЭЦ – г. Благовещенск, обеспечил поставку 120 т металлоконструкций, 80 т арматурного железа, 1 000 т специального гидротехнического бетона. Для воздушного перехода через р. Зея длиной 2,4 км потребовалось впервые в СССР специальное изготовление опор высотой 135–240 м. ЛЭП успешно достроили 10 августа 1959 г., а для ее эксплуатации и других предприятий Амурский совнархоз постановлением от 10 марта 1960 г. организовывал районное управление Амурэнерго¹⁴.

Дальневосточные совнархозы по своей инициативе заказывали проекты строительства новых электростанций и разрабатывали схемы электроснабжения отдельных районов. Так, совнархоз Сахалинского района в октябре 1957 г. заказал проект Южно-Сахалинской ГРЭС у Новосибирского отделения института Теплоэлектропроект. Камчатский совнархоз в решении от 23 сентября 1958 г. утвердил проектное задание на строительство Петропавловской ТЭЦ. Магаданский совнархоз 17 ноября 1962 г. рассмотрел и утвердил схему электроснабжения Билибинского района, которая предусматривала строительство первой на Дальнем Востоке Билибинской атомной электростанции из двух блоков на 48 МВт¹⁵.

Амурский и Хабаровский совнархозы решили важную проблему отрасли – отсутствие местного производства электротехнического оборудования, аппаратов, комплектующих, полностью завозимых с центральных заводов страны. В 1959–1962 гг. совнархозы построили Биробиджанский завод силовых трансформаторов, Благовещенский электроаппаратный завод, Свободенский завод высоковольтной аппаратуры, завод Амуреэлектроприбор и др. Местные предприятия на 50–60 % стали покрывать материальные потребности электроэнергетики¹⁶.

При совнархозах создавались технико-экономические советы, в структуре которых работали секции по энергетике. Техничко-экономические советы решали вопросы совершенствования структуры и улучшения управления промышленностью и строительством, занимались разработкой перспективных планов развития. Например, в секцию энергетики Приморского совнархоза с марта 1960 г. входило 47 специалистов – партийные работники, руководители и главные инженеры энергетических предприятий, научные сотрудники ДВФ АН СССР. За-

¹² ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 88. Д. 2782. Л. 4, 14.

¹³ ГАХК. Ф. Р-1218. Оп. 1. Д. 1. Л. 18; Ф. Р-353. Оп. 9. Д. 325. Л. 2.

¹⁴ ГААО. Ф. Р-965. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; Д. 41. Л. 1.

¹⁵ ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 5. Д. 10052. Л. 4; Д. 8751. Л. 2; Оп. 8. Д. 2223. Л. 23.

¹⁶ РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 718. Л. 16; ГААО. Ф. Р-1272. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

седания секций происходили ежеквартально, на них решались текущие и обсуждались перспективные вопросы развития отрасли¹⁷.

Технико-экономические советы на местах имели полную информацию о состоянии электроэнергетики, принимали своевременные решения, быстрее реагировали на ситуацию, предлагали решения важных вопросов. Президиум технико-экономический совета Амурского совнархоза первым указал правительству на важную проблему нерационального использования местных энергоресурсов. В 1954 г. институт Гидроэнергопроект выявил широкие возможности развития гидроэнергетики в Приамурье. В 1957 г. завершилась работа над проектом Зейской ГЭС, получившим поддержку ученых АН СССР. Председатель Амурского совнархоза А. И. Бабокин на основе предоставленных материалов в феврале 1958 г. подготовил письмо в ЦК КПСС, Госплан СССР и РСФСР, в котором просил срочно принять решение о строительстве Зейской ГЭС и включить ее в семилетний план¹⁸.

Правительство ответило отказом и не включило Зейскую ГЭС в план. На принятие такого решения повлияли несколько обстоятельств. Во-первых, политика страны по оказанию многосторонней помощи КНР как мощному союзнику в Азии. С 1956 г. правительства двух стран стали заявлять о создании проекта «Большого Амура», предусматривающего строительство международных плотин и ГЭС в верховьях Амура для обеспечения электроэнергией Северо-Востока КНР. Этот проект, основанный на недостоверных научных данных, не предусматривал строительство ГЭС на р. Зея [Маклюков, 2020, с. 154]. Во-вторых, техническая политика Минэнерго по формированию энергосистемы Амурской области, которая заключалась в том, что средства закладывались на расширение Райчихинской ТЭЦ для быстрого преодоления дефицита электроэнергии¹⁹. В-третьих, приоритетное строительство Ангарского каскада ГЭС в Восточной Сибири, которое потребовало мобилизации значительных финансовых, материально-технических и трудовых ресурсов страны [Алексеев, 1976, с. 69].

В конце 1959 г. началась разработка государственной стратегии развития электроэнергетики СССР на перспективу 1960–1980 гг., и к ее подготовке подключились совнархозы. Они высылали в Госплан и Минэнерго СССР свои материалы и предложения. Работа над стратегией совпала с реализацией семилетнего плана развития народного хозяйства 1959–1965 гг. Для Дальнего Востока план предусматривал строительство 450 новых промышленных предприятий и крупных цехов, что резко повышало спрос на электроэнергию. По плану увеличение мощности электростанций в 2,3 раза предусматривалось лишь в Приморском крае, где намечалось ввести в строй первую очередь Приморской ГРЭС мощностью 500 МВт. Для других дальневосточных субъектов, наиболее остро испытывавших дефицит электроэнергии, ставились задачи расширения действующих электростанций и строительства нескольких предприятий средней мощности²⁰. Совнархозы посчитали эти меры недостаточными, они посылали в Москву свои предложения по строительству электростанций и линий электропередач в текущей семилетке.

19–21 апреля 1960 г. во Владивостоке состоялось совещание по вопросам развития электроэнергетики Забайкалья и Дальнего Востока, в котором с местными руководителями работала большая правительственная группа из Совмина и Госплана СССР, президиума и СОПС АН СССР. Совещание определило две важнейшие задачи развития электроэнергетики Дальнего Востока: 1) сооружение мощных тепловых электростанций в районах дешевого не-транспортабельного топлива и крупных гидроэлектростанций комплексного значения; 2) строительство распределительных сетей высокой нагрузки. В резолюции в качестве первоочередной задачи правительству вновь предлагалось строительство Зейской ГЭС²¹.

¹⁷ ГАПК. Ф. Р-540. Оп. 2. Д. 1334. Л. 32.

¹⁸ ГААО. Ф. Р-976. Оп. 1. Д. 1. Л. 40; Ф. Р-965. Оп. 1. Д. 15. Л. 9.

¹⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 41. Д. 158. Л. 7.

²⁰ Там же. Д. 157. Л. 150.

²¹ ГАПК. Ф. Р-540. Оп. 2. Д. 203. Л. 9–12.

Проблемы энергетического строительства в регионе обсуждались 7–8 июня 1960 г. на совещании в Хабаровске. Тогда отмечалось, что для ускоренного развития отрасли требовалось в разы усилить материально-техническую базу треста Дальэнергострой, превратить его в крупную строительную организацию с 50 тыс. работников, увеличить годовое освоение средств до 2,5 млрд руб. Для строительства ЛЭП Минэнерго предлагалось создать новую структуру – дальневосточную дирекцию по строительству ЛЭП. Поднимался вопрос об ускорении проектирования новых электростанций, для чего предлагалось открыть два дальневосточных отделения институтов Гидроэнергопроект и Теплоэлектропроект со штатом 1 300 чел.²²

В феврале 1961 – октябре 1962 г. секция энергетики технико-экономического совета Приморского совнархоза провела ряд заседаний, посвященных рассмотрению отдельных проектов и схем, разработанных учеными ДВФ АН СССР совместно с другими организациями. Приморские власти отстаивали комплексный подход к решению энергетических проблем края и настаивали на строительстве ГЭС на реках Усури, Иман и Суйфун, включению этих объектов в план наряду с Приморской ГРЭС²³.

Совнархозы критиковали центр за «волокиту», отклонение предложений, неверные принимаемые итоговые решения. Так, в конце 1961 г. председатель Амурского совнархоза Г. В. Захаров направил в правительство докладную записку, в которой указывал на то, что «бездумно и неправильно решаются проблемы электроэнергетики Дальнего Востока». Вместо усиления финансирования строительства ЛЭП 220 кВ Райчихинск – Хабаровск, в 1961 г. развернулось сооружение ЛЭП в обратном направлении Хабаровск – Райчихинск, что потребовало срочного расширения Хабаровской ТЭЦ и дополнительного завоза в Хабаровск райчихинского угля. Экономический ущерб от этого решения Амурской совнархоз оценил почти в 2 млн руб.²⁴

С конца 1962 г. началось укрупнение совнархозов на Дальнем Востоке: Приморский, Сахалинский и Камчатский объединились в Дальневосточный совнархоз, Амурской вошел в состав Хабаровского. Тогда же начался процесс вывода промышленных предприятий из-под их юрисдикции, лишения их ряда полномочий. Постановлением Совмина РСФСР от 20 ноября 1962 г. предприятия электроэнергетики передавались из Амурского совнархоза в Минэнерго РСФСР. В качестве причины указывалось: «Амурэнерго не имеет базы материально-технического снабжения, испытывает большие затруднения с доставкой оборудования и запасных частей для предприятий»²⁵. В декабре 1962 г. в министерство переводились предприятия Хабаровскэнерго. В то же время в дальневосточных субъектах Минэнерго создавало новые управления. Так, приказом от 25 января 1963 г. образовано Сахалинэнерго, приказом от 15 января 1964 г. – Камчатэнерго²⁶.

Следует отметить, что реорганизация системы управления энергетическим хозяйством имела и положительный, и негативный эффект. Первый заключался в улучшении материально-технического и финансового обеспечения предприятий, второй – в нарушении основного принципа работы совнархозов – приближения управления к производству, что в условиях отдаленности Дальнего Востока от центра являлось особенно важным.

Сама перестройка системы управления экономикой в стране в конце 1950-х – начале 1960-х гг. и изначальная ограниченность реформы 1957 г., являвшейся, по современным оценкам, сугубо административной, не внесли качественного изменения в экономические условия хозяйствования, планирования, управления и, как следствие, снижали темпы развития отдельных отраслей, особенно таких проблемных, как электроэнергетика Дальнего Востока. Территориальная модель хозяйственного управления в варианте совнархозов к началу

²² ГАПК. Ф. Р-540. Оп. 2. Д. 1326. Л. 99–102.

²³ Там же. Д. 1578. Л. 10, 18.

²⁴ ГААО. Ф. Р-965. Оп. 1. Д. 179. Л. 3, 12.

²⁵ Там же. Д. 290. Л. 1, 16.

²⁶ ГАХК. Ф. Р-1218. Оп. 1. Д. 105. Л. 9; РГАЭ. Ф. 7870. Оп. 3. Д. 15. Л. 1; Д. 180. Л. 1.

1960-х гг. превратилась из фактора развития экономики в фактор ее торможения [Хозяйственное освоение Урала..., 2018, с. 264].

Из всего, что предлагали дальневосточные совнархозы, правительство приняло только решение об усилении энергетического строительства. Постановлением Совмина СССР от 15 декабря 1960 г. с 1 января 1961 г. создавался союзный трест Дальэнергострой на базе предыдущего с управлением во Владивостоке. Новый трест обязывался вести строительство и монтаж электростанций и линий электропередач в шести административных районах Дальнего Востока²⁷. Однако распыленность объектов по огромной территории региона создало трудности в организации работ. Трест не обеспечили строительными механизмами и машинами, и за 1961 г. он не выполнил годовой план²⁸. В 1961–1965 гг. трест получил значительное финансирование и материально-техническое обеспечение, в результате парк строительной техники увеличился в 2,2 раза, количество грузовых машин в 2,6 раза, а объем выполненных строительно-монтажных работ вырос в два раза²⁹.

Первоочередным объектом строительства стала Южно-Сахалинская ГРЭС на о. Сахалин. Работы начались в январе 1961 г. на берегу бухты Терпения, где с нуля создавалась строительная база и поселок Восток. Стройматериалы доставляли за 200 км из Южно-Сахалинска, технику и оборудование завозили с материка через порт Ванино. Суровый климат острова тормозил строительство. Из 21,6 млн руб. капиталовложений за 1961–1964 гг. освоили только 6,6 млн руб., или 30 %. На 1 января 1965 г. на объекте трудились 1 130 строителей из разных районов Дальнего Востока и страны. В рекордно короткие сроки к 31 декабря 1965 г. им удалось ввести в строй первый энергоблок Южно-Сахалинской ГРЭС мощностью 50 МВт³⁰.

В силу отдаленности и изолированности северных районов Дальнего Востока Дальэнергострой не смог взять на себя строительство новых предприятий и выполнял лишь монтажные работы. Так, генподрядчиком строительства Петропавловской ТЭЦ стал трест Камчатрыбстрой, Магаданской ТЭЦ – трест Магаданстрой, Амурской ТЭЦ – трест Амурскстрой. Строительство электросетей в северных районах сильно отставало от плановых заданий. В Магаданской области задерживался ввод 230 км ЛЭП (110 кВ) Магаданская ТЭЦ – Усть-Омчуг, что препятствовало образованию Магаданской энергосистемы³¹.

Дальэнергострой успешно провел реконструкцию крупных действующих электростанций региона. В 1963–1965 гг. расширил производственную базу Артемовской ГРЭС в Приморском крае, мощность станции в 20 раз превысила проектную, она стала самой крупной на Дальнем Востоке. В 1962–1965 гг. реконструирована Райчихинская ТЭЦ до ГРЭС в Амурской области. Однако работы на этом объекте затянулись из-за его недофинансирования³².

Значительные ресурсы направили на строительство линий электропередачи в Хабаровском крае. Для соединения Хабаровской и Амурской энергосистем в 1960 г. развернулось строительство 479 км ЛЭП (220 кВ) Райчихинская ГРЭС – Хабаровск. Первый участок Хабаровск – Биробиджан (178 км) строили пять лет и сдали его в 1965 г. В ходе строительства был сооружен уникальный переход через Амур длиной 3,2 км на трех стальных 150 м опорах. Кроме этого построили 577 км ЛЭП (110 кВ), за этот период общая протяженность электросетей в крае выросла в три раза³³.

За 1961–1965 гг. Дальэнергострой выполнил работы на сумму 180,7 млн руб., из них в Хабаровском крае – на 49,6 млн, в Сахалинской области – на 38,1 млн, Приморском крае – на 31,1 млн, Магаданской области – на 27,7 млн, Амурской – на 24,5 млн, Камчатской – на 9,7 млн руб. В 1961–1965 гг. в развитие электроэнергетики Дальнего Востока государство

²⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 41. Д. 157. Л. 150.

²⁸ РГАЭ. Ф. 7855. Оп. 3. Д. 188. Л. 1–3.

²⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 41. Д. 157. Л. 103; РГАЭ. Ф. 7855. Оп. 3. Д. 486. Л. 2, 44, 74, 101.

³⁰ РГАЭ. Ф. 7855. Оп. 3. Д. 486. Л. 100; ГАПК. Ф. Р-540. Оп. 2. Д. 1344. Л. 3.

³¹ РГАЭ. Ф. 7855. Оп. 3. Д. 258. Л. 1; ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 8. Д. 3800. Л. 5.

³² РГАЭ. Ф. 7870. Оп. 3. Д. 265. Л. 77–78.

³³ ГАХК. Ф. Р-1218. Оп. 1. Д. 144. Л. 114, 121, 131.

вложило 267 млн руб., или 5 % от отрасли по РСФСР³⁴. Это было в четыре раза меньше, чем за этот период направили в развитие энергетики Восточной Сибири, в два раза меньше, чем вложили в гидроэнергетику Иркутской области [Алексеев, 1976, с. 69].

Итак, за годы семилетки на Дальнем Востоке вошли в строй пять новых электростанций, в эксплуатацию ввели 740,9 МВт мощностей, из них 237 МВт в Магаданской, Камчатской и Сахалинской областях, где ранее энергостроительство не велось (табл. 1).

Производство электроэнергии на Дальнем Востоке к 1965 г. достигло 9,3 млрд кВт·ч, по сравнению с 1950 г. оно увеличилось в 4,6 раза. По этим показателям регион заметно уступал другим восточным районам страны, особенно Восточной Сибири, где выработка за это время выросла в 18 раз. Удельный вес Дальнего Востока в общем объеме производства электроэнергии в стране снизился с 2,1 до 1,8 % (табл. 2).

Таблица 1

Ввод энергетических мощностей трестом Дальэнергострой.
1950–1965 гг. *

Table 1

Commissioning of energy capacities by the Dalenergostroy trust.
1950–1965 (in MW)

Район	Энергетические мощности, МВт		
	1950–1958 гг.	1959–1965 гг.	Всего
Приморский край	200	300	500
Хабаровский край	195	197,5	392,5
Амурская область	6	74	80
Магаданская область		74	74
Сахалинская область		83	83
Камчатская область		12	12
Дальний Восток	401	740,9	1 141,9

* Таблица составлена по: РГАЭ. Ф. 7855. Оп. 2. Д. 338. Л. 120; Д. 440. Л. 10; Оп. 3. Д. 486. Л. 34; Ф. 348. Оп. 1. Д. 34. Л. 1.

Таблица 2

Динамика производства электроэнергии на Дальнем Востоке.
1950–1965 гг. *

Table 2

Dynamics of electricity production in the Far East.
1950–1965 (in billion kWh)

Район	Произведенная электроэнергия, млрд кВт·ч			
	1950 г.	1955 г.	1960 г.	1965 г.
СССР	91,2	170,2	292,2	506,6
Западная Сибирь	5,8	11,7	22,5	34,8
Восточная Сибирь	2,4	5,4	16,4	43,8
Дальний Восток	2,0	3,2	5,3	9,3
Доля в производстве электроэнергии в СССР, %	2,1	1,8	1,8	1,8

* Таблица составлена по: [Алексеев, 1976, с. 119; Шелест, 1969, с. 6]; РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 723. Л. 1 об.

³⁴ ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 5. Д. 10052. Л. 38; Оп. 8. Д. 5456. Л. 27.

В слабозаселенной дальневосточной части страны в 1964 г. на душу населения вырабатывалось 1 530,6 кВт·ч электроэнергии, против 2 002,2 кВт·ч в среднем по СССР. Дефицит энерго мощностей в ряде районов достигал катастрофических масштабов. Так, на 1965 г. в Магаданской области он составлял 84 МВт, Сахалинской – 62 МВт, Хабаровском крае – 50 МВт³⁵. Слабый уровень развития электроэнергетики тормозил реализацию важнейших государственных задач по электрификации Транссиба, технологической модернизации промышленности, освоению новых природных ресурсов, улучшению качества жизни дальневосточников и т. д.

На снижение темпов развития дальневосточной электроэнергетики оказали влияние несколько факторов. Во-первых, общее падение значения Дальнего Востока в экономике страны по сравнению с довоенным периодом привело к тому, что удельный вес дальневосточной промышленной продукции в общесоюзной снизился с 2,73 % в 1940 г. до 2,26 % в 1964 г.³⁶ Это падение было обусловлено недостатком финансового обеспечения экономики Дальнего Востока в целом, промышленности и электроэнергетики в частности, системой ведения хозяйства и централизованной политикой нерационального распределения ресурсов.

Во-вторых, сложившаяся неэффективная структура электроэнергетики Дальнего Востока уже не могла развиваться на уровне общесоюзных показателей. К концу 1965 г. в регионе действовали почти 7 300 мелких и неэкономичных ведомственных энергоустановок, технический уровень энергетического хозяйства оставался самым отсталым в стране, а себестоимость производства электроэнергии в 3–6 раз превышала средние данные по СССР [Шелест, 1969, с. 6].

В-третьих, на Дальнем Востоке в отличие от Сибири или Казахстана для производства электроэнергии вообще не использовались другие источники энергии, кроме угля и нефтепродуктов, что влияло на качество и уровень развития электроэнергетики. По этому поводу заведующий сектором размещения электроэнергетики СОПС Госплана СССР В. А. Шелест в 1964 г. отмечал: «Плановые задания пятилеток, решения съездов КПСС по развитию производительных сил Дальневосточного экономического района не выполняются, потому что не опираются на осевую конструктивную идею, подобной задаче создания, как в Казахстане и Восточной Сибири, энергоемких производств и мощных центров производства электроэнергии»³⁷. Дальний Восток отличался значительным богатством энергетических ресурсов. По данным АН СССР, на 1965 г. в регионе размещалось 36 % потенциальных и 6 % разведанных энергетических ресурсов страны, в том числе 33,9 % запасов гидроэнергетических ресурсов (табл. 3). Эти ресурсы могли сыграть важнейшую роль в формировании экономического потенциала СССР.

В-четвертых, отрицательную роль играл удорожающий фактор. Энергетическое строительство на Дальнем Востоке в силу слабого развития базы стройиндустрии, более сложных климатических условий, удаленности от основных центров, поставляющих оборудование, повышенной заработной платы энергостроителей обходилось в 1,4 раза дороже в южных и в 2–3 раза в северных районах, чем в европейской части СССР. На возведение капитальной электростанции в дальневосточных условиях уходило в 2–4 раза больше времени³⁸. В исторических реалиях 1950 – середины 1960-х гг. правительство остановилось на экстенсивном варианте развития отрасли, хотя немалые ресурсы были потрачены на создание энергетической инфраструктуры в соседней северо-восточной части КНР.

К середине 1960-х гг. в связи с резким ухудшением советско-китайских отношений государственная парадигма изменилась в сторону укрепления промышленного комплекса и роста военного потенциала советских дальневосточных территорий. В этом направлении ЦК КПСС и Совмин СССР важную роль стали отводить ускоренному подъему отсталого топливно-

³⁵ РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 718. Л. 15.

³⁶ Там же. Д. 717. Л. 15.

³⁷ Там же. Л. 18.

³⁸ Там же. Л. 16.

энергетического комплекса Дальнего Востока [Платонова, 2011, с. 80]. В разработанной СОПС Госплана СССР в декабре 1964 г. «Схеме развития и размещения производительных сил Дальнего Востока на 1966–1970 гг.» предлагалось сделать упор на крупном энергетическом строительстве на базе использования запасов местных дешевых углей и освоении гидроэнергетических ресурсов. На это ранее указывали дальневосточные совнархозы. В новое строительство намечалось вложить 680 млн руб., в первую очередь в Зейскую ГЭС и Приморскую ГРЭС. Планировалось построить 2 450 км высоковольтных ЛЭП и к 1970 г. связать в единую энергосистему южные районы – Амурскую область, Хабаровский и Приморский края³⁹.

Таблица 3

Размещение энергоресурсов на территории СССР, по данным на 1965 г. *

Table 3

Placement of energy resources on the territory of the USSR as of 1965

Район	Все виды ресурсов		Доля в общесоюзных, %			
	млрд т	%	уголь	нефть	газ	гидро-энергия
СССР	437,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Европейская часть и Урал	122,0	28,0	19,0	75,0	50,5	13,4
Западная Сибирь и восточные районы	315,0	72,0	80,5	25,0	49,5	86,6
В том числе						
Восточная Сибирь	62,3	14,3	16,5	0,08	–	30,0
Дальний Восток	22,7	5,2	4,7	1,25	1,85	32,0

* Таблица составлена по: [Шелест, 1969, с. 6]; РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 723. Л. 8.

Таким образом, реализация государственной политики по развитию электроэнергетики на Дальнем Востоке в 1950-е – середине 1960-х гг. осуществлялась в условиях ограниченных ресурсов и несогласованности между центром и регионом в решении проблем отрасли. Под влиянием фактора «холодной войны» значительные ресурсы направлялись на создание союзника в Азии в лице КНР, а также на выполнение приоритетной задачи крупного энергостроительства в Сибири. Государственная политика по отношению к отрасли на Дальнем Востоке базировалась на идее быстрого и более дешевого строительства тепловых электростанций. Ее следствием являлось техническое отставание электроэнергетики и темпов электрификации, возрастание дефицита электроэнергии и в целом замедление социально-экономического развития региона. Исторический опыт передачи дальневосточным совнархозам функций по управлению энергетическим хозяйством имел позитивную сторону. Но изначальная ограниченность управленческой реформы, слабое взаимодействие между ветвями власти, нежелание центра согласовывать решения с регионом, перманентная перестройка системы управления производством не принесли ожидаемых результатов. Под влиянием новых геополитических условий во второй половине 1960 – 1980-х гг. в регионе развернулось крупное энергостроительство, оно постепенно вывело на новый уровень электроэнергетику, однако основные проблемы энергообеспечения региона за эти 25 лет СССР решить так и не удалось, в частности не удалось преодолеть дефицит производства электроэнергии. На это уже не хватило ни времени, ни ресурсов.

³⁹ РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 723. Л. 17–23.

Список литературы

- Алексеев В. В.** Электрификация Сибири. Историческое исследование. Новосибирск: Наука, 1976. Ч. 2: 1951–1970 гг. 272 с.
- Андросов П. И.** Деятельность партийных организаций Дальнего Востока по осуществлению электрификации Приамурья (1956–1970 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1971. 287 с.
- Виленский М. А.** Проблемы развития электроэнергетики Дальнего Востока. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 157 с.
- Калашников В. Д., Демина О. В.** Особенности формирования и развития энергетической системы Дальнего Востока // Регионалистика. 2014. Т. 1, № 4. С. 36–49.
- Коваленко С. Г.** 20 лет советских реформ: была ли модернизация на Дальнем Востоке? Владивосток: Дальнаука, 2010. 228 с.
- Маклюков А. В.** Электрификация российского Дальнего Востока (конец XIX – середина XX в.). Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2018. 282 с.
- Маклюков А. В.** Амурская комплексная экспедиция 1955–1960 гг.: трансграничный аспект и проблема достоверности результатов научных исследований // Тр. ИИАЭ ДВО РАН. 2020. Т. 27. С. 150–161.
- Мир после войны: дальневосточное общество в 1945–1950-е гг. Владивосток: Дальнаука, 2009. 696 с.
- Некрасова И. В.** Развитие электрификации СССР. 40–60-е гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1975. 530 с.
- Нерадовская И. П.** История развития производительных сил Дальнего Востока в период зрелого социалистического общества в СССР (1961–1970 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1985. 230 с.
- Никифоров В. С.** Развитие топливно-энергетического комплекса Восточной Сибири в 1950–1980-х гг. (на материалах Красноярского края, Бурятской АССР и Иркутской области): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Братск, 2011. 27 с.
- Платонова Н. М.** Государственная стратегия развития топливно-энергетической базы Дальнего Востока РСФСР. 1965–1985 гг. // Власть и управление на Дальнем Востоке. 2011. № 2. С. 80–89.
- Тимошенко А. И.** Энергетическое строительство в Сибири и модернизация экономики // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2014. С. 242–250.
- Хозяйственное освоение Урала и Западной Сибири в XX веке: планирование и управление. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2018. 368 с.
- Шевченко Д. К.** Вопросы совершенствования организации управления энергетическим строительством на Дальнем Востоке: Дис. ... канд. экон. наук. Владивосток, 1972. 177 с.
- Шелест В. А.** Условия и направления развития и размещения электроэнергетики в южных районах Дальнего Востока. М., 1961. 26 с.
- Шелест В. А.** Электроэнергетические проблемы развития производительных сил Дальнего Востока // Развитие и размещение производительных сил Дальнего Востока: Материалы науч. конф. (сентябрь 1969 г.). Секция топливно-энергетической и химической промышленности. М., 1969. С. 5–21.
- Ярославцева Т. А.** Государственная политика по развитию жилищно-коммунального хозяйства на Дальнем Востоке России (1917–1993 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2014. 496 с.

References

- Alekseev V. V.** Elektrifikatsiya Sibiri. Istoricheskoe issledovanie [Electrification of Siberia. Historical Research]. Novosibirsk, Nauka, 1976, pt. 2: 1951–1970, 272 p. (in Russ.)
- Androsov P. I.** Deyatel'nost' partiinykh organizatsii Dal'nego Vostoka po osushchestvleniyu elektrifikatsii Priamur'ya (1956–1970 gg.) [Activities of the Party Organizations of the Far East to

- Implement the Electrification of the Amur Region (1956–1970)]. Cand. Hist. Sci. Diss. Moscow, 1971, 287 p. (in Russ.)
- Kalashnikov V. D., Demina O. V.** Osobennosti formirovaniya i razvitiya energeticheskoi sistemy Dal'nego Vostoka [Features of the Formation and Development of the Energy System of the Far East]. *Regionalistika [Regional Studies]*, 2014, vol. 1, no. 4, pp. 36–49. (in Russ.)
- Kovalenko S. G.** 20 let sovetskikh reform: byla li modernizatsiya na Dal'nem Vostoke? [20 Years of Soviet Reforms: Was There Modernization in the Far East?]. Vladivostok, Dal'nauka, 2010, 228 p. (in Russ.)
- Khozyaistvennoe osvoenie Urala i Zapadnoi Sibiri v XX veke: planirovanie i upravlenie [Economic Development of the Urals and Western Siberia in the 20th Century: Planning and Management]. Ekaterinburg, UB RAS Publ., 2018, 368 p. (in Russ.)
- Maklyukov A. V.** Elektrifikatsiya rossiiskogo Dal'nego Vostoka (konets XIX – seredina XX v.) [Electrification of the Russian Far East (Late 19th – mid 20th Century)]. Vladivostok, FEPU Press, 2018, 280 p. (in Russ.)
- Maklyukov A. V.** Amurskaya kompleksnaya ekspeditsiya 1955–1960 gg.: transgranichnyi aspekt i problema dostovernosti rezul'tatov nauchnykh issledovaniy [Amur Complex Expedition 1955–1960: Transboundary Aspect and the Problem of Reliability of Scientific Research Results]. In: Trudy IIAE DVO RAN [Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS], 2020, vol. 27, pp. 150–161. (in Russ.)
- Mir posle voyny: dal'nevostochnoe obshchestvo v 1945–1950-e gg. [The World after the War: Far Eastern Society in the 1945–1950s.]. Vladivostok, Dal'nauka, 2009, 696 p. (in Russ.)
- Nekrasova I. V.** Razvitie elektrifikatsii SSSR. 40-e – 60-e gg. [The Development of the Electrification of the USSR. 1940s – 1960s]. Dr. Hist. Sci. Diss. Moscow, 1975, 530 p. (in Russ.)
- Neradovskaya I. P.** Istoriya razvitiya proizvoditel'nykh sil Dal'nego Vostoka v period zrelogo sotsialisticheskogo obshchestva v SSSR (1961–1970 gg.) [The History of the Development of the Productive Forces of the Far East during the Period of Mature Socialist Society in the USSR (1961–1970)]. Cand. Hist. Sci. Diss. Vladivostok, 1985, 230 p. (in Russ.)
- Nikiforov V. S.** Razvitie toplivno-energeticheskogo kompleksa Vostochnoi Sibiri v 1950–1980-kh gg. (na materialakh Krasnoyarskogo kraia, Buryatskoi ASSR i Irkutskoi oblasti) [Development of the Fuel and Energy Complex of Eastern Siberia in the 1950s – 1980s (Based on Materials of the Krasnoyarsk Territory, the Buryat Autonomous Soviet Socialist Republic and the Irkutsk Region)]. Thesis of Cand. Hist. Sci. Dis. Bratsk, 2011, 27 p. (in Russ.)
- Platonova N. M.** Gosudarstvennaya strategiya razvitiya toplivno-energeticheskoi bazy Dal'nego Vostoka RSFSR. 1965–1985 gg. [The National Strategy of the Development of the Fuel and Energy Base of the Far East of the RSFSR. 1965–1985]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii [Power and Administration in the East of Russia]*, 2011, no. 2, pp. 80–89. (in Russ.)
- Shelest V. A.** Usloviya i napravleniya razvitiya i razmeshcheniya elektroenergetiki v yuzhnykh raionakh Dal'nego Vostoka [Conditions and Directions of the Development and Location of the Electric Power Industry in the Southern Regions of the Far East]. Moscow, 1961, 26 p. (in Russ.)
- Shelest V. A.** Elektroenergeticheskie problemy razvitiya proizvoditel'nykh sil Dal'nego Vostoka [Impact of Electric Power Problems on the Development of the Productive Forces of the Far East]. In: Razvitie i razmeshchenie proizvoditel'nykh sil Dal'nego Vostoka [Development and Deployment of the Productive Forces of the Far East]. Proceedings of the Scientific Conference (September 1969). Fuel, Energy and Chemical Industry Section. Moscow, 1969, pp. 5–21. (in Russ.)
- Shevchenko D. K.** Voprosy sovershenstvovaniya organizatsii upravleniya energeticheskimi stroitel'stvom na Dal'nem Vostoke [Issues of Improving Management of Construction of Electrical Power Infrastructure in the Far East]. Cand. Econ. Sci. Diss. Vladivostok, 1972, 177 p. (in Russ.)

- Timoshenko A. I.** Energeticheskoe stroitel'stvo v Sibiri i modernizatsiya ekonomiki [Construction of Electrical Power Infrastructure in Siberia and Modernization of the Economy]. *Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik* [Irkutsk Historical and Economic Yearbook], 2014, pp. 242–250. (in Russ.)
- Vilensky M. A.** Problemy razvitiya elektroenergetiki Dal'nego Vostoka [Development Problems of the Power Industry in the Far East]. Moscow, AS USSR Publ., 1954, 157 p. (in Russ.)
- Yaroslavtseva T. A.** Gosudarstvennaya politika po razvitiyu zhilishchno-kommunal'nogo khozyaistva na Dal'nem Vostoke Rossii (1917–1993 gg.) [Public Policy for the Development of Housing and Communal Services in the Far East of Russia (1917–1993)]. Dr. Hist. Sci. Diss. Moscow, 2014, 496 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Алексей Владимирович Маклюков, кандидат исторических наук
WoS AAB-4172-2020

Information about the Author

Aleksey V. Maklyukov, Candidate of Sciences (History)
WoS AAB-4172-2020

*Статья поступила в редакцию 21.01.2021;
одобрена после рецензирования 22.02.2021; принята к публикации 15.03.2021
The article was submitted 21.01.2021;
approved after reviewing 22.02.2021; accepted for publication 15.03.2021*

Научная статья

УДК 001.89(571)

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-8-87-99

Исторический контент социокультурных практик в Сибирском регионе в первые десятилетия XXI века

Ольга Николаевна Шелегина¹

Галина Михайловна Запорожченко²

^{1,2} Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук

Новосибирск, Россия

¹ oshelegina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3715-4380>

² galinakoop@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1237-0792>

Аннотация

На основе репрезентативной историографической и эмпирической базы с применением социокультурного подхода и основных положений мнемософии – науки о публичной памяти, в статье рассматриваются актуальные вопросы изучения исторического контента социокультурных практик. Представлен опыт реализации социокультурных практик (исследовательских, коммуникационных, коммеморативных) в Сибирском регионе в первые десятилетия XXI в., определяется значимость их исторического контента. Особое внимание уделено анализу разноуровневых коммеморативных практик в период празднования 75-летия Победы в Великой Отечественной войне. Впервые вводится в научный оборот авторское определение «социокультурные практики», вариант их структурирования. Полученные результаты имеют значение для междисциплинарных теоретических разработок по социокультурной проблематике, создания модели коммеморации в России, внедрения в научно-образовательную сферу, деятельность региональных учреждений культуры в условиях больших вызовов современности.

Ключевые слова

сибирский регион, социокультурные практики, исторический контент, публичная память, освоение наследия, популяризация исторического знания, коммеморация, музеи локальной истории, социокультурное пространство

Для цитирования

Шелегина О. Н., Запорожченко Г. М. Исторический контент социокультурных практик в Сибирском регионе в первые десятилетия XXI века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 8: История. С. 87–99. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-8-87-99

Historical Content of Socio-Cultural Practices at the Siberian Region in the 1st Decades of the 21st Century

Olga N. Shelegina¹

Galina M. Zaporozhchenko²

^{1,2} Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Novosibirsk, Russian Federation

¹ oshelegina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3715-4380>

² galinakoop@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1237-0792>

Abstract

The article reviews the options for using the definition of “socio-cultural practices” in the Russian scientific literature. For the first time, it is intended to identify relevant historical content for research, communication, and commemora-

© Шелегина О. Н., Запорожченко Г. М., 2021

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 1: История. С. 87–99

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2021, vol. 20, no. 1: History, pp. 87–99

tive practices currently implemented in the Siberian region. For a representative analysis of the historiography and empirical source, there is a socio-cultural approach and mnemosine – the science of public memory. The article presents the outcomes of study and public broadcasting of socio-cultural practices related to the incorporation of new territories of North Asia into the Russian state in the late 18th – 19th century, the growth of civil society in the early 20th century, the development of scientific, historical and cultural heritage in the 2nd half of the 20th – early 21st century. It highlights modern communication practices, which are based on information technologies (electronic archives), designed for the development of scientific heritage, historical information available to the general population. Special attention is drawn to the analysis of multi-level commemorative practices, the historical content of which is associated with the Great Patriotic War (World War II) and presented through Internet resources and publications, in particular, the magazine “Historical Courier”. From a civil-patriotic point of view the article shows the contribution of Siberian scientists toward the victory and post-war development of the country. It also considers the communicative and educational and leisure practices of local history museums (the Museum “Zaeltsovka”, the Museum of Science and Technology of the SB RAS) related to military-historical topics. The authors come to the conclusion that to response to the great challenges of our time, it is necessary to develop a system of socio-cultural practices based on the historical content and shape an active civil position of the population of Russia, and, in particular, the inhabitants of the Siberian region. Further study of the entire range of socio-cultural practices is relevant and promising for developing a model of commemoration, structuring and adaptation of historical past for effective use in working with the population and educating young people.

Keywords

Siberian region, socio-cultural practices, historical content, public memory, development of heritage, popularization of historical knowledge, commemoration, museums of local history, educational space

For citation

Shelegina O. N., Zaporozhchenko G. M. Historical Content of Socio-Cultural Practices at the Siberian Region in the 1st Decades of the 21st Century. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 8: History, pp. 87–99. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-8-87-99

В условиях трансформационного развития общества при формировании ответов на большие вызовы современности с использованием социогуманитарных наук возникает необходимость поиска новых решений, методологически и эвристически интегрирующих традиционные исторические знания в эффективные механизмы их трансляции населению. Активное внедрение дистанционных форм образования, расширение круга субъектов исторического познания, общественно значимый переход от использования наследия к его освоению стимулируют создание репрезентативного исторического контента как информации и опыта, адресованного широкой и специализированной аудитории, а также передачи его посредством публикаций, научных коммуникаций.

Существующий и достаточно значительный разрыв между теорией и практикой (пространством новых исторических знаний, развитием социокультурного подхода в исследованиях, активной практической социально-культурной деятельностью) без должной научно-методической основы не обеспечивает необходимого в современных условиях эффекта гармонизации общества. Представляется, что обращение к комплексному изучению такого явления, как социокультурные практики, будет способствовать совершенствованию общественной жизни, национального и регионального исторического сознания.

На данном этапе постановки проблемы авторы считают целесообразным решение ряда исследовательских задач. В их число входит: выявление и характеристика сибирского регионального историографического ресурса, связанного с изучением социокультурных процессов и практик; выделение методологических подходов, релевантных исследованию социокультурных практик; разработка авторского определения понятия «социокультурные практики» для историко-культурного дискурса; анализ совокупности актуальных социокультурных практик, реализованных в Сибирском регионе в первые десятилетия XXI в.; создание с учетом исторического контента структуры социокультурных практик для ее использования в научно-образовательной, музейной областях, сфере наследия.

Для российской историографии конца XX – начала XXI в. характерно активное обращение к исследованию социокультурных процессов, социокультурного облика отдельных групп населения. Применительно к Сибирскому региону были изучены: социокультурный облик западносибирской деревни в 1921–1927 гг. [Воложанина, 1998], сибирского купечества в XIX в.

[Сутягина, 2010], чиновничества [Фролова, 2006], учительства [Блинова, 2010] в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. При этом понятие социокультурного облика в ряде работ не определялось. Он рассматривался через общественную, досуговую, благотворительную, образовательную деятельность, обусловленную социальными и культурными факторами. При анализе православного духовенства к социокультурному облику были отнесены социальный состав, материальное и правовое положение, уровень образования, поведенческие стратегии и представления данной социальной группы [Васильева, 2015, с. 28]. Хотя понятие «социокультурные практики» в указанных работах не использовалось, но представленный историографический опыт следует принимать во внимание при определении исторического контента современных социокультурных практик, разработке их концепта.

Следует особо отметить фундаментальное, глубоко исторически фундированное исследование Е. И. Красильниковой [2015], посвященное памятным местам и коммеморативным (праздничным и похоронно-поминальным) практикам в западносибирских городах в конце 1919 – середине 1941 г., относящимся в современной научной литературе к важному, общественно значимому направлению социокультурных практик.

По мнению Е. В. Комлевой [2020], понятия «социокультурный облик» и «социокультурная практика» соотносимы и носят универсальный характер при изучении региональных процессов и групп населения в исторической динамике. С учетом широкого толкования социокультурная практика / социокультурные практики включают самые разные сферы жизни и деятельности людей. Такой подход позволил историку сделать заключение о социокультурных практиках сибирского купечества в конце XVIII – XIX в. как комплексной системе действий, осознанных или неосознанных, приводивших к инкорпорации Сибирского региона в Российскую империю и отражавших ментальные установки и ценностные ориентиры, приущие купечеству как социальному слою.

Исторический контент социокультурных практик, связанный с деятельностью городской потребительской кооперации Сибири в начале XX в., дал Г. М. Запорожченко основание для признания их своеобразным адаптивным механизмом – ресурсом, позволяющим населению адаптироваться к капиталистической системе и разворачиванию модернизационных процессов. Потребительская кооперация развивала хозяйственные, политические и социокультурные практики как актор гражданского самоуправления. Политические и социокультурные практики легальных кооперативных организаций с их признанными в мире роудельскими правилами, принципом общественного контроля над делами дали работавшим в них социалистам политическую культуру независимых, коллективных, демократических действий, которая могла вылиться в альтернативный, эволюционный по отношению к Октябрьской революции путь [Запорожченко, 2020а, с. 70–71].

Социокультурные практики в сфере научного наследия как синтеза когнитивной и социальной компонент бытия ученого и неотъемлемой части мирового культурного наследия изучаются И. А. Крайневой [2018]. Автором предложен и активно используется метод электронной исторической фактографии. Он создает возможность оперативного доступа к значительному массиву архивного, библиотечного, музейного контентов наследия.

Музей – тысячелетний феномен мировой истории и культуры – является одним из базовых институтов наследия, реализующих широкий спектр социокультурных практик [Долак, 2013; Менш, 2018; Мересс, 2019]. Обобщение их опыта и результатов в контексте глобальных и национальных проблем, связанных с историей и культурой, музеями и наследием, развитием социокультурного пространства, является одним из актуальных и перспективных научно-методических направлений деятельности Комитета музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона [Museology and Culture..., 2018]. Исторический контент социокультурных практик был в центре внимания Международной научной конференции «Музей, музеология и культурное наследие» (г. Нур-Султан, Казахстан, 2019 г.). Специалисты из разных стран (включая известных сибирских историков и музееведов) обсуждали практику музеефикации материального и нематериального наследия в эпоху постмодернизма и глобализма.

К. Виерегг Хильдегард (Германия) проанализировала историко-культурные и философские аспекты резонансного мегапроекта ЮНЕСКО «Великий Шелковый путь», способствующие развитию цивилизационного обмена, взаимообогащению этнических культур [Vieregg, 2019]. Чен Куо-нин, директор Музея мировых религий (Тайвань, Тайпей) в духе тенденции переориентации музейной деятельности с «музейного предмета» на «музейного человека» показала экспозиционные возможности комплексной исторической интерпретации культурных артефактов [Kuo Ning Chen, 2019]. Ма Мин (Китайская Народная Республика) обосновала значимость музейной культуры как влиятельной платформы для сохранения индустрии декоративно-прикладного искусства и нематериального культурного наследия с многовековой историей [Ma Min, 2019].

На основе анализа отечественной и зарубежной литературы, эмпирических данных О. Н. Шелегиной [2019] дано представление о совокупности социокультурных (организационных, исследовательских, инклюзивных, коммуникативных, креативных) практик, реализуемых в музейном мире Сибири в первые десятилетия XXI в.

Обзор сибирского регионального историографического ресурса, зарубежных публикаций, связанных с изучением социокультурных практик, свидетельствует о том, что эта проблематика находится в актуальном исследовательском пространстве и требует дальнейшего развития и совершенствования подходов.

При активизировавшемся в последнее время использовании термина «социокультурные практики» в научной и научно-методической литературе не существует общепризнанного определения этого понятия, не разработан соответствующий концепт, включающий содержательные, прежде всего исторические, аспекты.

Термин «социокультурные практики» в культурологической и педагогической литературе употребляется в контексте социокультурного пространства и социально-культурной деятельности, релевантной процессам создания, распространения и использования культурных ценностей. Используются варианты, определяющие их как систему «целенаправленных действий личности по освоению и воспроизводству культурозначимого, культуросозидающего социального опыта» [Каминская и др., 2018, с. 281]. Встречаются работы, в которых социальные и культурные практики рассматриваются отдельно, либо используется формулировка «социально-культурные практики», при определении которых доминантой становится воспитание человека [Социальные и культурные практики..., 2017].

Такая ситуация обусловлена недостаточно определенным пониманием термина «социокультурный» и неясным дисциплинарным позиционированием социокультурного подхода в целом. Его относят к социологии, социологии культуры, культурологии, социальной философии, а также к интегративному междисциплинарному уровню в социогуманитаристике. Вместе с тем широкое распространение и даже нерелексивное использование термина «социокультурный» имеет определенный познавательный эффект. При совместном использовании понятий «общество» и «культура», «социальный» и «культурный» можно говорить об интуитивном применении социокультурного подхода [Социокультурный мониторинг..., 2018, с. 24] и экстраполировать это на изучение исторического контента социокультурных практик.

В нашей работе мы солидаризируемся с авторами коллективной монографии «Социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества: методология, методика, практика» (под редакцией Ю. В. Попкова) и считаем целесообразным определять «социокультурное как социальное в его культурном разнообразии» [Там же, с. 22]. Определяющей методологической основой нашего исследования является социокультурный подход, обеспечивающий «целостный, системный взгляд на всемирно-исторический процесс, учитывающий вариативность общественного развития и уникальность отдельных культур, эффекты взаимодействия которых, распространяющиеся по сети взаимосвязей, имеют глобальные последствия», и получение научных результатов, адекватных культурной сложности современ-

ного общества и отдельных локальных сообществ [Социокультурный мониторинг..., 2018, с. 24–25].

В рамках социокультурного подхода авторы использовали традиционные методы анализа и синтеза с учетом культурно-антропологического поворота в гуманитарном знании во второй половине XX в., который привел к доминированию социокультурных интерпретаций всех сторон жизни общества. Социокультурные практики стали той «мембраной, которая соединяет / отделяет культуру и повседневность», обеспечивая обмен смыслами между культурой и реалиями жизни [Конев, 2014, с. 10]. Исторический контент социокультурных практик важен для формирования и функционирования исторической памяти и культуры, воспроизведения исторического общества как целостной динамической системы. Тренд «мнемософии» – науки о публичной памяти и ее формах, развивает известный хорватский ученый Томислав С. Шола. Наследие и публичная память, по его мнению, должны служить обществу, помогать решать современные проблемы и строить достойное будущее [Шола, 2017, с. 43–44, 77]. Подход Т. С. Шолы, который мы разделяем, следует использовать с учетом представлений о корреляции культуры, образования, наследия, идентичности.

Социокультурные практики актуализируют деятельностную парадигму понимания культуры, что обуславливает необходимость включения в сферу их организации и реализации одновременно нескольких областей культуры [Антропологический, деятельностный и культурологический подходы, 2005, с. 31]. При этом следует иметь в виду, что «интеллектуальная культура... имеет коммуникативную природу», и важной задачей становится «анализ видов, типов и способов интеллектуальной коммуникации, конкретных механизмов распространения идей» [Репина, 2014, с. 11–12]. Стремительное и полифункциональное развитие информационного пространства ставит историков перед необходимостью создания новых форматов коммуникативных практик, позволяющих соединить диалогический, деятельностный и семиотический подходы как теоретический конструкт изучения общества [Зотов, Лысенко, 2010, с. 53].

С учетом расширения сферы междисциплинарных исследований и развития мирового научного мейнстрима «освоение наследия» в качестве дискуссионного мы предлагаем следующее авторское определение. Социокультурные практики – это интегрированные деятельностные формы культуры, направленные на актуализацию социального в его культурном многообразии, освоение историко-культурного наследия, трансляцию идентичности, способствующие коммуникации и адаптации населения к трансформационным процессам современности.

С целью его апробации на основе репрезентативной эмпирической базы и участия авторов в исследовательской и социально-культурной деятельности дадим анализ совокупности актуальных социокультурных практик, реализованных в Сибирском регионе в первые десятилетия XXI в., с акцентом на их исторический контент.

Для решения сложных теоретических и научно-практических задач по формированию исторического ресурса, интерпретации и трансляции результатов изучения проблем истории России и ее макрорегионов активно используются возможности цифровизации гуманитарных знаний, интернет-каналы внешненаучной коммуникации. Как известно, еще в 1990-е гг. на основе достижений количественной социально-экономической истории и компьютеризированного анализа исторических текстов в исторической науке в качестве самостоятельного направления выделилась историческая информатика. Она связана с созданием электронных ресурсов общего доступа (электронных библиотек, атласов), тематических интернет-ресурсов по различным сюжетам истории России и других стран [Бородкин, 2005, с. 8].

Как показал опыт, важную роль в исследовательских социокультурных практиках играют долгосрочные междисциплинарные проекты, базирующиеся на идеологии синтеза гуманитарных наук и информационных технологий. Среди них «Открытый архив СО РАН как сис-

тема представления, накопления и систематизации научного наследия»¹. Динамика развития этого интернет-ориентированного проекта (в 2012 г. – 11 фондов, 33 тыс. сканов документов, в 2019 г. – 20 фондов, 80 тыс. сканов, в 2021 г. – 25 фондов, 93 216 сканов) свидетельствует о его востребованности, расширении внешних научных связей и неформальных коммуникаций социокультурной направленности. На основе материалов архива выполнен ряд монографических исследований, презентаций для международных мероприятий, изучались социокультурные практики в проекте «Современные тенденции в актуализации исторического опыта формирования идентичностей в Сибирском регионе» [Шелегина и др., 2016].

Формируется и развивается вектор современных подходов к изучению и популяризации отечественной истории в Центре цифровой гуманитаристики Пермского государственного университета (разработка обобщенных моделей алгоритмов и методик создания и использования историко-ориентированных систем), в Оренбургском государственном педагогическом университете (научно-образовательный сайт «Источник»), Алтайском государственном университете (первая в России научная школа по исторической геоинформатике). Масштабной (более 900 участников, семь сборников) исследовательской и коммуникационной социокультурной практикой с социально значимым историческим контентом является издательский проект «Роль музеев – библиотек – архивов в информационном обеспечении исторической науки» [Ламин, Шелегина, 2020].

Первостепенное значение имеет исторический контент в коммеморативных практиках, потенциал которых «заключается не только в сохранении прошлого, но и в передаче этих знаний посредством интеграции культуры, оставшейся в прошлом, в культуру и ценностные ориентиры современного общества» [Александров, 2013, с. 17]. Т. Л. Каминская считает необходимым создание оптимальной модели осуществления в России процесса коммеморации с использованием коммуникативных и медийных трендов современности [2019, с. 287].

В 2020 г. доминирующие коммеморативные практики были обусловлены важнейшим всемирно-историческим событием – 75-летием окончания Второй мировой войны и Победы советского народа в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Как показал опыт проведения праздника Победы 9 мая 2020 г. в ходе адаптации к объективным условиям (самоизоляция граждан, перевод массовых мероприятий в онлайн-режим), в российском и региональном сибирском социокультурном пространстве широкое распространение получили разноуровневые коммеморативные практики. К числу глобальных может быть отнесен виртуальный «Бессмертный полк». На национальном уровне высокую степень востребованности и коммуникативной эффективности продемонстрировали всероссийский Обобщенный банк данных «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»², электронный архив «Мемориал Славы новосибирцев», включающий сведения (на 14.05.2020) о 299 942 персоналиях³. В Новосибирской области широкую известность приобрела «Эстафета патриотизма поколений», длившаяся 1 418 дней и ночей (2016–2020 гг.), под девизом «Вспоминая каждый день мужества и побед нашего народа».

Был проведен ряд всероссийских (с международным участием) конференций, посвященных проблемам истории войны и Великой Победы, появилось значительное число научных и научно-популярных публикаций, вышел специальный номер научного электронного журнала Института истории СО РАН «Исторический курьер»⁴. На основании введенных в научный оборот источников и результатов исследований можно выделить разные уровни, способы и формы коммеморации.

¹ Открытый архив СО РАН. URL: <http://odasib.ru> (дата обращения 03.02.2021).

² Обобщенный банк данных «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». URL: <http://podvignaroda.ru/> (дата обращения 14.05.2020).

³ Электронный архив «Мемориал Славы новосибирцев». URL: <http://slava-sibiryakam.ru/> (дата обращения 14.05.2020).

⁴ Исторический курьер. 2020. № 3 (11). URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-3-05.pdf>.

С позиций непосредственной связи понятий «ученый» и «гражданин» Г. М. Запорожченко исследовала военные биографии научных лидеров Сибирского отделения РАН. Отмечено, что важной частью научного наследия ученых военного поколения следует считать экзистенциальное наследие, которое передается в качестве реализованной модели поведения, являющегося образцом творческой самореализации личности и проявления гражданской позиции в драматических обстоятельствах эпохального значения [Запорожченко, 2020б].

В деятельности музеев локальной истории коммеморативные практики являются приоритетным социокультурным направлением. Они осуществляют актуализацию и комплексное освоение наследия в музейном и внемузейном пространстве, интерпретацию объектов исторической памяти и формирование на этой основе локальной идентичности и гражданственности [Чувилова, 2017, с. 6–8]. Весьма показательным стал опыт Музея «Заельцовка» (филиал Музея Новосибирска) по организации и продвижению в социокультурное пространство выставки «Вперед! В Победный 45-й! Техника. Война. Истории», раскрывающей взаимодействие и единство фронта и тыла. Он был представлен на IV Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения» (г. Новосибирск, 22–24 октября 2020 г.).

Музей науки и техники СО РАН под руководством Н. Н. Покровского развивал образовательно-досуговые практики, актуализирующие научно-техническое и историко-культурное наследие. В партнерстве с новосибирским Клубом ретротехники изучалась и была представлена широкой общественности транспортная техника периода Великой Отечественной войны, включая образцы легендарной «полуторки». Совместно с Клубом юных техников СО РАН выполнена реконструкция командного пункта мобильного дивизиона связи советских вооруженных сил начала – середины 1940-х гг., организована выставка образцов советской и немецкой моторизованной техники военного периода [Покровский, 2020].

Семейные коммеморации приобрели транспоколенный характер. Для развития эмпирической базы исследований феномена коммеморации, коммеморативных практик большое значение имеет опыт представления персональных историй участников Великой Отечественной войны, тружеников тыла, отражающих сложность и неоднозначность событий войны в публичной сфере. Названные коммеморативные практики от глобального до локального и персонального уровня позволили расширить пространство публичной памяти наследия героического поколения и могут быть использованы для разработки модели коммеморации в России, Сибирском регионе.

Для структурирования социокультурных практик существенное значение имеет понятие «социокультурное пространство» – междисциплинарная полисемантическая категория, включающая в себя экономическое, политическое, педагогическое, туристическое и другие пространства, формирующие особые человеческие типы и стили поведения людей. Его составные части объединены общими ценностями, чувством особого переживания пространства [Федоров, 2007]. В его рамках социокультурную среду поселения формирует совокупность институтов публичной памяти и социокультурных практик.

Для операционального использования в историко-культурном дискурсе и социально-культурной деятельности социокультурные практики могут быть структурированы по следующим основаниям:

- *масштаб (уровень)* – глобальный, национальный, региональный, локальный, персональный;
- *пространство реализации* – территориальные социокультурные, специализированные (тематические), интернет-пространство, объекты протяженного наследия, достопримечательные места, средовые музеи;
- *функции* – исследовательские, коммуникативные, коммеморативные, образовательные, досуговые, инклюзивные;
- *контент* – исторический, культурологический, педагогический;

- *включенность в процессы социальной реальности* – интеграция, адаптация, освоение наследия, креативные индустрии.

Совокупность социокультурных практик с учетом региональных особенностей может использоваться для создания научно-практических ресурсов, способствующих формированию эффективных ответов на большие вызовы современности.

Таким образом, анализ отечественной и зарубежной литературы, репрезентативной эмпирической базы с применением социокультурного подхода и основных положений мнемософии позволил предложить новое определение социокультурных практик, систему их структурирования, выявить актуальные и перспективные социокультурные практики, реализованные в Сибирском регионе в первые десятилетия XXI в., дать рекомендации по их внедрению в исследовательскую, образовательную, музейную области, сферу работы с наследием.

Большое значение имеет выделение исторического контента в исследовательских, коммуникативных и коммеморативных практиках разных уровней: от глобального до персонального. Установлено, что для трансляции исторического знания и привлечения населения к расширению его пространства необходимо дальнейшее распространение интернет-ориентированных технологий (электронные архивы, научно-образовательные сайты, специализированные порталы, электронные научные издания). Следует признать существенную роль в коммеморативных практиках музеев локальной истории, использующих активные коммуникативные (выставки, экскурсии) и досугово-образовательные практики по освоению военно-исторического и технического наследия. Опыт их работы должен быть учтен при создании модели коммеморации в России и ее региональных вариантов. Социокультурные практики, реализованные в период празднования 75-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне, следует рассматривать как значимый ресурс демифологизации военного дискурса на научно-рефлексивной основе.

Для формирования ответов на большие вызовы современности необходимо развивать систему социокультурных практик, основанных на фундированном историческом контенте и формирующих активную гражданскую позицию населения России, жителей Сибирского региона. Актуальным и перспективным является дальнейшее изучение всего спектра социокультурных практик, апробация предложенного авторами варианта их определения и структуризации, разработка алгоритма формирования исторического контента для успешного использования в работе с населением, совершенствования национального и регионального социокультурного пространства в условиях глобализации.

Список литературы

- Александров А. В.** Обращение к коммеморативным практикам в выставочной и образовательной деятельности музея // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2013. № 30. С. 13–17.
- Антропологический, деятельностный и культурологический подходы. Тезаурус // Новые ценности образования. М., 2005. Вып. 5 (25). 184 с.
- Блинова О. В.** Социокультурный облик учительства в Западной Сибири в 1880-х – 1914 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2010. 25 с.
- Бородкин Л. И.** Историческая информатика в точке бифуркации: движение к Historical Information Science // Круг идей: алгоритмы и технологии исторической информатики. Барнаул, 2005. С. 7–21.
- Васильева А. В.** Социокультурный облик православного духовенства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2015. 261 с.
- Воложанина Е. Е.** Социокультурный облик западносибирской деревни в 1921–1927 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1998. 24 с.

- Долак Я.** Музей на современном этапе // Новации в музейном мире. Музей как коммуникационный протокол. Новосибирск, 2013. С. 51–59.
- Запорожченко Г. М.** Потребительская кооперация как актор формирования гражданского самоуправления в Сибири начала XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2020а. Т. 27, № 2. С. 69–76.
- Запорожченко Г. М.** Ученый и Гражданин: участие лидеров Сибирского отделения Российской академии наук в Великой Отечественной войне // Исторический курьер. 2020б. № 3 (11). С. 39–68. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-3-05.pdf>.
- Зотов В. В., Лысенко В. А.** Коммуникативные практики как теоретический конструкт изучения общества // Теория и практика общественного развития. 2010. Вып. 3. С. 53–55.
- Каминская Н. Д., Эртман Е. В., Кавера В. А.** Особенности социокультурных практик в условиях вуза // Вестник Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2018. № 4. С. 279–288.
- Каминская Т. Л.** Современные коммуникативные практики в процессе коммеморации // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6, № 2. С. 280–291.
- Комлева Е. В.** Освоение Северной Азии как сфера реализации социокультурных практик сибирского купечества // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. Т. 27, № 2. С. 107–112.
- Конев В. А.** Антропологический поворот / разворот культуры – новый вариант проекта модерна // International Journal of Cultural Research. 2014. No. 2 (15). P. 5–11.
- Крайнева И. А.** Научное наследие советских ученых в электронных архивах СО РАН: Мастер. Проповедник. Лидер. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2018. 386 с.
- Красильникова Е. И.** Помнить нельзя забыть? Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.). Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2015. 572 с.
- Ламин В. А., Шелегина О. Н.** Современные подходы к изучению и популяризации отечественной истории: актуальные коммуникативные практики // Изв. Иркут. гос. ун-та. Серия: История. 2020. Т. 33. С. 63–69.
- Менш П. ван.** К методологии музеологии / Пер. с англ. В. Г. Ананьева. М.: Перспектива, 2018. 448 с.
- Мересс Ф.** Международное обсуждение понятия «музей»: итоги дискуссии // Мировые тренды и музейная практика в России: Сб. ст. Междунар. науч. конф. (Москва, 30–31 октября 2018 г.). М., 2019. С. 31–41.
- Покровский Н. Н.** Досуговые и образовательные практики новосибирских коллекционеров транспортной техники периода Великой Отечественной войны // Исторический курьер. 2020. № 3 (11). С. 152–161. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-3-15.pdf>.
- Репина Л. П.** Интеллектуальная культура как предмет исследования // Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время. М., 2014. С. 7–19.
- Социальные и культурные практики в современном российском обществе: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. преподавателей, студентов и аспирантов (Новосибирск, 17–22 апреля 2017 г.).** Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017. Ч. 1. 231 с.
- Социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества: методология, методика, практика / Под ред. Ю. В. Попкова.** Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2018. 347 с.
- Сутягина О. А.** Деловой и социокультурный облик сибирского купечества в XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2010. 30 с.
- Федоров Р. Ю.** Регион как социокультурное пространство: освоение, коммуникации, ценности // Северный регион: наука, образование, культура. 2007. № 2 (16). С. 133–139.
- Фролова Т. А.** Социокультурный облик чиновничества Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2006. 25 с.
- Чувилова И. В.** От музеев местного края к музеям локальной истории нового типа // Новации в музейном мире. На пути к музею локальной истории нового типа. Новосибирск, 2017. С. 3–8.

- Шелегина О. Н.** Музейный мир Сибири в первые десятилетия XXI в. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2019. 230 с.
- Шелегина О. Н., Куперштох Н. А., Запорожченко Г. М., Покровский Н. Н.** Идентичность локальных научных сообществ: опыт формирования и трансляции (по материалам Новосибирского научного центра СО РАН) // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23, № 3. С. 117–122.
- Шола Т. С.** Мнемософия. Эссе о науке публичной памяти. Ростов Великий: ИКОМ России, ГМЗ «Ростовский кремль», 2017. 320 с.
- Kuo Ning Chen.** From Tradition to Modernity: the Sight of Museum Collection, Exhibition Program and Interpretation of Religious Cultural Heritage – the Example of Museum of World Religions. In: Музей, музеология және мәдени мұра. Ғылыми-тәжірибелік конференцияның баяндамалар жинағы, 17–18 сәуір, 2019, Нұр-Сұлтан. Нұр-Сұлтан, 2019, pp. 311–319.
- Ma Min.** How the Future of Museums Affect Arts and Crafts Industry and Traditional Cultural Heritage. In: Музей, музеология және мәдени мұра. Ғылыми-тәжірибелік конференцияның баяндамалар жинағы, 17–18 сәуір, 2019, Нұр-Сұлтан. Нұр-Сұлтан, 2019, pp. 94–103.
- Museology and Culture – Museum and Heritage, City, Sacred and Museum.** Selected Essays from ICOM ICOFOM-ASPAC Conferences 2016–2018. ICOFOM-ASPAC Museum of World Religions. Taiwan, New Taipei, 2018, 390 p.
- Vieregg Hildegard K.** Cultural Heritage along the Ancient Silk Roads: “Tea and Flowers” – Tea-house, Tea-garden, Tea-ceremony, Artifacts, Flower arrangements. In: Музей, музеология және мәдени мұра. Ғылыми-тәжірибелік конференцияның баяндамалар жинағы, 17–18 сәуір, 2019, Нұр-Сұлтан. Нұр-Сұлтан, 2019, pp. 19–33.

References

- Aleksandrov A. V.** Obrashchenie k kommemorativnym praktikam v vystavochnoi i obrazovatel'noi deyatel'nosti muzeya [Drawing on Commemorative Practices in the Exhibition and Educational Activities of the Museum]. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii* [In the World of Science and Art: Questions of Philology, Art History and Cultural Studies], 2013, no. 30, pp. 13–17. (in Russ.)
- Antropologicheskii, deyatel'nostnyi i kul'turologicheskii podkhody. Tezaurus [Anthropological, Activity and Cultural Approaches. Thesaurus]. In: *Novye tsennosti obrazovaniya* [New Values of Education]. Moscow, 2005, iss. 5 (25), 184 p. (in Russ.)
- Blinova O. V.** Sotsiokul'turnyi oblik uchitel'stva v Zapadnoi Sibiri v 1880-kh – 1914 gg. [Socio-Cultural Image of Teaching in Western Siberia in the 1880s – 1914]. Thesis of Cand. Hist. Sci. Diss. Omsk, 2010, 25 p. (in Russ.)
- Borodkin L. I.** Istoricheskaya informatika v tochke bifurkatsii: dvizhenie k Historical Information Science [Historical Informatics at the Point of Bifurcation: The Movement towards Historical Information Science]. In: *Krug idei: algoritmy i tekhnologii istoricheskoi informatiki* [Circle of Ideas: Algorithms and Technologies of Historical Informatics]. Barnaul, 2005, pp. 7–21. (in Russ.)
- Chuvilova I. V.** Ot muzeev mestnogo kraia k muzeyam lokal'noi istorii novogo tipa [From the Local Museums to the Museums of the Local History of a New Type]. In: *Novatsii v muzeinom mire. Na puti k muzeyu lokal'noi istorii novogo tipa* [Innovations in the Museum World. On the Way to the Museum of Local History of a New Type]. Novosibirsk, 2017, pp. 3–8. (in Russ.)
- Dolak Ya.** Muzei na sovremennom etape [The Museum at the Present Stage]. In: *Novatsii v muzeinom mire. Muzei kak kommunikatsionnyi protokol* [Innovations in the Museum World. Museum as a Communication Protocol]. Novosibirsk, 2013, pp. 51–59. (in Russ.)
- Fedorov R. Yu.** Region kak sotsiokul'turnoe prostranstvo: osvoenie, kommunikatsii, tsennosti [Region as a Socio-Cultural Space: Development, Communication, Values]. *Severnyi region:*

- nauka, obrazovanie, kul'tura* [Northern Region: Science, Education, Culture], 2007, no. 2 (16), pp. 133–139. (in Russ.)
- Frolova T. A.** Sotsiokul'turnyi oblik chinovnichestva Zapadnoi Sibiri v kontse XIX – nachale XX v. [Socio-Cultural Image of the Bureaucracy of Western Siberia in the Late 19th – Early 20th Century]. Thesis of Cand. Hist. Sci. Diss. Omsk, 2006, 25 p. (in Russ.)
- Kaminskaya N. D., Ertman E. V., Kavera V. A.** Osobennosti sotsiokul'turnykh praktik v usloviyakh vuza [Features of Socio-Cultural Practices in the Conditions of Higher Education]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Bulletin of Pushkin Leningrad State University], 2018, no. 4, pp. 279–288. (in Russ.)
- Kaminskaya T. L.** Sovremennye kommunikativnye praktiki v protsesse kommemoratsii [Modern Communicative Practices in the Process of Commemoration]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies], 2019, vol. 6, no. 2, pp. 280–291. (in Russ.)
- Komleva E. V.** Osvoenie Severnoi Azii kak sfera realizatsii sotsiokul'turnykh praktik sibirskogo kupechestva [Development of Northern Asia as a Sphere of Implementation of Socio-Cultural Practices of Siberian Merchants]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanitarian Sciences in Siberia], 2020, vol. 27, no. 2, pp. 107–112. (in Russ.)
- Konev V. A.** Antropologicheskii povорот / razvorot kul'tury – novyi variant proekta moderna [The Anthropological Turn of Culture: A New Version of the Project of Modernity]. *International Journal of Cultural Research*, 2014, no. 2 (15), pp. 5–11. (in Russ.)
- Kraïneva I. A.** Nauchnoe nasledie sovetskikh uchenykh v elektronnykh arhivakh SO RAN: Master. Propovednik. Lider [Scientific Heritage of Soviet Scientists in Electronic Archives of the SB RAS: Master. Preacher. Leader]. Novosibirsk, NSU Press, 2018, 386 p. (in Russ.)
- Krasilnikova E. I.** Pomnit' nel'zya zabyt'? Pamyatnye mesta i kommemorativnye praktiki v gorodakh Zapadnoi Sibiri (konets 1919 – seredina 1941 g.) [Remember Can't Forget? Memorial Places and Commemorative Practices in the Cities of Western Siberia (Late 1919 – Mid-1941)]. Novosibirsk, NSTU Press, 2015, 572 p. (in Russ.)
- Kuo Ning Chen.** From Tradition to Modernity: the Sight of Museum Collection, Exhibition Program and Interpretation of Religious Cultural Heritage – the Example of Museum of World Religions. In: Museum, Museology and Cultural Heritage. Collection of Reports of the Scientific and Practical Conference (April 17–18, 2019, Nur-Sultan). Nur-Sultan, 2019, pp. 311–319.
- Lamin V. A., Shelegina O. N.** Sovremennye podkhody k izucheniyu i populyarizatsii otechestvennoi istorii: aktual'nye kommunikativnye praktiki [Modern Approaches to the Study and Popularization of National History: Current Communicative Practices]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Irkutsk State University], 2020, vol. 33, pp. 63–69. (in Russ.)
- Ma Min.** How the Future of Museums Affect Arts and Crafts Industry and Traditional Cultural Heritage. In: Museum, Museology and Cultural Heritage. Collection of Reports of the Scientific and Practical Conference (April 17–18, 2019, Nur-Sultan). Nur-Sultan, 2019, pp. 94–103.
- Mensh P. van.** K metodologii muzeologii [On the Methodology of Museology]. Trans. from English by V. G. Ananyev. Moscow, Perspektiva, 2018, 448 p. (in Russ.)
- Meress F.** Mezhdunarodnoe obsuzhdenie ponyatiya “muzei”: itogi diskussii [International Discussion of the Concept of “Museum”: Results of the Discussion]. In: Mirovye trendy i muzeinaya praktika v Rossii [World Trends and Museum Practice in Russia]. Collection of International Scientific Conference's Works (Moscow, October 30–31, 2018). Moscow, 2019, pp. 31–41. (in Russ.)
- Museology and Culture** – Museum and Heritage, City, Sacred and Museum. Selected Essays from ICOM ICOFOM-ASPAC Conferences 2016–2018. ICOFOM-ASPAC Museum of World Religions. Taiwan, New Taipei, 2018, 390 p.
- Pokrovsky N. N.** Dosugovye i obrazovatel'nye praktiki novosibirskikh kollektsionerov transportnoi tekhniki perioda Velikoi Otechestvennoi voiny [Leisure and Educational Practices of Novosibirsk Collectors of Transport Equipment during the Great Patriotic War]. *Istoricheskii kur'er*

- [*Historical Courier*], 2020, no. 3 (11), pp. 152–161. (in Russ.) URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-3-15.pdf>.
- Repina L. P.** Intellektual'naya kul'tura kak predmet issledovaniya [Intellectual Culture as a Subject of Research]. In: *Idei i lyudi: intellektual'naya kul'tura Evropy v Novoe vremya* [Ideas and People: Intellectual Culture of Europe in Modern Times]. Moscow, 2014, pp. 7–19. (in Russ.)
- Shelegina O. N.** Muzeinyi mir Sibiri v pervye desyatiletiya XXI v. [The Museum World of Siberia in the 1st Decades of the 21st Century]. Novosibirsk, NSU Press, 2019, 230 p. (in Russ.)
- Shelegina O. N., Kupershtokh N. A., Zaporozhchenko G. M., Pokrovsky N. N.** Identichnost' lokal'nykh nauchnykh soobshchestv: opyt formirovaniya i translyatsii (po materialam Novosibirskogo nauchnogo tsentra SO RAN) [Identity of Local Scientific Communities: Experience of Development and Translation (Based on the Materials of the Novosibirsk Scientific Center of the SB RAS)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanitarian Sciences in Siberia], 2016, vol. 23, no. 3, pp. 117–122. (in Russ.)
- Shola T.** Mnemosofiya. Esse o nauke publichnoi pamyati [Mnemosophy. Essay on the Science of Public Memory]. Rostov the Great, IKOM Rossii, GMZ "Rostovskii Kreml'", 2017, 320 p. (in Russ.)
- Sotsial'nye i kul'turnye praktiki v sovremennom rossitskom obshchestve [Social and Cultural Practices in Modern Russian Society]. Materials of All-Russian Scientific and Practical Conference of Teachers, Students and Postgraduate Students (Novosibirsk, April 17–22, 2017). Novosibirsk, NSPU Press, 2017, pt. 1, 231 p. (in Russ.)
- Sotsiokul'turnyi monitoring gorodskogo mezhetnicheskogo soobshchestva: metodologiya, metodika, praktika [Socio-Cultural Monitoring of the Urban Inter-Ethnic Community: Methodology, Methodics, Practice]. Ed. by Yu. V. Popkov. Novosibirsk, NSTU Press, 2018, 347 p. (in Russ.)
- Sutyagina O. A.** Delovoi i sotsiokul'turnyi oblik sibirskogo kupechestva v XIX v. [Business and Socio-Cultural Image of the Siberian Merchants in the 19th Century]. Thesis of Cand. Hist. Sci. Diss. Tomsk, 2010, 30 p. (in Russ.)
- Vasilyeva A. V.** Sotsiokul'turnyi oblik pravoslavnogo dukhovenstva v Zapadnoi Sibiri v kontse XIX – nachale XX v. [Socio-Cultural Image of the Orthodox Clergy in Western Siberia in the Late 19th – Early 20th Century]. Cand. Hist. Sci. Diss. Omsk, 2015, 261 p. (in Russ.)
- Vieregg Hildegard K.** Cultural Heritage along the Ancient Silk Roads: "Tea and Flowers" – Tea-house, Tea-garden, Tea-ceremony, Artifacts, Flower arrangements. In: *Museum, Museology and Cultural Heritage. Collection of Reports of the Scientific and Practical Conference* (April 17–18, 2019, Nur-Sultan). Nur-Sultan, 2019, pp. 19–33.
- Volozhanina E. E.** Sotsiokul'turnyi oblik zapadnosibirskoi derevni v 1921–1927 gg. [Socio-Cultural Image of the West Siberian village in 1921–1927]. Thesis of Cand. Hist. Sci. Diss. Omsk, 1998, 24 p. (in Russ.)
- Zaporozhchenko G. M.** Potrebitel'skaya kooperatsiya kak aktor formirovaniya grazhdanskogo samoupravleniya v Sibiri nachala XX v. [Consumer Cooperation as an Actor in the Establishment of Civil Self-Government in Siberia at the Beginning of the 20th Century]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanitarian Sciences in Siberia], 2020, vol. 27, no. 2, pp. 69–76. (in Russ.)
- Zaporozhchenko G. M.** Uchenyi i Grazhdanin: uchastie liderov Sibirskogo otdeleniya Rossijskoi akademii nauk v Velikoi Otechestvennoi vojne [Scientist and Citizen: Participation of the Leading Scholars of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences in the Great Patriotic War]. *Istoricheskii kur'er* [Historical Courier], 2020, no. 3 (11), pp. 39–68. (in Russ.) URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-3-05.pdf>.
- Zotov V. V., Lysenko V. A.** Kommunikativnye praktiki kak teoreticheskii konstrukt izucheniya obshchestva [Communicative Practices as a Theoretical Construct of Studying Society]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 2010, vol. 3, pp. 53–55. (in Russ.)

Информация об авторах

Ольга Николаевна Шелегина, доктор исторических наук

Scopus 23486813400

WoS K-1591-2018

Галина Михайловна Запорожченко, доктор исторических наук

WoS K-1587-2018

Information about the Authors

Olga N. Shelegina, Doctor of Sciences (History)

Scopus 23486813400

WoS K-1591-2018

Galina M. Zaporozhchenko, Doctor of Sciences (History)

WoS K-1587-2018

*Статья поступила в редакцию 21.01.2021;
одобрена после рецензирования 26.03.2021; принята к публикации 15.04.2021
The article was submitted 21.01.2021;
approved after reviewing 26.03.2021; accepted for publication 15.04.2021*

Научная статья

УДК 94(415)

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-8-100-112

Чарлз Макилвейн, Уоллес Нотстейн и Константин Кузнецов – три «возделывателя поля парламентской истории» в начале XX века (и несравнимое сравнимо)

Сергей Витальевич Кондратьев

Тюменский государственный университет

Тюмень, Россия

skondratiev@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9861-5032>

Аннотация

Статья посвящена трем знаковым ученым начала XX в., занимавшимся изучением английского парламента предреволюционной Англии. Первый – американский юрист Чарлз Макилвейн – создал теорию трансформации парламента из зависимого от короны суда в «суверенный законодательный орган королевства». Второй – Уоллес Нотстейн – заявил о том, что парламент должен стать самостоятельным объектом исторических исследований, призвал заняться архивными изысканиями и изданием парламентских источников. Третий – Константин Кузнецов – выпустил в России книгу о палате общин Тюдоров и Стюартов, в которой отчасти начал реализовывать сформулированную У. Нотстейном годом позже программу. На основе сравнительного анализа произведений трех исследователей показано, что книга К. А. Кузнецова была лучшей работой о парламентской истории в мире на начало XX в.

Ключевые слова

Константин Алексеевич Кузнецов, Чарлз Макилвейн, Уоллес Нотстейн, история права, парламентские исследования, английский парламент, палата общин

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-111-50473

Для цитирования

Кондратьев С. В. Чарлз Макилвейн, Уоллес Нотстейн и Константин Кузнецов – три «возделывателя поля парламентской истории» в начале XX века (и несравнимое сравнимо) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 8: История. С. 100–112. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-8-100-112

Charles McIlwain, Wallace Notestein and Konstantin A. Kuznetzov Are the Three “Cultivators of the Field of Parliamentary History” of the Early 20th Century (And the Incomparable Is Comparable)

Sergey V. Kondratiev

Tyumen State University

Tyumen, Russian Federation

skondratiev@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9861-5032>

Abstract

The article is devoted to three eminent scientists of the beginning of the 20th century, who studied the English parliament of pre-revolutionary England. The first is the American lawyer Charles McIlwain, created the theory of the

© Кондратьев С. В., 2021

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 1: История. С. 100–112

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2021, vol. 20, no. 1: History, pp. 100–112

transformation of parliament from a court dependent on the crown to a “sovereign legislative body of the kingdom”. The second is Wallace Notestein that claimed the parliament should become an independent object of historical studies and called for archival research and the publication of parliamentary sources. The third is Konstantin A. Kuznetsov, published in Russia a book “The Tudor and Stuart English House of Commons”, where he partially began to implement the program formulated by W. Notstein a year later. Konstantin Kuznetsov comes to the conclusion that under the early Stuarts the House of Commons was more and more willing to get the commoners’ election out of control of the royal officers and the Lords of the Privy Council, and tried to make it more democratic. To that end, the House used its right to verify the election. The author examines various electoral cases and petitions on electoral grievances to demonstrate that the House of Commons interpreted the old rules and proceedings aiming to guarantee voters more independence. A special committee of the House of Commons often examined requests from towns to restore the right of sending their presenters, which the towns lost in the Middle Ages. The towns sought to broaden their representation. At the same time, the commoners remained adherents and supporters of the tradition. They had no intention to change the electoral system by a parliamentary statute. The House of Commons was trying to make elections freer by the interpretation of the rules established in ancient time. On the basis of a comparative analysis of the works of three researchers, the author shows K. A. Kuznetsov’s book was the best work on parliamentary history in the world at the beginning of the 20th century.

Keywords

Konstantin A. Kuznetsov, Charles McIlvaine, Wallace Notestein, history of law, parliamentary studies, English Parliament, House of Commons

Acknowledgements

The study was carried out with the support of RFBR, project no. 20-111-50473

For citation

Kondratiev S. V. Charles McIlwain, Wallace Notestein and Konstantin A. Kuznetsov Are the Three “Cultivators of the Field of Parliamentary History” of the Early 20th Century (And the Incomparable Is Comparable). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 8: History, pp. 100–112. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-8-100-112

Русская историческая школа на рубеже XIX–XX вв. заметно влияла на мировую историческую науку. Особенно это справедливо в отношении русских франковедов [Чудинов, 2017, с. 13–14] и византинистов [Медведев, 2006, с. 114–137]. Влияние русских ученых на британскую науку ограничивается, пожалуй, только П. Г. Виноградовым [Малинов, 2005] и, возможно, А. Н. Савиным [Винокурова, 2000, с. 144] и И. И. Любименко [Arel, 2019, pp. 3–16, 20]¹. Вместе с тем в начале XX в. в России была издана работа, которая опережала аналогичные зарубежные исследования, но осталась в мире незамеченной. Это книга Константина Алексеевича Кузнецова (1883–1953) «Английская палата общин при Тюдорах и Стюартах» (1915).

История английского парламентаризма в науке конца XIX – начала XX в. была одной из актуальнейших тем. И не только по академическим причинам. Пока европейские страны с конституциями и представительными органами власти переживали политические катаклизмы, а то и революции, как «Весна народов» (1848–1849) или Парижская Коммуна (1871), Британия, не имевшая писаной конституции, демонстрировала удивительную устойчивость, экономические и внешнеполитические успехи. Полномочия ее парламента не были прописаны в каком-то законодательном документе. Его устройство сложилось исторически, а полномочия были запечатлены в каких-то старинных актах и юридических трактатах, многократно реинтерпретированных, т. е. опирались на противную модернизму традицию.

Вероятно, британский опыт, где стабильность только единожды, в середине XVII в., была надломлена революцией, где монархия не исключала парламент, а дополнялась им, особенно привлекал русских либералов, которые видели в нем устойчивость, традиционализм, здоровое постепенное реформирование.

Английские либеральные историки XIX в., преимущественно историки права, перечитывая и цитируя древние статуты и правовые трактаты, воспевали английскую конституционную модель, уходящую корнями в донормандские времена, заимствуемую другими народа-

¹ Точка зрения И. И. Любименко на Московскую (Русскую) торговую компанию оставалась неизменной более 100 лет, пока ее совсем недавно существенно не скорректировала Мария Арел [Arel, 2019, pp. 3, 20, 107].

ми, центром которой и гарантом свобод был парламент. А сама английская история повсеместно представлялась историей становления этой модели и борьбы за свободы [Дмитриева, 2011, с. 36–37]. Эту концепцию поставил под сомнение основатель критического направления Фредерик Мэтланд, который показал, что парламент долгое время оставался инструментом королевской власти [Там же, с. 37].

Идеи Ф. Мэтланда использовал и развил американский исследователь Чарлз Ховард Макилвейн (1871–1968), опубликовавший в 1910 г. монографию «Высокий суд парламента и его супрематия», где попытался проследить становление представительного органа и определить время, когда законодательство (legislation) отделилось от судопроизводства (adjudication, litigation) [McIlwain, 1910, pp. 4–6, 148, 188, 219, 238].

Начав с истоков, Ч. Макилвейн пришел к выводу, что парламент в Англии появился после нормандского завоевания. Слово «парламент» находилось в правовом и административном обороте задолго до возникновения во второй половине XIII в. самого института и обозначало конференцию, встречу, место встречи, где Королевский совет (Curia, court, consilium), состоящий из феодальных магнатов, в присутствии монарха творил суд, обсуждал проблемы управления и финансов. В документах так и говорилось: «королевский совет в его парламенте» (King's Council in his Parliament). Король в своем совете был законодателем. Экстраполяция понятия «парламент» на сословно-представительный орган происходит в середине XIII в. Функции (власти) в таком совете еще не были расчленены. Они были «слиты», «едины», «смешаны» (fusion). В XI–XII вв., после судебной реформы Генриха II Плантагенета, выделяются собственно суды – Суд Общих тяжб, Суд Королевской скамьи, Палата Казначейства и др., появляются королевские суды. Королевский совет стоял выше других судов, сохранял функцию судопроизводства, но исполнял ее заметно реже. Он стал именоваться «королевский суд в его совете его парламента» (King's Court in his Council in his Parliament), куда для выработки решений помимо баронов призывались судьи [Ibid., pp. 16, 25–38, 119, 122, 174, 175, 182–185, 188, 237–239, 290, 293].

Возникновение парламента в XIII в., по Ч. Макилвейну, было расширением королевского совета за счет представительства рыцарей от графств и горожан, в котором по-прежнему доминировала судебная функция, а он сам долгое время оставался «высоким судом». Деятельность обеих палат парламента всегда ассистировалась судьями королевства. В Средние века право было продуктом судов, а законы не принимались, а «декларировались» судьями как старинные обычаи. Сама идея законотворчества (idea of “making” of law) была чужда средневековому образу мысли. Парламент, наряду с другими судами, разбирая поставленные перед ним властью проблемы или петиции с мест, выносил решения, т. е. производил аналогичные декларации. Законодательство не было изначальным занятием парламента. Возникающие и не определенные нормы права интерпретировались и менялись в дальнейшем. Такими же декларациями были «вольности» (первоначально привилегии, франшизы), пожалованные королем и ставшие затем «главным наследием нации». В XVI в. из таких деклараций с многочисленными отсылками к обычаям, авторитетам и прецедентам вырастет идея «фундаментального», «незыблемого» права, которое выше королевской власти и статуты парламента. Звучащие со второй половины XIII в. заявления о том, что «право выше короля», относились к правовой традиции (общему праву), но не парламентским актам. Последние, как судебные решения, могли даже подвергаться коррекции судьями или объявляться противоречащими общему праву [Ibid., pp. 25–26, 42–49, 51–53, 70–72, 84, 185–187, 197–203, 327].

Отсутствие четкого водораздела между законодательством и судебной деятельностью придавало парламенту ту гибкость и адаптивность, которые позволили затем ему перехватить власть и полномочия у короны. Трансформация парламента из «высокого суда» («юридическое верховенство») в «законодательное собрание» («законодательный суверенитет») затянется до XVI в. и окончательно победит в годы Английской революции. По мере появления новых судебных институтов парламент превращался в стоящий над другими «важнейший» «экстраординарный», «превосходящий» остальные, «исправляющий», т. е. «лечащий»

(supreme court of remedial jurisdiction) и представляющий всё общество суд. Его законодательными актами первоначально были решения по исправлению собственных ранее вынесенных вердиктов и вердиктов других судов. Так он превращался в «законодательный орган» (legislature), в котором росло влияние палаты общин. Но в отличие от королевской власти, издававшей прокламации, и некоторых других советов его акты были достаточно редкими, поскольку монархи собирали парламент после длительных, в несколько лет, перерывов. Следствием редкости и непродолжительности парламентских сессий становилась деградация судебной функции парламента и повышение законодательной в виде принятия статутах и вотирования субсидий. Но только «шок» гражданской войны окончательно превратил парламент в «суверенный законодательный орган королевства», и закончил инверсию института [McIlwain, 1910, pp. 90–94, 109, 117–121, 131–133, 135–137, 145, 146, 156, 170, 191, 204–209, 212, 296, 315–317, 319, 356, 374, 376].

Картина трансформации «высокого суда» и совета в суверенный законодательный орган, нарисованная Ч. Макилвейном, была стройной и логичной. Вот только его концепция, или, скорее, теория, опиралась преимущественно на литературу и небольшое число давно изданных и хорошо известных правовых источников. В работе практически не затрагивалась проблема представительства, выборности и отношений между депутатами и властью. Может быть, именно поэтому, получив известность, книга Ч. Макилвейна не оставила заметного следа в историографии.

Произошедшие в исторической науке сдвиги активно требовали расширения источниковой базы, введения в оборот эмпирического материала и архивных изысканий. Этот запрос уловил знаменитый вигский исследователь, выходец из семьи религиозных диссентеров, Самюэл Гардинер. Сочиняя 18-томную историю Англии первой половины XVII в., стремясь не упустить ни одной детали и ни одного события, историк обратился к архивным материалам, многие из которых он впервые ввел в оборот. Было очевидно, что в своем обширном политическом нарративе, центром которого была Английская революция (гражданская война, по терминологии автора), С. Гардинер затронул разные проблемы, в том числе парламент. Он использовал несколько «поденных записей», или дневников (diary), парламентских клерков и даже издал их [Gardiner, 1862]. Английская революция, по мнению вигско-либерального историка, была борьбой отстаивающего свободы подданных парламента и деспотической королевской власти [Кондратьев, 2010, с. 6].

Подлинная революция в изучении английского представительного института начнется с призыва, сделанного в 1916 г. американскими исследователями Уоллесом Нотстейном (Миннесота) и Роландом Ашером (Вашингтон), более детально исследовать историю островного права, государственных институтов и парламента [Notestein, 1919; Usher, 1919].

О необходимости изучать парламент в этой паре писал, собственно, У. Нотстейн. Воздав должное С. Гардинеру «как величайшему историку гражданской войны», описавшему ее с «позиции либерализма», он заметил, что скрупулезное хронологическое воссоздание событий не приближает ни к пониманию образа жизни и образа мысли людей, ни к пониманию «классовых различий» XVII в. Симпатии вигского историка были, очевидно, на стороне «парламентской партии», участвующей в гражданской войне, но его работы не привнесли какого-то знания о самом парламенте. С. Гардинер, по словам У. Нотстейна, был «пионером», который «вырубил деревья, расчистил кустарник, выкорчевал пни и подготовил землю к вспашке». Но на этом расчищенном поле можно получить результат только за счет его «интенсивного возделывания», т. е. за счет новых тематических направлений [Notestein, 1919, pp. 391–393].

По мнению У. Нотстейна, историю стюартовских парламентов следует рассматривать «в свете предшествующих веков», поскольку иначе невозможно понять устройство (constitution) Англии, относиться критически к широко известным парламентским журналам и речам видных депутатов, но главное расширить источниковую базу за счет введения в оборот ранее неизвестных («открытых после Гардинера») «дневников», других «записей» (notebooks)

клерков и сделать источники доступными исследователям, т. е. кропотливо заниматься изданием парламентских материалов времен правления ранних Стюартов. И далее, У. Нотстейн приводит на трех страницах перечень того, что следует издавать. В заключение он упоминает еще две важные проблемы: изучение самих депутатов (*membership*), исследование их интересов и «рост организованной оппозиции» в парламентах предреволюционной Англии [Notestein, 1919, pp. 394–399]. Подготовленное к «вспашке» парламентское поле на долгое время станет главным приложением сил для У. Нотстейна, который позднее издаст многотомные дебаты палаты общин за 1621 и 1629 гг. [Tyacke, 2013, pp. 532–533].

С концептуальной точки зрения У. Нотстейн останется в русле вигско-либеральной традиции. В 1924 г. он будет говорить, что в течение всего XVI в. палата общин процедурно укреплялась и всё решительнее претендовала на статус главного законодательного органа. Она превращалась в оппозиционную силу, реализовавшую, в конце концов, свою «победоносную инициативу» и «сковавшую» цепи, обуздавшие королевскую власть [Notestein, 1924].

У. Нотстейн не знал, что в России уже была напечатана книга, автор которой отчасти начал реализовывать изложенную им годом позже программу. Этим автором был К. А. Кузнецов, профессор Новороссийского университета. До того, как попасть в Одессу, К. А. Кузнецов успел закончить юридический факультет Императорского Московского университета (1907). Когда революционной зимой 1905–1906 гг. занятия в Москве прервались, К. А. Кузнецов отправился в Гейдельбергский университет (Германия), где «кончил курс <...> по философскому факультету» и написал под руководством Георга Елинека работу «Применение двухпалатной системы в Северной Америке», посвященную, очевидно, Конгрессу США, за которую получил степень доктора философии². В 1907 г. К. А. Кузнецова оставили при Московском университете, в 1908 г. он сдал магистерский экзамен и был отправлен вграничную командировку в Лондон, где пробыл не менее 2,5 лет, с февраля 1908 по сентябрь 1911 г.³ В декабре 1911 г. К. А. Кузнецова принимают приват-доцентом по кафедре государственного права в Московский университет⁴, откуда он отправляется во Владивосток, где между октябрем 1912 и декабрем 1913 г. работает профессором Восточного института, читая курсы по международному и государственному праву. Здесь он подготовил и опубликовал книгу «Опыты по истории политических учений в Англии (XV–XVII веков)», которую 12 октября 1913 г. защитил в Московском университете как магистерскую диссертацию [Березкин, 2005, с. 151–153].

С начала 1914 г. ученый перебирается в Новороссийский университет, где был принят на кафедру энциклопедии и истории философии права исполняющим должность экстраординарного профессора⁵. И здесь, в Одессе, через год он издает книгу о парламенте «Английская палата общин при Тюдорах и Стюартах», которую позднее защитит в Харькове как докторскую диссертацию. Очевидно, что центральными в правоведческой карьере ученого были 2,5 года, проведенные в Лондоне, где он собрал материал и на магистерскую, и на докторскую диссертацию. Особенно много отсылок к архивам было в его докторской диссертации. «Палата общин», писал он в предисловии к книге, была написана «внутри Британского Му-

² ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 89. Д. 650. Л. 7, 9; Ф. 418, Оп. 91, Д. 603. Л. 9; РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Д. 332. Л. 5. Временной промежуток пребывания К. А. Кузнецова в Гейдельберге можно установить, видимо, в самом Гейдельберге. В 1911 г. К. А. Кузнецов писал: «Я, нижеподписавшейся, Константин Алексеевич Кузнецов <...> в 1902 г. поступил в Императорский Московский университет, по Юридическому факультету во время перерыва занятий в 1905–1906 г. работал в Гейдельбургском Университете и получил там степень доктора философии <...>». См.: ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 89. Д. 650. Л. 7, 9. Но во всех его более поздних автобиографиях и личных листках год приезда в Гейдельберг либо вообще не указывается, либо указан 1904. См.: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Д. 332. Л. 5; АМГК. Дело Кузнецова Константина Алексеевича. Л. 1, 9, 10, 18, 30, 30 об.; Архив российского института истории искусств. Оп. 1. Д. 28 (21). Л. 164.

³ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 89. Д. 650. Л. 25–28.

⁴ Там же. Л. 10–13.

⁵ ДАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 2756. Л. 7; Ф. 334. Оп. 3. Д. 7658. Л. 8, 39 об., 80, 132.

зея и <...> внутри Государственного Архива (Record Office)» [Кузнецов, 1915, с. VII], т. е. во многом на тех самых архивных материалах, которые планировал вводить в оборот и издавать У. Нотстейн. За год до У. Нотстейна К. А. Кузнецов ставил аналогичную задачу. Он констатирует, отдавая должное С. Гардинеру, что «государственные учреждения и политические идеи» Тюдоров и Стюартов изучены «крайне экономно». И пишет: «Я поставил себе целью просмотреть те муниципальные отчеты, дневники и т[ому]. под[обное], которые так или иначе связаны с внутренней жизнью палаты общин. Улов оказался немалым, и я убедился, что есть целый ряд источников, которые настоятельно требуют опубликования». В первую очередь, отмечает он, «следует поставить систематическую обработку и критическое издание парламентских дебатов. Нельзя ограничиваться несколькими сборниками <...> нужно взрыть поглубже и пошире наличные хранилища документов; на основании целого ряда отчетов и дневников попытаться реконструировать день за днем жизнь парламента, чтобы таким путем заполнить отсутствие удовлетворительных «официальных» журналов. Но программа, сформулированная К. А. Кузнецовым, оказалась шире обозначенной спустя год в США. Он указывает на необходимость «издания детального словаря членов парламента». И далее: «Я не вижу, чтобы в науке ясно осознавался подобный пробел, а без его заполнения нельзя дать общей картины тех колебаний, какие претерпевали социальные ингредиенты парламента» [Там же, с. VII–IX]. Отметим, что последняя задача, пусть не идеально, найдет воплощение только спустя почти столетие в 6-томном издании на 6,5 тыс. страницах [History of Parliament..., 2010]⁶. Сочиняя книгу о «законах и учреждениях», К. А. Кузнецов не забывал, как сказали бы сегодня, об антропологии – «о людях с их убеждениями» [Кузнецов, 1915, с. XII]. И в этом он тоже опережал время.

Первый отдел книги К. А. Кузнецова посвящен тому же, о чем была книга Ч. Макилвейна. Он так и называется «Высокий суд парламента». Но в отличие от Ч. Макилвейна, который, как мы видели, полагал, что парламента изначально был судом, а история парламента была движением от судебной функции к законодательной и процессом обретения суверенитета, русский ученый мало писал о законодательной власти парламента и настаивал на том, что параллель между парламентом и судом возникает только в эпоху Тюдоров, а утверждает-ся вообще в конце XVI в.⁷ Законодательная же власть и суверенитет, подчеркивает он, принадлежали парламенту и никем не оспаривались, поскольку депутаты представляли всю «землю» (мы бы сегодня сказали «страну». – С. К.), а король считался членом парламента, его частью. «“Высший” судебный характер парламента и его суверенное положение <...> не выступают в качестве начал, друг друга вытесняющих». Но доктрина суверенности парламента с трудом пробивала себе дорогу в умах самих парламентариев, поскольку над ними нередко довлел дух ограниченного корпоративизма, противоречащий базовым интересам подданных, отсюда злоупотребления депутатов парламентами привилегиями, зависимость депутатов от отдельных лордов, членов Тайного совета и короля [Там же, с. 6, 7, 9, 164, 165, 209].

Инициатором и главной заинтересованной стороной доктрины о парламентам суде, по мысли К. А. Кузнецова, выступала палата общин. Признание за нижней палатой судебных функций уравнивало ее с палатой лордов и придавало ей относительную «самостоятельность» перед лицом монарха. Признание парламента судом, во-первых, делало его государственным учреждением, а во-вторых, возвышало над другими институтами и судами. Сформулированная «к концу XVI в. доктрина о парламенте и в частности о палате общин как о суде <...> спаивала прочной юридической связью» массу депутатов, вырабатывала корпоративное единство, «противопоставляло внешнему миру в качестве компактного государст-

⁶ См. рецензии: [Thompson, 2011; Sommerville, 2012; Tyacke, 2013].

⁷ К. А. Кузнецов был гораздо ближе здесь к современным оценкам, чем Ч. Макилвейн. Современный автор пишет: «Парламент впервые был назван “Высоким судом парламента” в XIV в. В XV в. термин “Верховный суд парламента” уже широко использовался, а в XVI в. этот термин стал общеупотребительным. В XVII в. практика описания парламента как Высокого суда парламента достигла своего апогея» [Wilkes, 2014, pp. 212–213].

венного органа», утверждала «идею народного представительства» [Кузнецов, 1915, с. 14, 19, 20, 27, 28, 34–36, 50, 55, 62, 63, 86, 165]. В XVI и XVII вв. вес палаты общин растет. В XVI в. он усматривает это в том, что многие советники короны, раньше заседавшие в палате лордов, переместились в нижнюю палату, а XVII в. – в том, что нижняя палата, спокойно при Тюдорах относившаяся к их присутствию, теперь требует удаления королевских поверенных [Там же, с. 166–174, 217]. Судебность нижней палаты историк видит также в становлении ее процедур и делопроизводстве. Именно в XVI в., по аналогии с другими судами, в палате регулярно начинают протоколироваться прения и вестись журналы [Там же, с. 37–40]. Судебность палаты подтверждается автором многочисленными примерами преследования должностных лиц графств и Лондона, отказывающихся выполнять решения и распоряжения общин [Там же, с. 134–152]. Корпоративизм – «целостность» – палаты видна в отстаивании ею своих привилегий, прежде всего свободы слова и свободы от ареста, в борьбе с абсентизмом и другими уклонениями депутатов [Там же, с. 57–65, 94–105, 110, 111].

Но название книги К. А. Кузнецова, оговорим это, в значительной степени шире, чем ее содержание, что заметил еще Н. И. Палиенко [1916, с. 7], выступающий оппонентом на защите К. А. Кузнецовым докторской диссертации. Она еще очень далека от «реконструкции день за днем жизни парламента». В ней отсутствует описание процедур созыва парламента, открытия сессий, выборов спикера, разбираемых во всех парламентах Тюдоров и Стюартов вопросов, нет характеристик комитетов, принятых законов и вотированных субсидий, нет даже попытки проследить горизонтальные и вертикальные связи депутатов и много другого. Все эти вопросы будут поставлены позже, вызовут шумные споры и найдут своих многочисленных исследователей [Дмитриева, 2011, с. 43–93].

Если первый отдел повествует о росте значимости нижней палаты парламента и самосознания депутатов как представителей «нации», то остальные $\frac{2}{3}$ книги посвящены избранию депутатов палаты общин от городов и графств. Двести страниц монографии наполнены многочисленными, часто непохожими друг на друга избирательными казусами. Их много, но все-таки недостаточно, чтобы подвергнуться какой-то определенной типологизации. К тому же они очень разные. Автор иронизирует в адрес тех исследователей, в трудах которых история становится красивой теорией – по его словам, «математически-прямолинейной». В подлинной же истории наличествует «пестрота», «скрупулезное учитывание конкретных фактов – порой убийственно мелких, нудно-унылых, но без которых не правомерно никакое, в том числе историческое, обобщение» [Кузнецов, 1915, с. 251, 281]. Второй и третий отделы исследования К. А. Кузнецова можно назвать «микроисторическими», где историк, как писал в своей рецензии А. Н. Савин, «дозволяет себе роскошь обстоятельности», представляет «сочные картины быта», «стремится прорваться в гущу действительности» [Савин, 1916, с. 102], и одновременно, добавим от себя, в отличие от современных нам микроисториков пытается вывести некие генерализации.

Из приводимых многочисленных, «пестрых», а иногда и повторяемых казусов им рисуется следующая картина.

1. В палате общин при Тюдорах и Стюартах формируется и крепнет идея свободы депутатского избрания. Идея, как говорит К. А. Кузнецов, «свободных выборов» регулярно поднимается в ходе проверки этих самых выборов и при получении различных жалоб. По мнению автора, раннестюартовская Англия была ближе к реализации этой идеи, чем Англия времен революции, когда политические партии старались любыми способами обеспечить прохождение своим кандидатам и всячески исключить чужих. К. А. Кузнецову удастся в жалобах с мест и выборных разбирательствах палаты услышать идею «общего избирательного права» и предложения о реформе избирательной системы. Он говорит о «демократизме» палаты общин, о демократических устремлениях депутатов, которые были выражены даже отчетливее, чем у выступающих какое-то время в годы революции за всеобщее избирательное право левеллеров. Этот «демократизм», оговаривается он, используя при этом слово «идеалистический», депутаты высказывали неосознанно: «подсознательная сила толкала их на-

встречу <...> “народу”» [Кузнецов, 1915, с. 133–149, 192, 195, 212–214, 215, 216, 222, 225, 231–243, 246–255, 286, 287].

2. В отличие от Средних веков, когда парламентские выборы больше были делом короны и элиты страны, о чем свидетельствуют факты представительства от нескольких мест одного и того же депутата, при Тюдорах и особенно при Стюартах существенно вырастает вес представительства и депутатского звания. Появляется конкуренция, или, по выражению К. А. Кузнецова, «“раскрепощение” избирателя», «“пробуждение” инертного городского избирателя». Претенденты подчас дают взятки, или покупают необходимые в королевской канцелярии приказы, чтобы были объявлены дополнительные выборы в месте, которое лишилось по каким-то причинам депутата. При ранних Стюартах в ряде городов проходят конкурентные «параллельные выборы» – от организованной олигархии или администраторов и от низов (общин), причем палата, проверяя выборы, сплошь и рядом утверждает оба состава. Города, утратившие по каким-то причинам избирательное право и забывшие о нем, вдруг его вспоминают, проводят изыскания в архивах старых хартий и даже иногда возвращают себе возможность избирать депутатов [Там же, с. 111, 129, 144, 186, 187, 195, 263, 264, 265, 271, 272, 278, 291, 292, 294, 297–302, 308, 309, 311, 315–319].

3. К. А. Кузнецов не согласен с представителями критического направления, считавшими парламент послушным инструментом в руках королевской власти. Он приводит примеры отстаивания палатой своих прав, сопротивления палаты общин, отказов выполнять даже королевские директивы, пишет об «оппозиции» короне [Там же, с. 114, 123–126, 267, 268, 239].

4. Очевидно, книга К. А. Кузнецова посвящена тем же сюжетам, о которых в 1980-х гг. будут писать Джон Грюнфельдер [Gruenfelder, 1981] и Марк Кишлэнски [Kishlansky, 1986]. Как бы ни хотелось К. А. Кузнецову видеть в риторике парламентариев рост демократизма, но подавляющее число собранных им казусов говорит о пассивности избирателей и предпринятости избраний или даже о фактических назначениях. Корона, королевские советники, должностные лица, влиятельные люди сплошь и рядом предписывают городам, кого им избирать, либо добывают для городов хартии для избрания своих людей [Кузнецов, 1915, с. 133, 136, 137, 177, 199–201, 218, 261–263, 267–273, 296]. Королевские советники и чиновники – очень часто члены нижней палаты [Там же, с. 162–172]. Патроны городов, они же, как правило, их благотворители, имеют одно из мест, принадлежащее городу, а выборщики просто утверждают номинантов [Там же, с. 230, 231, 236, 237, 263, 264]. Депутатские места удерживаются отдельными семьями и передаются по наследству [Там же, с. 197, 208, 301, 302]. Нередко депутатов избирают только городские советы [Там же, с. 178–181, 193, 230]. Приведены примеры рассылки городами пустых бланков, в которые патроны просто вписывают имена нужных людей [Там же, с. 266]. Повсеместно за городскими мэрами и рекордерами (протоколисты, судьи. – С. К.) городов закреплялись фактически депутатские звания. Иногда к ним добавляются шерифы графств [Там же, с. 118, 119, 160, 162, 163, 274–278, 283–289]. Часто депутатами становились «малолетки», имеющие именитых и влиятельных родителей [Там же, с. 208, 240–242, 312, 313]. В книге есть и другие примеры выборных манипуляций. Иначе говоря, приведенные кейсы часто говорят противоположное тому, что писал автор, а именно: в Англии Тюдоров и ранних Стюартов в целом (но при налицо исключений) имели место не выборы, а то, что М. Кишлэнски назвал позднее «парламентской селекцией» (parliamentary selection) [Kishlansky, 1986, p. 12], т. е. отношениями патроната – клиентелы и подтверждением имеющегося личного или группового превосходства и доминирования.

Вероятно, чувствуя шаткость своих построений, К. А. Кузнецов мало пользуется термином «оппозиция», поскольку тогда предстояло обнаружить организованную силу с программой, повсеместно старающуюся провести в парламент своих кандидатов, чего в то время просто не было.

Кроме упомянутых выше, книга К. А. Кузнецова содержит еще несколько ценных наблюдений, также опережающих время. К. А. Кузнецов, во-первых, задолго до основателя Кем-

бриджской школы исследователей политической мысли Джона Покока [Rosock, 1957] обратил внимание, что коммонеры, антиквары и юристы мыслят установками общего права, которое ведет начало с «незапамятных времен», «времен, лежащих по ту сторону памяти». Но оно подвергалось интерпретациям и меняло первоначальный смысл [Кузнецов, 1915, с. 184, 185, 194]. «Перед нами, – говорил К. А. Кузнецов во время защиты диссертации, – нация, которая <...> оборачивается без стыда на прошлое и свои новые требования стремится вложить в старые формулы» (Южный край, 1916, 12 окт., л. 4). Во-вторых, он упоминает, что политическое размежевание в тюдоровской и раннестюартовской Англии проходило между «двором и страной» [Кузнецов, 1915, с. 219], о чем позднее будут писать Хью Тревор-Ропер и Перец Загорин [Trevor-Roper, 1951, p. 45; Zagorin, 1969, p. 32].

К. А. Кузнецова отличало еще и то, что он специально отказался от марксизма и уже вошедшей в моду теории классовой борьбы. На его взгляд, политическая борьба, в том числе за более свободные конкурентные выборы, делила людей иначе. Как правило, одну и ту же позицию занимали лучшие и обычные люди графств и городов. По его мнению, размежевание происходило не по социальному признаку. Людей объединяло единство умонастроений, приверженность общим идеям и ценностям.

Видимым недостатком монографии была ее композиционная рыхлость, хаотичность и беспорядочность приводимых казусов, к некоторым из них автор обращался по несколько раз. В 1913 г. А. Н. Савин отмечал у К. А. Кузнецова трудолюбие, способности, литературную одаренность, умение «двигать исследование вперед» и тем «представлять немалый интерес для англичан». И одновременно он же писал о «возбуждении досады у компетентного читателя», называя кузнецовскую манеру писать «безостовной, беспочвенной, случайной, отрывочной <...> эскизной, капризной и полукритичной» [Савин, 2015, с. 342, 347].

В ходе защиты докторской диссертации К. А. Кузнецова в Императорском Харьковском университете, которая состоялась 9 октября 1916 г. (Южный край, 1916, 6, 12 окт.), оппонент профессор Н. И. Палиенко отметил, что избранная автором тема «сравнительно мало освещена в научной литературе», и высоко оценил привлеченный диссертантом архивный материал. Но, по его мнению, в диссертации явно преувеличен демократизм палаты общин в области избирательного права [Палиенко, 1916, с. 6, 7, 9] (Южный край, 1916, 12 окт., л. 4). Профессор А. Н. Фатеев назвал диссертацию К. А. Кузнецова о парламенте «последним словом науки» (Южный край, 1916, 12 окт., л. 4). Присутствующий при защите известный антиковед В. П. Бузескул счел необходимым выступить и подчеркнуть, что К. А. Кузнецов «подошел к теме как историк». «Мы, историки, – заключил он, – должны быть особенно благодарны за то, что К. А. Кузнецов такую тему разработал именно на основании источников, и теперь я выражаю всю радость и всю благодарность за это» (Южный край, 1916, 12 окт., л. 4).

Таким образом, очевидно, что написанная К. А. Кузнецовым диссертация, изданная в 1915 г. в Одессе в виде книги, учитывала все достижения англо-американской историографии и была лучшей для конца 1920-х – 1930-х гг. Сочиняя ее, он оставался в русле вигско-либеральной традиции, но значительно превосходил британских и американских историков по охвату исследуемого материала и постановке проблем. Думается, что Октябрьская революция, которая изолировала отечественных историков от мировой науки, а самого К. А. Кузнецова заставила сменить научный и исследовательский профиль, были основными причинами незаслуженного забвения и периферийности проведенного русским историком права исследования.

Получив степень доктора государственного права, К. А. Кузнецов продолжал преподавать в Новороссийском Императорском университете, на Одесских высших женских курсах⁸ и в Одесской консерватории, где читал лекции по истории, как писал сам, «преимущественно русской музыки»⁹. На юридическом факультете университета он всё больше отдавался фи-

⁸ ДАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 2756. Л. 7–8, 9 – 9 об.

⁹ АМГК. Дело Кузнецова Константина Алексеевича. Л. 9.

лософии права и настаивал на введении специализаций. Свои семинары он посвящал античной Греции и даже публиковал об этом специальные работы¹⁰. После Февральской революции 1917 г. историк принимает активное участие в общественной жизни Одессы. Он пишет и издает проект Конституции России [Кузнецов, 1917]. Сохранилось упоминание о том, что в конце 1917 г. он участвовал в написании Конституции Одессы¹¹. После Октябрьской революции он сотрудничает с Одесским Народным университетом (1917–1920) [Корнюш, 2015, с. 218]. В 1919 г. историк покидает Одессу и два года проводит у родителей в Новочеркасске¹². В 1921 г. К. А. Кузнецов переезжает в Москву и, навсегда оставив историю права и историю Англии, полностью отдается изучению и преподаванию истории музыки [Тетерина, 2020].

Список литературы

- Березкин А. В.** Историк государства и права Англии К. А. Кузнецов // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего Нового времени. СПб., 2005. Вып. 5. С. 147–156.
- Винокурова М. В.** А. Н. Савин // Портреты историков: Время и судьбы. Москва; Иерусалим, 2000. Т. 2. С. 143–154.
- Дмитриева О. В.** Парламент и политическая культура в Англии второй половины XVI – начала XVII в.: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2011. 1436 с.
- Кондратьев С. В.** Английская революция XVII в. М.: Академия, 2010. 192 с.
- Корнюш Г. В.** Внесок професора М. М. Ланге в організацію Одеського народного університету (1917–1920) // Збірник наукових праць «Педагогіка та психологія». Харків, 2015. Вип. 50. С. 213–221.
- Кузнецов К. А.** Английская палата общин при Тюдорах и Стюартах. Одесса: Тип. «Техник», 1915. XXIV + 320 с.
- Кузнецов К. А.** Новая русская конституция. Одесса: Акционер. Юж.-Рус. об-во печатного дела, 1917. Вып. 1: Проект организации высших государственных учреждений. 20 с.
- Малинов А. В.** Павел Гаврилович Виноградов: социально-историческая и методологическая концепция. СПб.: Нестор, 2005. 216 с.
- Медведев И. П.** Петербургское византиноведение. Страницы истории. СПб.: Алетей, 2006. 334 с.
- Палиенко Н. И.** Отзыв о диссертации К. А. Кузнецова «Английская палата общин при Тюдорах и Стюартах» // Зап. Харьк. ун-та. 1916. Кн. 4 [ч. офиц.]. С. 1–10.
- Савин А. Н.** Рец. Кузнецов К. А. Английская палата общин при Тюдорах и Стюартах. XXIV + 320. Одесса. 1915 // Исторические известия. 1916. № 1. С. 101–105.
- Савин А. Н.** Университетские дела. Дневник 1908–1917. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 524 с.
- Тетерина Н. И.** Историк права и историк музыки: К. А. Кузнецов (1883–1953) // Художественная культура. 2020. № 4. С. 426–457.
- Чудинов А. В.** История Французской революции: пути познания. М.: РОССПЭН, 2017. 282 с.
- Arel M. S.** English Trade and Adventure to Russia in the Early Modern Era: The Muscovy Company, 1603–1649. Lanham, Lexington Books, 2019, 349 p.
- Gruenfelder J. R.** Influence in Early Stuart Election, 1604–1640. Columbus, Ohio State Uni. Press. 1981, 282 p.
- History of Parliament: The House of Commons, 1604–1629. A. Thrush and John P. Ferris (eds.). Cambridge, Cambridge Uni. Press. 2010, vol. 1–6.

¹⁰ ДАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 2756. Л. 7–8.

¹¹ ДАОО. Ф. 153. Оп. 1, Д. 7. Л. 42.

¹² РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Д. 332. Л. 5, 8.

- Kishlansky M. A.** Parliamentary Selection: Social and Political Choice in Early Modern England. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 1986, 258 p.
- McIlwain Ch.** High Court of Parliament and its Supremacy. New Haven, Yale Uni. Press, 1910, 409 p.
- Notestein W.** Stuart Period: Unsolved Problems. In: Annual Report of the American Historical Association for the year 1916. Washington, 1919, pp. 389–399.
- Notestein W.** Winning of the Initiative by House of Commons. Oxford, Oxford Uni. Press, 1924, 53 p.
- Pockok J. G. A.** Ancient Constitution and the Feudal Law. A Study of English Historical Thought in 17th Century. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 1957, 261 p.
- Sommerville J.** House of Commons 1604–1629 by Andrew Thrush, John P. Ferris. *English Historical Review*, 2012, vol. 127, no. 529, pp. 1519–1524.
- Thompson Ch.** Review of The History of Parliament: The House of Commons 1604–1629. *Reviews in History*, 2011, no. 1129. URL: <https://reviews.history.ac.uk/review/1129> (дата обращения 05.03.2021).
- Trevor-Roper H.** Gentry, 1540–1640. London, Cambridge Uni. Press, 1953, 55 p.
- Tyacke N.** Collective Biography and the Interpretative Challenge of Early-Stuart Parliamentary History. *Parliamentary History*, 2013, vol. 32, pt. 3, pp. 531–554.
- Usher R. G.** Unsolved Legal and Institutional Problems in the Stuart Period. In: Annual Report of the American Historical Association for the year 1916. Washington, 1919, pp. 401–404.
- Wilkes D. E.** Habeas Corpus Proceedings in High Court of Parliament in the Reign of James I, 1603–1625. *American Journal of Legal History*, 2014, vol. 54, no. 2, pp. 200–263.
- Zagorin P.** Court and the Country: Beginning of the English Revolution. New York, Atheneum, 1970, 366 p.

Список источников

Южный край. 1916. 6, 12 окт.

References

- Arel M. S.** English Trade and Adventure to Russia in the Early Modern Era: The Muscovy Company, 1603–1649. Lanham, Lexington Books, 2019, 349 p.
- Berezkin A. V.** Istorik gosudarstva i prava Anglii K. A. Kuznetsov [Historian of State and Law of England K. A. Kuznezov]. In: Problemy sotsial'noi istorii i kul'tury srednikh vekov i rannego Novogo vremeni [Problems of Social History and Culture of Middle Ages and Early Modern Time]. St. Petersburg, 2005, iss. 5, pp. 147–156. (in Russ.)
- Chudinov A. V.** Istoriya Frantsuzskoi revolyutsii: puti poznaniya [History of the French Revolution: Ways of Learning]. Moscow, ROSSPEN, 2017, 282 p. (in Russ.)
- Dmitrieva O. V.** Parlament i politicheskaya kul'tura v Anglii vtoroi poloviny XVI – nachala XVII v. [Parliament and Political Culture in England of 2nd Half of 16th and Early 17th Century]. Dr. Hist. Sci. Diss. Moscow, 2011, 1436 p. (in Russ.)
- Gruenfelder J. R.** Influence in Early Stuart Election, 1604–1640. Columbus, Ohio State Uni. Press, 1981, 282 p.
- History of Parliament: The House of Commons, 1604–1629. A. Thrush and John P. Ferris (eds.). Cambridge, Cambridge Uni. Press, 2010, vol. 1–6.
- Kishlansky M. A.** Parliamentary Selection: Social and Political Choice in Early Modern England. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 1986, 258 p.
- Kondratiev S. V.** Angliiskaya revolyutsiya XVII v. [English Revolution of the 17th Century]. Moscow, Akademiya, 2010, 192 p. (in Russ.)

- Kornyush G. V.** Vnesok profesora M. M. Lange v organizatsiyu Odes'kogo narodnogo universitetu (1917–1920) [Contribution of Professor N. N. Lange to Organization of Odessa People's University (1917–1920)]. In: Zbirnik naukovikh prats' "Pedagogika ta psihologiya" [Collection of Scientific Works "Pedagogy and Psychology"]. Kharkov, 2015, iss. 50, pp. 213–221. (in Ukr.)
- Kuznetsov K. A.** Angliiskaya palata obshchin pri Tyudorakh i Styuartakh [Tudor and Stuart English House of Commons]. Odessa, Tipografiya "Tekhnika", 1915, XXIV + 320 p. (in Russ.)
- Kuznetsov K. A.** Novaya russkaya konstitutsiya [New Russian Constitution]. Odessa, Aktsionernoe Yuzhno-Russkoe obshchestvo pechatnogo dela, 1917, iss. 1: Proekt organizatsii vysshikh gosudarstvennykh uchrezhdenii [Project of Organizing High State Institutes], 20 p. (in Russ.)
- Malinov A. V.** Pavel Gavrilovich Vinogradov: sotsial'no-istoricheskaya i metodologicheskaya konseptsiya [Pavel Gavrilovich Vinogradov. His Socio-Historical and Methodological Concept]. St. Petersburg, Nestor, 2005, 216 p. (in Russ.)
- McIlwain Ch.** High Court of Parliament and its Supremacy. New Haven, Yale Uni. Press, 1910, 409 p.
- Medvedev I. P.** Peterburgskoe vizantinovedenie. Stranitsy istorii [St. Petersburg Byzantine Studies. Pages of History]. St. Petersburg, Aleteiya, 2006, 334 p. (in Russ.)
- Notestein W.** Stuart Period: Unsolved Problems. In: Annual Report of the American Historical Association for the year 1916. Washington, 1919, pp. 389–399.
- Notestein W.** Winning of the Initiative by House of Commons. Oxford, Oxford Uni. Press, 1924, 53 p.
- Palienko N. I.** Otzyv o dissertatsii K. A. Kuznezova "Angliiskaya palata obshchin pri Tyudorakh i Styuartakh" [Review on the Dissertation of K. A. Kuznezova "Tudor and Stuart English House of Commons"]. *Zapiski Khar'kovskogo universiteta* [Notes of the Kharkov University], 1916, iss. 4, pp. 1–10. (in Russ.)
- Pockok J. G. A.** Ancient Constitution and the Feudal Law. A Study of English Historical Thought in 17th Century. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 1957. 261 p.
- Savin A. N.** Rets. Kuznetsov K. A. Angliiskaya palata obshchin pri Tyudorakh i Styuartakh. XXIV + 320. Odessa. 1915 [Review on K. A. Kuznetsov "Tudor and Stuart English House of Commons". XXIV + 320. Odessa, 1915]. *Istoricheskie izvestiya* [Historical News], 1916, no. 1, pp. 101–105. (in Russ.)
- Savin A. N.** Universitetskie dela. Dnevnik 1908–1917 [University Proceedings. Diary 1908–1917]. Moscow; St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2015, 524 p. (in Russ.)
- Sommerville J.** House of Commons 1604–1629 by Andrew Thrush, John P. Ferris. *English Historical Review*, 2012, vol. 127, no. 529, pp. 1519–1524.
- Teterina N. I.** Istorik prava i istorik muzyki: K. A. Kuznezov (1883–1953) [Legal Historian and Music Historian: K. A. Kuznezov (1883–1953)]. *Khudozhestvennaya kul'tura* [Art and Culture Studies], 2020, no. 4, pp. 426–457. (in Russ.)
- Thompson Ch.** Review of The History of Parliament: The House of Commons 1604–1629. *Reviews in History*, 2011, no. 1129. URL: <https://reviews.history.ac.uk/review/1129> (accessed: 05.03.2021).
- Trevor-Roper H.** Gentry, 1540–1640. London, Cambridge Uni. Press, 1953, 55 p.
- Tyacke N.** Collective Biography and the Interpretative Challenge of Early-Stuart Parliamentary History. *Parliamentary History*, 2013, vol. 32, pt. 3, pp. 531–554.
- Usher R. G.** Unsolved Legal and Institutional Problems in the Stuart Period. In: Annual Report of the American Historical Association for the year 1916. Washington, 1919, pp. 401–404.
- Vinokurova M. V.** A. N. Savin. In: Portrety istorikov: Vremya i sud'by [Faces of Historians: Time and Destinies]. Moscow, Jerusalem, 2000, vol. 2, pp. 143–154. (in Russ.)
- Wilkes D. E.** Habeas Corpus Proceedings in High Court of Parliament in the Reign of James I, 1603–1625. *American Journal of Legal History*, 2014, vol. 54, no. 2, pp. 200–263.
- Zagorin P.** Court and the Country: Beginning of the English Revolution. New York, Atheneum, 1970, 366 p.

List of Sources

Yuzhnyi krai [South Region], 1916, Oct. 6, 12. (in Russ.)

Информация об авторе

Сергей Витальевич Кондратьев, доктор исторических наук, профессор
Scopus 57191985945
WoS N-8632-2016

Information about the Author

Sergey V. Kondratiev, Doctor of Sciences (History), Professor
Scopus 57191985945
WoS N-8632-2016

*Статья поступила в редакцию 18.03.2021;
одобрена после рецензирования 20.04.2021; принята к публикации 15.05.2021
The article was submitted 18.03.2021;
approved after reviewing 20.04.2021; accepted for publication 15.05.2021*

Научная статья

УДК 94(571.1)«1921»

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-8-113-123

Западно-Сибирское восстание 1921 года: забвение, изучение, мемориализация

Владимир Иванович Шишкин

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук

Новосибирск, Россия

patric@academ.org, <https://orcid.org/0000-0002-1462-4805>

Аннотация

В статье, приуроченной к столетнему юбилею Западно-Сибирского восстания 1921 г., анализируются основные результаты его освещения в российской историографии. Констатируется, что в советские времена восстание характеризовалось как контрреволюционный кулацко-белогвардейский мятеж. Такая тенденциозная интерпретация восстания обусловила его довольно быстрое забвение в общественном сознании. Показано, что за первые два постсоветских десятилетия исследователи ввели в научный оборот большой массив источников и сформулировали новую концепцию восстания. Они доказали, что восстание имело массовый антикоммунистический характер, а его главным лозунгом было требование восстановления подлинной Советской власти, но без коммунистов. В результате в обществе и во властных структурах произошли частичные изменения в осознании природы и сути восстания как подлинно народного выступления. Эти изменения нашли выражение в его мемориализации и в адекватных коммеморативных практиках.

Ключевые слова

Западно-Сибирское восстание, Сибирский крестьянский союз, историография, проблемы, концепция, мемориализация

Для цитирования

Шишкин В. И. Западно-Сибирское восстание 1921 года: забвение, изучение, мемориализация // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 8: История. С. 113–123. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-8-113-123

West Siberian Uprising of 1921: Oblivion, Study, Memorialization

Vladimir I. Shishkin

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Novosibirsk, Russian Federation

patric@academ.org, <https://orcid.org/0000-0002-1462-4805>

Abstract

The article is dedicated to commemorating the 100th anniversary of the 1921 West Siberian rebellion. It cut off Siberia, which was the main source of supplying food to Western Russia, from the European part of the country for almost three weeks. As a result, in late February – early March 1921, Soviet authorities found themselves on the brink of an abyss. In the Soviet period, this event was characterized as a major counter-revolutionary peasant rebellion, led by the underground Siberian Peasant Union, established by the Social Revolutionaries. This interpretation of the uprising contributed to its one-sided and, therefore, rather rapid oblivion and disappearance from public consciousness. The article highlights the names of the scholars who played a major role in debunking the Soviet myths about the West Sibe-

© Шишкин В. И., 2021

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 1: История. С. 113–123

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2021, vol. 20, no. 1: History, pp. 113–123

rian rebellion. Modern researchers have proved that the West Siberian uprising was predominantly spontaneous and was triggered by a combination of reasons caused by politics and the activities of the Soviet authorities. It was anti-communist in nature and its main demand was the restoration of true Soviet power but without the communists. At the same time, nowadays a partial shift in terminology, as well as in public consciousness, related to the awareness of the nature and essence of the uprising, becomes more noticeable. The article traces the first signs of recognition of the importance that has been given not only to the tragic end of the West Siberian rebellion but also to its heroic beginning. This was evidenced by the appearance in several settlements of new memorials of the uprising.

Keywords

West Siberian uprising, Siberian Peasant Union, historiography, problems, concept, memorialization

For citation

Shishkin V. I. West Siberian Uprising of 1921: Oblivion, Study, Memorialization. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 8: History, pp. 113–123. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-8-113-123

Сто лет назад на значительной части Западной Сибири и Зауралья неожиданно для местных властей возникло несколько очагов антикоммунистических восстаний. Эти вооруженные выступления, каждое из которых охватывало, как правило, несколько волостей, имели разрозненный и локальный характер. Прежде всего они представляли серьезную угрозу для партийно-советского аппарата обьятых ими территорий. Однако областное партийно-советское, военное и чекистское руководство немедленно квалифицировало возникшие восстания как звенья одной цепи и как нечто единое целое, которому присвоило название «Западно-Сибирский мятеж». Такая подмена в оценке происходившего была осуществлена вполне сознательно для того, чтобы убедить находившуюся в столице верховную власть в серьезности масштабов и опасности событий. Областное начальство квалифицировало эту серию восстаний как крупный контрреволюционный кулацкий (кулацко-белогвардейский) мятеж, руководимый эсерами. Причем в центральной и местной партийно-советской периодической печати сведения о восстаниях сообщались скупые и в основном тенденциозные или недостоверные. Тем самым изначально была предпринята попытка вычеркнуть из памяти нескольких поколений сибиряков и зауральцев трагическую страницу их жизни.

Интерпретация повстанческого движения в Западной Сибири и в Зауралье как контрреволюционного кулацко-белогвардейского мятежа, возглавляемого эсерами, была сразу же поддержана правящей коммунистической партией и советской государственной властью. Она нашла воплощение в проводимой ими политике памяти, коммеморативных практиках, мемуаристике, в документальных и исследовательских публикациях.

Принципиально важно отметить, что с самого начала политико-идеологический каркас концепции Западно-Сибирского мятежа сформировали два крупных партийно-советских функционера. Одним из них был профессиональный революционер и суперпрофессиональный фальсификатор секретарь ЦК РКП(б) Е. М. Ярославский [1921], вторым – полномочный представитель ВЧК по Сибири И. П. Павлуновский [1922а; 1922б], за которым с 1919 г. тянулся шлейф преступлений, выражавшихся в искусственном создании и последующем разгроме не существовавших контрреволюционных организаций и заговоров. Названному тандему принадлежала идея приписать подготовку и руководство Западно-Сибирским мятежом так называемому Сибирскому крестьянскому союзу (СКС), который якобы создали и возглавили эсеры.

Во многом под влиянием публикаций Е. М. Ярославского и И. П. Павлуновского к началу 1960-х гг. в советской историографии сложилась довольно стройная и непротиворечивая концепция, объяснявшая происхождение, динамику и итоги Западно-Сибирского мятежа. Его основные причины в советской литературе объясняли слабостью местных органов диктатуры пролетариата, зажиточностью сибирского крестьянства и высоким удельным весом в его составе кулачества, организационно-политической деятельностью контрреволюции, якобы создавшей подпольный СКС, а также несоблюдением продработниками классового принципа и нарушением ими революционной законности при проведении разверсток. Эта концепция получила наиболее полное изложение в начале 1960-х гг. в книжке историка М. А. Богдано-

ва [1961], а два десятка лет спустя получила официальное признание на страницах крупнейшего и авторитетнейшего советского энциклопедического издания [Гражданская война..., 1983, с. 214–215].

Возрождение интереса к Западно-Сибирскому восстанию произошло в конце «перестройки», а своеобразный всплеск публикаторской активности о нем пришелся на 1990–2000-е гг.¹ В значительной мере этот энтузиазм был обусловлен проведением и изданием материалов всероссийской, международной и российско-казахстанской научных конференций, посвященных 75-летию [История крестьянства..., 1996], 80-летию [Государственная власть..., 2001] и 85-летию [Крестьянство..., 2006] Западно-Сибирского восстания. Конференции стимулировали интерес историков, краеведов, архивистов, писателей, журналистов Тюмени, Ишима, Екатеринбурга, Новосибирска, Омска, Кокчетова, Петропавловска к проблематике восстания.

На первых порах большинство публикаций о Западно-Сибирском восстании не отличались высоким качеством. Во многом такая ситуация объяснялась тем, что сначала интерес к восстанию в значительной мере носил конъюнктурный характер. Как правило, авторы плохо или поверхностно знали фактический материал о ходе повстанческих событий, ограничивались приведением общеизвестной или частной информации. Своими тезисами, статьями и документальными изданиями они мало способствовали расширению источниковой базы темы и ее объективной интерпретации. Вместе с тем появление большого количества публикаций о Западно-Сибирском восстании способствовало его мемориализации, но уже не только на формальном партийно-государственном уровне, как это было в советские времена. Началось возрождение памяти о трагедии 1921 г. в институтах гражданского общества, прежде всего в городах и селах, а также в семьях. Особенно важно, что в печати всё чаще виновниками нового раунда локальных конфликтов гражданской войны на территории Западной Сибири и Зауралья стали называть не участников восстания, а верховную и местную власть, ее наиболее рьяных исполнителей и нарушителей законности.

Параллельно стал нарастать прогресс в изучении Западно-Сибирского восстания. Уже в ряде публикаций 1990-х гг. достаточно четко прослеживалась ориентация нескольких исследователей на решение двух тесно взаимосвязанных задач: с одной стороны, на критический пересмотр ключевых положений советской историографии, с другой – на поиск новых ответов на центральные вопросы. Безусловным шагом вперед стало появление в 1990-е гг. серии публикаций, выполненных в «проблемном ключе» и четко ориентированных на решение конкретных исследовательских вопросов².

В первую очередь требовалось разобраться в достоверности сведений чекистов о СКС как организаторе и руководителе Западно-Сибирского восстания. В начале 1990-х гг. К. Я. Лагунов, А. А. Петрушин, Н. Г. Третьяков и В. И. Шишкин получили доступ и произвели анализ материалов архивно-следственных дел, содержащих сведения о так называемых «заговорах» и «подпольных организациях» корнета С. Г. Лобанова в Тюмени, о «Тобольском повстанческом центре», в действительности являвшемся группой (кружком) местных гимназистов во главе с 16-летним С. Долгановым – племянником Тобольского архиепископа Гермогена, и о «тайной организации» из шести человек, «поставившей себе целью свержение советской власти в гор. Ишиме и его уезде». В результате исследователи пришли к выводу, что имевшиеся в архивно-следственных делах материалы опровергают утверждения чекистов о принадлежности «раскрытых» ими организаций к СКС, об участии их членов в подготовке мятежа, а также о наличии в Тюменской губернии сети ячеек СКС [Шишкин, 1997б].

Безусловно, к числу важнейших проблем истории Западно-Сибирского восстания относился вопрос о его причинах. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. А. И. Васильев, А. А. Пет-

¹ В силу названного обстоятельства публикации последнего десятилетия в статье не рассматриваются.

² Наиболее полный список публикаций о Западно-Сибирском восстании на территории Тюменской губернии, вышедших в свет к концу 2000-х гг., приведен в библиографических указателях: [Неизвестная война..., 2001; Неизвестная война..., 2011].

рушин и С. А. Степанов главной причиной, заставившей тюменское крестьянство выступить с оружием в руках против коммунистов, назвали злоупотребления продовольственных работников. Принципиально иное мнение высказали И. В. Курышев и К. Я. Лагунов. Они считали, что мятеж являлся следствием сознательной провокации со стороны советских органов в целях последующего уничтожения наиболее самостоятельного и независимого слоя сибирского крестьянства. Однако тезис о злоупотреблениях продработников остался на уровне гипотезы, которую авторы не смогли подкрепить достаточным фактическим материалом. Что касается заявлений И. В. Курышева и К. Я. Лагунова, то в доказательство своих мнений авторы не привели абсолютно никаких сведений, что дает основание квалифицировать их как домысел.

В 1990-е гг. Н. Г. Третьяков и В. И. Шишкин выявили и ввели в научный оборот большой комплекс документов, характеризовавших общественно-политическую ситуацию в конце 1920 – начале 1921 г. в Тюменской губернии в целом и в Ишимском уезде в частности, который считался источником восстания. Благодаря этому они выяснили совокупность и структуру главных причин, побудивших местное население взяться за оружие: недовольство политикой центральных властей и деятельностью местных советских органов по проведению продразверсток, мобилизаций и осуществлению трудовых повинностей; нежелание властей считаться с реальными интересами и объективными возможностями крестьянства; возмущение населения методами осуществления советских мероприятий, злоупотреблениями и преступлениями сотрудников продовольственных органов. Непосредственным поводом к вооруженным выступлениям исследователи назвали объявление в середине января 1921 г. семенной разверстки и попытку ее проведения на большей части Тюменской губернии и в Курганском уезде Челябинской губернии, а также вывоз взятого в счет разверстки хлеба с внутренних ссыпных пунктов к линии железной дороги в целях его последующей отправки в центральную Россию [Третьяков, 1993; 1994а; Шишкин, 1998].

Н. Г. Третьяков и В. И. Шишкин пришли к выводу о том, что Западно-Сибирское восстание носило преимущественно стихийный характер. Но они не проследили механизм и динамику распространения повстанческого движения по территории Западной Сибири и Зауралья. Свою версию относительно того, как это происходило, высказал В. В. Московкин. Он заявлял, что люди «без колебаний брались за оружие, едва услышав о свержении ненавистной власти у соседей», и писал «о едином порыве», в котором якобы поднялись на борьбу против коммунистического режима десятки тысяч крестьян. «<...> Крестьянское восстание, – утверждал В. В. Московкин, – почти мгновенно распространилось на огромную территорию Западной Сибири. Воинские части не смогли сдержать мощного натиска восставших в границах Ишимского уезда только потому, что оно было поддержано подавляющим большинством зауральских крестьян». По мнению В. В. Московкина, в считанные дни контроль над Тюменской губернией со стороны советских властей «был утерян» [Московкин, 1998].

Нарисованная В. В. Московкиным картина абсолютно не соответствует действительности. Прежде всего она неверна потому, что основная масса населения не поддержала повстанцев, хотя многие им симпатизировали. У кого-то не хватило мужества, кто-то считал бессмысленным сопротивление, кто-то питал иллюзию, что произвол вершат местные власти вопреки высшему начальству. В. В. Московкин игнорировал тот факт, что большинство коммунистов, советских работников, сотрудников милиции, продработников, колхозников приняло активное участие в подавлении восстания. Иначе говоря, никакого «единого порыва» в крестьянстве не было. На самом деле разные люди продемонстрировали к мятежу и его участникам различное отношение.

Безусловно, важной проблемой, характеризующей Западно-Сибирское восстание, является численность его участников. В советской и постсоветской литературе неоднократно приводились оценки общей численности западносибирских повстанцев, причем в последнее время всё чаще называлась цифра в 100 тыс. чел. [Гражданская война..., 1983, с. 215; Очерки исто-

рии..., 1994, с. 169; Петрова, 2011, с. 31]. Однако считать эту цифру достоверной и сколько-нибудь обоснованной нельзя. Она в буквальном смысле слова была взята «с потолка».

Первую специальную попытку разобраться в данном вопросе предпринял Н. Г. Третьяков. Из-за отсутствия сведений о численности повстанцев в их собственных документах он был вынужден обратиться к документам советских военных органов управления, принимавших участие в подавлении мятежа. Н. Г. Третьяков проделал критический анализ имевшихся в его распоряжении источников и пришел к выводу, что они довольно противоречивы. Ему удалось выявить восемь самых крупных повстанческих группировок, существовавших во второй половине февраля – марте 1921 г. Исследователь пришел к выводу, что их количество составляло не менее 40 тыс. чел. [Третьяков, 1994а, с. 17; 1994б].

По нашему мнению, эта цифра серьезно занижена. Дело в том, что Н. Г. Третьяков пользовался далеко не всеми и не самыми надежными источниками, а только частью разведывательных и оперативных сводок и донесений советских военных органов, отложившихся в местных архивах. Он не работал с важнейшими оперативными и аналитическими документами органов военного управления, хранящимися в Российском государственном военном архиве. Между тем, по данным советского военного командования Сибири, которое не было склонно занижать количество повстанцев, суммарная величина только крупнейших повстанческих группировок в феврале – марте 1921 г. составляла не менее 50 тыс. чел. К тому же Н. Г. Третьяков не учитывал численность мятежников на всей повстанческой территории в течение всего времени боевых действий.

К числу ключевых проблем темы относятся общественно-политические взгляды повстанцев, их настроения и поведение. Эти вопросы нашли отражение в специальных статьях И. В. Курышева, Н. Г. Третьякова, В. И. Шишкина. В значительной мере ответы на них содержатся в руководящих повстанческих документах, в их воззваниях к населению, лозунгах. Совокупность названных источников, несмотря на их несовпадение и разногласия, не оставляет сомнения в том, что восстание имело антикоммунистический характер, а его главным лозунгом было требование восстановления подлинной Советской власти, но без коммунистов [Третьяков, 1996; Шишкин, 1996; Курышев, 2001].

Только первые шаги исследователи сделали в изучении политики Советской власти по отношению к повстанцам [Третьяков, 1998; Шишкин, 2006а; 2006б]. Но результаты проделанной работы позволяют сделать вывод о том, что для подавления Западно-Сибирского восстания коммунистический режим использовал весь имевшийся в его распоряжении арсенал средств. Главными из них на всём протяжении борьбы оставались военные и карательные меры, которые зачастую использовались в ущерб политическим методам. Выбор преимущественно силового варианта ликвидации восстания был обусловлен принципиальной позицией советского руководства, направленной на физическое уничтожение всех тех, кто пытался оказать ему вооруженное сопротивление. Жестокой расправой с повстанцами коммунистический режим дал исключительно суровый урок принявшему в нем участие местному населению. В результате страх перед Советской властью стал одной из определяющих черт менталитета переживших эти события крестьян и казаков, отличавшихся раньше независимым характером.

Медленно и фрагментарно осуществлялось изучение военной организации повстанцев и боевых действий между ними и советской стороной. В качестве наиболее значимых публикаций можно назвать только статьи В. А. Шулдякова и тезисы Н. Г. Третьякова. В. А. Шулдяков посвятил свои публикации боевым действиям в Кокчетавском уезде и рейду состоявшей из казаков и крестьян Петропавловского уезда повстанческой «Народной дивизии» («1-й Сибирской Народной дивизии») во главе с С. Г. Токаревым к китайской границе, до Каркаралинска. Н. Г. Третьяков кратко охарактеризовал заключительную фазу ликвидации повстанческого сопротивления в Тюменской губернии.

Серьезным шагом вперед стало обращение исследователей к изучению биографий людей, принимавших участие или оказывавших влияние на возникновение и ход Западно-Сибирско-

го восстания. Н. Г. Третьяков [1994б] первым описал формирование и состав руководящих органов повстанцев. Вслед за ним Н. Л. Проскурякова неоднократно обращалась к биографиям командиров повстанческих отрядов Ишимского уезда. Н. С. Григорьева, И. Л. Сикаченко и П. С. Шевченко, И. В. Курышев и В. Н. Меньшиков писали о командующем Сибирским фронтом повстанцев В. А. Родине. В свою очередь, А. С. Иваненко и В. И. Шишкин привели сведения о жизненном пути и деятельности Тюменского губпродкомиссара С. Г. Инденбаума, Н. Н. Скареднова – о командире Голышмановского отряда ЧОН. Г. Г. Пищике, А. А. Петрушин – об А. Е. Корякове, избранном профсоюзами Тобольска после оставления его большевиками председателем временного городского совета.

Итогом проделанной в 1990–2000-х гг. работы стали десятки новых документальных и исследовательских публикаций, в которых в научный оборот был введен новый фактический материал, сделаны промежуточные выводы по частным и конкретным вопросам. Важнейшим результатом этого труда стало формирование новой концепции Западно-Сибирского восстания [Шишкин, 1997а], публикация первых энциклопедических статей, в которых эта тема получила краткое, но точное освещение [Шишкин, 2009], и издание двух фундаментальных сборников документов (За Советы, 2000; Сибирская Вандея, 2001).

Нельзя не отметить, что лучшие статьи и документальные публикации Н. Г. Третьякова и В. И. Шишкина без разрешения авторов и с нарушением норм авторского права неоднократно переиздавались в популярных, научных и учебных изданиях, включая столичные (см., например: [Алешкин, Васильев, 2010, с. 452–483; Коркина слобода, 2016, с. 31–45; История Сибири, 2011, с. 190–214]). Безусловно, такое поведение издателей недопустимо и подлежит осуждению. В то же время тиражирование серьезных научных публикаций по истории Западно-Сибирского восстания способствовало мемориализации как самого события, так и его участников.

Одновременно не только в исторической среде, но и, как свидетельствует русский сегмент блогосферы [Бородин, 2014. С. 192], в обществе в целом сначала вырос интерес к истории Западно-Сибирского восстания, а потом произошел частичный сдвиг в осознании его природы и сути. Заметно изменилась используемая при его характеристике терминология. Вместо коммунистических ярлыков типа «мятеж», «мятежники», «бандиты» стали утверждаться такие самоназвания, как «восстание», «восстанцы», «повстанцы», «партизаны». Социальный состав участников восстания побуждает внести коррективу и в его название. Правильнее исключить из его названия «крестьянское», так как в рядах борцов против коммунистов были тысячи казаков, сельские и городские интеллигенты, служащие и обыватели, священники.

В постсоветский период возникло осознание важности не только трагического финала Западно-Сибирского восстания, но и его героического начала. Свидетельством тому стало появление в ряде населенных пунктов новых памятных знаков о восстании, в том числе на бывшей Базарной площади уездного города Ишима, где 10 февраля 1921 г. произошел бой между восставшими и красными [Крамор, 2013].

Напрашивается предложение прекратить дискредитировать Западно-Сибирское восстание, апеллируя к пушкинскому определению русско-китайского бунта, списанного с пугачевщины, как «бессмысленного и беспощадного». Да, Западно-Сибирское восстание было кровавым и беспощадным, но в ответ на коммунистическое насилие и террор. Однако его ни в коем случае нельзя назвать бессмысленным. Это была самозащита – единственный достойный выход из созданного коммунистическим режимом положения. Восставшие защищали свои семьи, детей, стариков и женщин, право на свободную жизнь. Они отстаивали не только честь и достоинство, но существовавшие десятилетиями общественные нормы и порядки.

Конечно, процесс переосмысления представлений и концепций о трагических событиях российской истории всегда происходил медленно, трудно и отнюдь не прямолинейно. За примерами далеко ходить не нужно. В начале текущего года на 100-летие Западно-Сибирского восстания откликнулся омский историк А. А. Штырбул, который воспроизвел каноническую коммунистическую версию 50-летней давности с ее главными трактовками и фаль-

сификациями [Штырбул, 2021]. Современная версия Западно-Сибирского восстания, учитывающая вклад большой группы исследователей, представлена в только что опубликованной общероссийской энциклопедии [Шишкин, 2021]. Смею надеяться, что по своей фактической достоверности и трактовке она точнее и объективнее большинства предыдущих публикаций передает суть произошедшей трагедии.

В настоящее время в Тюменской области тоже готовятся откликнуться на знаменательное событие. По свидетельству ученого секретаря «Ишимского музейного комплекса им. П. П. Ершова» Г. А. Крамора, предполагается издание антологии. Ее главная задача – дать панорамное представление о трагедии, произошедшей с крестьянством Западной Сибири в 1921 г., собрав для этого под одной обложкой работы, разрозненные по различным изданиям, зачастую малодоступным и ставшим библиографической редкостью.

Замысел хороший, но сложный для воплощения, поскольку в среди написанного много такого, от повторной публикации чего следовало бы категорически воздержаться. Хочется пожелать его инициаторам успеха в столь трудном предприятии.

Список литературы

- Алешкин П. Ф., Васильев Ю. А.** Крестьянская война в России в условиях политики военного коммунизма и ее последствий (1918–1922 гг.). М.: Голос-Пресс, 2010. 576 с.
- Богданов М. А.** Разгром западносибирского кулацко-эсеровского мятежа 1921 г. Тюмень: Тюм. кн. изд-во, 1961. 112 с.
- Бородин Д. Ю.** Роль интернет-ресурсов в формировании образов Западно-Сибирского восстания 1921 г. (на материалах Рунета) // Люди и тексты. Исторический альманах. Информационное пространство истории. М., 2014. С. 189–226.
- Государственная власть и российское (сибирское) крестьянство в годы революции и гражданской войны. Ишим: Изд-во ИГПИ им. П. П. Ершова, 2001. 148 с.
- Гражданская война и интервенция в СССР: Энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 703 с.
- История крестьянства Урала и Сибири в годы гражданской войны: Тез. докл. Всерос. науч. конф., посвящ. 75-летию Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г. Тюмень, 1996. 73 с.
- История Сибири. Хрестоматия: Учеб. пособие / Сост. Г. А. Порхун, Е. Е. Воложанина, К. Ю. Воложанин; под общ. ред. Г. А. Порхун, Е. Е. Воложаниной. М.: ФЛИНТА, 2011. 296 с.
- Коркина слобода. Ишим: Изд-во ИГПИ им. П. П. Ершова, 2016. Вып. 13. 224 с.
- Крамор Г. А.** Памятники Западно-Сибирского крестьянского восстания в Ишиме // Наследие Тюменской области. 2013. № 1 (3). С. 33–36.
- Крестьянство восточных районов России и Казахстана в революциях и гражданской войне (1905–1921 гг.): Сб. науч. ст. Ишим: Изд-во ИГПИ им. П. П. Ершова, 2006. 374 с.
- Курышев И. В.** Крестьянское восстание 1921 года в Ишимском уезде: облик и поведение участников // Коркина слобода. Ишим, 2001. Вып. 3. С. 22–35.
- Московкин В. В.** Восстание крестьян в Западной Сибири в 1921 году // Вопросы истории. 1998. № 6. С. 52–57.
- Неизвестная война. К 80-летию крестьянского восстания в Тюменской губернии: Каталог книжной выставки. Тюмень, 2001. 15 с.
- Неизвестная война. К 90-летию крестьянского восстания в Тюменской губернии (библиографический указатель). Тюмень, 2011. 27 с.
- Очерки истории Тюменской области. Тюмень: ИПП «Тюмень», 1994. 269 с.
- Павлуновский И.** Обзор бандитского движения по Сибири с декабря 1920 г. по январь 1922 г. Новониколаевск: Изд. Полномочного представительства ВЧК по Сибири, 1922а. 79 с.
- Павлуновский И.** Сибирский крестьянский союз // Сибирские огни. 1922б. № 2. С. 124–131.

- Петрова В. П.** Чему учит история Сибирского восстания // Западно-Сибирское крестьянское восстание 1921 года. Материалы Дня истории (15 февраля 2001 г.). Тюмень, 2011. С. 28–33.
- Третьяков Н. Г.** К вопросу о возникновении Западно-Сибирского восстания 1921 г. // Роль Сибири в истории России. Бахрушинские чтения 1993 г. Новосибирск, 1993. С. 84–91.
- Третьяков Н. Г.** Западно-Сибирское восстание 1921 года: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1994а. 22 с.
- Третьяков Н. Г.** Состав руководящих органов Западно-Сибирского восстания 1921 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 1994б. № 2. С. 21–25.
- Третьяков Н. Г.** К вопросу о политической направленности Западно-Сибирского восстания 1921 г. (отношение повстанцев к советам) // История крестьянства Урала и Сибири в годы гражданской войны: Тез. докл. Всерос. науч. конф., посвящ. 75-летию Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г. Тюмень, 1996. С. 64–66.
- Третьяков Н. Г.** Из истории ликвидации Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г. (красный бандитизм) // Тоталитаризм в России (СССР) 1917–1991 гг.: оппозиции, репрессии: Материалы науч.-практ. конф. Пермь, 1998. С. 17–19.
- Шишкин В. И.** К характеристике общественно-политических настроений и взглядов участников Западно-Сибирского мятежа 1921 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 2. С. 55–62.
- Шишкин В. И.** К вопросу о новой концепции истории Западно-Сибирского восстания 1921 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 1997а. № 2. С. 46–54.
- Шишкин В. И.** К вопросу о роли Сибирского крестьянского союза в подготовке Западно-Сибирского мятежа 1921 года // Сибирь на рубеже XIX–XX веков. Новосибирск, 1997б. С. 88–96.
- Шишкин В. И.** Западно-Сибирский мятеж 1921 г.: обстоятельства и причины возникновения // Социокультурное развитие Сибири XVII–XX вв. Бахрушинские чтения 1996 г.: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1998. С. 91–99.
- Шишкин В. И.** Ишимский судебный процесс (22–28 февраля 1921 г.) // Крестьянство восточных районов России и Казахстана в революциях и гражданской войне (1905–1921 гг.): Сб. науч. ст. Ишим, 2006а. С. 233–252.
- Шишкин В. И.** Политика Советской власти по отношению к повстанцам Западной Сибири в 1921 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2006б. № 2. С. 6–15.
- Шишкин В. И.** Западно-Сибирский мятеж // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 1. С. 582–584.
- Шишкин В. И.** Западно-Сибирское восстание // Россия в Гражданской войне 1918–1922. М., 2021. С. 805–807.
- Штырбул А. А.** Сибирская трагедия 1921 года: восстание, которого могло не быть // Национальные приоритеты России. 2021. № 1 (40). С. 19–27.
- Ярославский Е.** О крестьянском союзе // Вестник агитации и пропаганды. 1921. № 11–12. С. 2–12.

Список источников

- За Советы без коммунистов: Крестьянское восстание в Тюменской губернии. 1921: Сб. док. / Отв. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2000. 744 с.
- Сибирская Вандея. 1920–1921. Документы: В 2 т. / Отв. ред. В. И. Шишкин. М.: Международный фонд «Демократия», 2001. Т. 2. 776 с.

References

- Aleshkin P. F., Vasilyev Yu. A.** Krest'yanskaya voyna v Rossii v usloviyakh politiki voennogo kommunizma i ee posledstviy (1918–1922 gg.) [Peasant War in Russia under the Conditions of War Communism Policy and its Consequences (1918–1922)]. Moscow, Golos Press, 2010, 576 p. (in Russ.)
- Bogdanov M. A.** Razгром zapadnosibirskogo kulatsko-eserovskogo myatezha 1921 g. [The Defeat of the West Siberian Kulak-Socialist-Revolutionary Rebellion of 1921]. Tyumen, Tyumen Book Publ., 1961, 112 p. (in Russ.)
- Borodin D. Yu.** Rol' internet-resursov v formirovanii obrazov Zapadno-Sibirskogo vosstaniya 1921 g. (na materialakh Runeta) [The Role of Internet Resources in the Shaping Images of the West Siberian Uprising of 1921 (on the Materials of Runet)]. In: Lyudi i teksty. Istoricheskii al'manakh. Informatsionnoe prostranstvo istorii [People and Texts. Historical Almanac. Information Space of History]. Moscow, 2014, pp. 189–226. (in Russ.)
- Gosudarstvennaya vlast' i rossiiskoe (sibirskoe) krest'yanstvo v gody revolyutsii i grazhdanskoi voyny [State Power and the Russian (Siberian) Peasantry during the Years of the Revolution and Civil War]. Ishim, Ershov ISPI Press, 2001, 148 p. (in Russ.)
- Grazhdanskaya voyna i interentsiya v SSSR [Civil War and Intervention in the USSR]. Encyclopedia. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1983, 703 p. (in Russ.)
- Istoriya krest'yanstva Urala i Sibiri v gody grazhdanskoi voyny [The History of the Peasantry of the Urals and Siberia during the Civil War]. Abstracts of Papers for All-Russian Scientific Conference Dedicated to the 75th Anniversary of 1921 West Siberian Peasant Uprising. Tyumen, 1996, 73 p. (in Russ.)
- Istoriya Sibiri. Khrestomatiya [History of Siberia. Text Book]. Study Guide. Comp. by G. A. Porkhunov, E. E. Volozhanina, K. Yu. Volozhanin; eds. G. A. Porkhunov, E. E. Volozhanina. Moscow, FLINTA, 2011, 296 p. (in Russ.)
- Korkina Sloboda [Khorkin Village]. Ishim, Ershov ISPI Press, 2016, iss. 13, 224 p. (in Russ.)
- Kramor G. A.** Pamyatniki Zapadno-Sibirskogo krest'yanskogo vosstaniya v Ishime [Documents of the West Siberian Peasant Uprising in Ishim]. *Nasledie Tyumenskoi oblasti [Heritage of the Tyumen Region]*, 2013, no. 1 (3), pp. 33–36. (in Russ.)
- Krest'yanstvo vostochnykh raionov Rossii i Kazakhstana v revolyutsiyakh i grazhdanskoi voine (1905–1921 gg.) [The Peasantry of the Eastern Regions of Russia and Kazakhstan in Revolutions and Civil War (1905–1921)]. Collection of Scientific Papers. Ishim, Ershov ISPI Press, 2006, 374 p. (in Russ.)
- Kuryshchev I. V.** Krest'yanskoe vosstanie 1921 goda v Ishimskom uezde: oblik i povedenie uchastnikov [Peasant Uprising of 1921 in the Ishim District: The Image and Behavior of the Participants]. In: Korkina Sloboda [Khorkin Village]. Ishim, 2001, iss. 3, pp. 22–35. (in Russ.)
- Moskovkin V. V.** Vosstanie krest'yan v Zapadnoi Sibiri v 1921 godu [The Uprising of Peasants in Western Siberia in 1921]. *Voprosy istorii [Questions of History]*, 1998, no. 6, pp. 52–57. (in Russ.)
- Neizvestnaya voyna. K 80-letiyu krest'yanskogo vosstaniya v Tyumenskoi gubernii [Unknown War. For the 80th Anniversary of the Peasant Uprising in the Tyumen Province]. Catalogue of the Book Exhibition. Tyumen, 2001, 15 p. (in Russ.)
- Neizvestnaya voyna. K 90-letiyu krest'yanskogo vosstaniya v Tyumenskoi gubernii (bibliograficheskii ukazatel') [Unknown War. On the Occasion of the 90th Anniversary of the Peasant Uprising in the Tyumen Province (Bibliographic Index)]. Tyumen, 2011, 27 p. (in Russ.)
- Ocherki istorii Tyumenskoi oblasti [Essays on the History of the Tyumen Region]. Tyumen, IPP "Tyumen", 1994, 269 p. (in Russ.)
- Pavlunovsky I.** Obzor banditskogo dvizheniya po Sibiri s dekabrya 1920 g. po yanvar' 1922 g. [Review of the Banditry in Siberia from December 1920 to January 1922]. Novonikolaevsk, Izdatel'stvo Polnomochnogo predstavitel'stva VChK po Sibiri, 1922a, 79 p. (in Russ.)

- Pavlunovsky I.** Sibirskii krest'yanskii soyuz [Siberian Peasant Union]. *Sibirskie ogni* [Siberian Flames], 1922b, no. 2, pp. 124–131. (in Russ.)
- Petrova V. P.** Chemu uchit istoriya Sibirskogo vosstaniya [What Does the History of the Siberian Uprising Teach Us]. In: Zapadno-Sibirskoe krest'yanskoe vosstanie 1921 goda. Materialy Dnya istorii (15 fevralya 2001 g.) [West Siberian Peasant Uprising of 1921. Materials of the History Day (February 15, 2001)]. Tyumen, 2011, pp. 28–33. (in Russ.)
- Shishkin V. I.** K kharakteristike obshchestvenno-politicheskikh nastroyenii i vzglyadov uchastnikov Zapadno-Sibirskogo myatezha 1921 g. [Characterizing Social and Political Attitudes and Views of the Participants in the West Siberian Rebellion of 1921]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanitarian Sciences in Siberia], 1996, no. 2, pp. 55–62. (in Russ.)
- Shishkin V. I.** K voprosu o novoi kontseptsii istorii Zapadno-Sibirskogo vosstaniya 1921 g. [On the Question of a New Concept of the History of the West Siberian Uprising of 1921]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanitarian Sciences in Siberia], 1997, no. 2, pp. 46–54. (in Russ.)
- Shishkin V. I.** K voprosu o roli Sibirskogo krest'yanskogo soyuza v podgotovke Zapadno-Sibirskogo myatezha 1921 goda [On the Question of the Role of the Siberian Peasant Union in the Preparation of the West Siberian Rebellion of 1921]. In: Sibir' na rubezhe XIX–XX vekov [Siberia at the Turn of the 19th – 20th Centuries]. Novosibirsk, 1997, pp. 88–96. (in Russ.)
- Shishkin V. I.** Zapadno-Sibirskii myatezh 1921 g.: obstoyatel'stva i prichiny vozniknoveniya [West Siberian Rebellion of 1921: Circumstances and Causes of Outbreak]. In: Sotsiokul'turnoe razvitie Sibiri XVII–XX vv. Bakhrushinskie chteniya 1996 g. [Socio-Cultural Development of Siberia 17th – 20th Centuries. Bakhrushin Readings 1996]. Inter-University Collection of Scientific Works. Novosibirsk, 1998, pp. 91–99. (in Russ.)
- Shishkin V. I.** Ishimskii sudebnyi protsess (22–28 fevralya 1921 g.) [Ishim Trial (February 22–28, 1921)]. In: Krest'yanstvo vostochnykh raionov Rossii i Kazakhstana v revolyutsiyakh i grazhdanskoi voine (1905–1921 gg.) [Peasantry of the Eastern Regions of Russia and Kazakhstan in Revolutions and Civil War (1905–1921)]. Ishim, 2006, pp. 233–252. (in Russ.)
- Shishkin V. I.** Politika Sovetskoj vlasti po otnosheniyu k povstantsam Zapadnoi Sibiri v 1921 g. [The Policy of the Soviet Government in Relation to the Rebels of Western Siberia in 1921]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanitarian Sciences in Siberia], 2006, no. 2, pp. 6–15. (in Russ.)
- Shishkin V. I.** Zapadno-Sibirskii myatezh [West Siberian Rebellion]. In: Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri [Historical Encyclopedia of Siberia]. Novosibirsk, 2009, vol. 1, pp. 582–584. (in Russ.)
- Shishkin V. I.** Zapadno-Sibirskoe vosstanie [West Siberian Uprising]. In: Rossiya v Grazhdanskoi voine 1918–1922 [Russia in the Civil War 1918–1922]. Moscow, 2021, pp. 805–807. (in Russ.)
- Shtyrbul A. A.** Sibirskaya tragediya 1921 goda: vosstanie, kotorogo moglo ne byt' [Siberian Tragedy of 1921: The Uprising, Which Might Not To Be]. *Natsional'nye priority Rossii* [National Priorities of Russia], 2021, no. 1 (40), pp. 19–27. (in Russ.)
- Tretyakov N. G.** K voprosu o vozniknovenii Zapadno-Sibirskogo vosstaniya 1921 g. [On the Question of the Outbreak of the West Siberian Uprising of 1921]. In: Rol' Sibiri v istorii Rossii. Bakhrushinskie chteniya 1993 g. [The Role of Siberia in the History of Russia. Bakhrushin Readings 1993]. Novosibirsk, 1993, pp. 84–91. (in Russ.)
- Tretyakov N. G.** Zapadno-Sibirskoe vosstanie 1921 goda [West Siberian Uprising of 1921]. Abstract of Cand. Hist. Sci. Diss. Novosibirsk, 1994, 22 p. (in Russ.)
- Tretyakov N. G.** Sostav rukovodyashchikh organov Zapadno-Sibirskogo vosstaniya 1921 g. [The Composition of the Governing Bodies of the West Siberian Uprising of 1921]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanitarian Sciences in Siberia], 1994, no. 2, pp. 21–25. (in Russ.)
- Tretyakov N. G.** K voprosu o politicheskoi napravlenosti Zapadno-Sibirskogo vosstaniya 1921 g. (otnoshenie povstantsev k sovetam) [On the Question of the Political Orientation of the West Siberian Uprising of 1921 (the Attitude of the Rebels towards the Soviets)]. In: Istoriya krest'yanstva Urala i Sibiri v gody grazhdanskoi voiny [History of the Peasantry of the Urals

and Siberia during the Civil War]. Abstracts of Papers for All-Russian Scientific Conference Dedicated to the 75th Anniversary of 1921 West Siberian Peasant Uprising. Tyumen, 1996, pp. 64–66. (in Russ.)

Tretyakov N. G. Iz istorii likvidatsii Zapadno-Sibirskogo krest'yanskogo vosstaniya 1921 g. (krasnyi banditizm) [From the History of the Suppression of the West Siberian Peasant Uprising in 1921 (Red Banditry)]. In: Totalitarizm v Rossii (SSSR) 1917–1991 gg.: oppozitsii, repressii [Totalitarianism in Russia (USSR) 1917–1991: Oppositions, Repressions]. Proceedings of the Scientific Conferences. Perm, 1998, pp. 17–19. (in Russ.)

Yaroslavsky E. O krest'yanskom soyuze [About the Peasant Union]. *Vestnik agitatsii i propagandy* [Bulletin of Agitation and Propaganda], 1921, no. 11–12, pp. 2–12. (in Russ.)

List of Sources

Sibirskaya Vandeya. 1920–1921. Dokumenty [Siberian Vendee. 1920–1921. The Documents]. In 2 vols. V. I. Shishkin (ed.). Moscow, Mezhdunarodnyi fond “Demokratiya”, 2001, vol. 2, 776 p. (in Russ.)

Za Sovety bez kommunistov: Krest'yanskoe vosstanie v Tyumenskoi gubernii. 1921 [For Soviets without Communists: Peasant Uprising in Tyumen Province. 1921]. Collection of Documents. V. I. Shishkin (ed.). Novosibirsk, Sibirskii khronograf, 2000, 744 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Владимир Иванович Шишкин, доктор исторических наук
Scopus 57189424846
WoS H-5627-2016

Information about the Author

Vladimir I. Shishkin, Doctor of Sciences (History)
Scopus 57189424846
WoS H-5627-2016

Статья поступила в редакцию 29.04.2021;
одобрена после рецензирования 11.06.2021; принята к публикации 25.06.2021
The article was submitted 29.04.2021;
approved after reviewing 11.06.2021; accepted for publication 25.06.2021

Научная статья

УДК 281.93 + 291.6(571.15)«1922–1923»

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-8-124-137

Богослужение обновленческого митрополита Антонина (Грановского) глазами православного духовенства и монашества

Станислав Геннадьевич Петров

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук

Новосибирск, Россия

petrov_istochnik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9842-3316>

Аннотация

Вводится в научный оборот и публикуется оригинальный текст доклада настоятельницы, духовенства и старших монахинь московского Страстного девичьего монастыря патриарху Тихону о богослужении обновленческого митрополита Антонина (Грановского) и других раскольничьих лидеров в соборе обители в сентябре 1922 г. Сделан вывод о том, что публикуемый источник отражает наиболее острую фазу конфликта между обновленческим митрополитом Антонином и возглавлявшим группу «Живая церковь» священником В. Д. Красницким, приведшего к расколу в обновленчестве и появлению новых раскольничьих групп. Освещены основные вехи жизненного пути главного фигуранта доклада владыки Антонина (Грановского). Отмечены имевшие место в историографии попытки ввести в научный оборот и опубликовать этот исторический источник.

Ключевые слова

Русская православная церковь, обновленческий раскол, патриарх Тихон, епископ Антонин (Грановский), «Живая церковь», священник В. Д. Красницкий, московский Страстной монастырь

Для цитирования

Петров С. Г. Богослужение обновленческого митрополита Антонина (Грановского) глазами православного духовенства и монашества // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 8: История. С. 124–137. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-8-124-137

Church Service of the Renovationist Metropolitan Antonin (Granovsky) through the Eyes of the Orthodox Clergy and Monasticism

Stanislav G. Petrov

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Novosibirsk, Russian Federation

petrov_istochnik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9842-3316>

Abstract

One of the difficult subjects in the history of the Renovationist schism in the Russian Orthodox Church is considered – the irreconcilable conflict between the leaders of the schismatic Supreme Church Administration in the first months of its work. It resulted in scandalous forms of public non-recognition of each other in the course of joint church services and ordinations of new renovationist bishops. For the first time, the article introduces the study outcomes and publishes the original text of the report of the abbess, clergy and senior nuns of the Moscow Passionate Monastery to Patriarch Tikhon on the church service of the Renovationist Metropolitan Antonin (Granovsky) and other schismatic leaders in the monastery cathedral in September 1922. The handwritten original of the report is kept in the Russian State Historical Archive in St. Petersburg, in the collection of the office of Patriarch Tikhon and the Holy Synod. It is sug-

© Петров С. Г., 2021

gested, which requires further confirmation, that its text was written by the hand of the monastery archpriest Theodore Aleksinsky, the holy new martyr of the Russian Orthodox Church. The article concludes that the published source reflects the most acute phase of the conflict between the Renovationist Metropolitan Antonin and the priest V. D. Krasnitsky, which led to a split in Renovationism and the emergence of new schismatic groups. It highlights the most significant milestones in the life of the main person mentioned in the report of the Renovationist Metropolitan Antonin (Granovsky). It also observes the attempts to introduce and publish this historical source that have taken place in historiography before. This article publishes the report taking into account the modern scientific norms of archeography.

Keywords

Russian Orthodox Church, renovationist schism, Patriarch Tikhon, Bishop Antonin (Granovsky), "Living Church", priest V. D. Krasnitsky, Moscow Passion Monastery

For citation

Petrov S. G. Church Service of the Renovationist Metropolitan Antonin (Granovsky) through the Eyes of the Orthodox Clergy and Monasticism. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 8: History, pp. 124–137. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-8-124-137

О лидерах обновленческого раскола в Православной российской церкви сохранилось немало различных свидетельств и воспоминаний современников, очевидцев их служебной и частной жизни. Будучи в своих мыслях и действиях людьми неординарными, если не сказать экстравагантными, они неизменно привлекали внимание к себе тех, кто оказывался с ними рядом. Исключением не был и глава схизматиков в 1922–1923 гг., председатель обновленческого Высшего церковного управления (ВЦУ), а затем и Высшего церковного совета (ВЦС), организатор и лидер группы «Союз церковного возрождения» епископ Антонин, в миру Александр Андреевич Грановский (1865–1927) [Левитин, Шавров, 1996. С. 30–31] ¹.

В этой статье и еще в одной, уже подготовленной к сдаче в печать, публикуются возникшие в московской церковной среде исторические источники, в которых освещаются особенности богослужебной практики этого архиерея в период его карьерного взлета в обновленчестве, когда он возглавлял высшие раскольничьи органы. Бесспорная ценность их в том, что все они являются свидетельствами очевидцев, которые непосредственно присутствовали на богослужениях обновленческого владыки, а некоторые даже принимали в них участие.

В данной работе вводится в научный оборот и издается оригинальный текст документа, имеющего название «почтительнейший доклад» и подписанного монахинями и духовенством московского Страстного девичьего монастыря. Под докладом стоят подписи настоятельницы игумении Нины (Закатовой), казначеи монахини Херувимы (Куликовой), монахини Таисии и протоиереев Ф. Н. Алексинского, П. И. Соколова, В. Н. Сергиевского, диакона Ф. А. Попова. Данный документ – разновидность делопроизводственной церковной документации. Он составлялся как своеобразный отчет перед патриархом Тихоном о происшедших событиях в жизни монастыря во время нахождения предстоятеля Православной российской церкви под арестом с мая 1922 по июнь 1923 г. Доклад был получен адресатом, который своей рукой проставил на нем дату. Сохранился он в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в Петербурге, в фонде канцелярии патриарха Тихона и Священного синода ².

В литературе, еще с советского времени, служебной и личной биографии епископа Антонина уделено достаточно внимания, чтобы еще раз говорить о ней ³ [Левитин, Шавров, 1996, с. 25–28, 531–617; Цыпин, Иннокентий (Павлов), 2001; Лавринов, 2016, с. 117–118]. Напомню кратко только основные вехи его церковной и общественно-политической деятельности.

¹ См. также: (Проханов, 1992, с. 207–209; Бонуа, 1993, с. 291; Евлогий (Георгиевский), 1994, с. 99–101; Волков, 2000, с. 200–202; Арсений (Стадницкий), 2015, с. 64–69, 171–172, 185–187, 190–191; 2019, с. 17–19, 26, 27, 31, 32, 36, 39–41, 45, 46, 52, 58, 67, 68, 82, 115, 120, 137, 143–145, 200, 201, 219, 220).

² РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 197. Л. 219 – 222 об.

³ Федосеев А., протоиерей. Антонин Грановский и обновленчество. URL: <http://forum.rusbeseda.org/index.php?topic=13786.0> (дата обращения 24.12.2020); Каверин Н. Обновленческий епископ Антонин Грановский: Краткий биографический очерк. URL: <http://www.blagagon.ru/biblio/385/> (дата обращения 14.01.2021) и др.

Выходец из семьи сельского диакона на Полтавщине, исключительно одаренный от природы, будущий епископ Антонин успешно прошел курс обучения в Полтавской духовной семинарии и Киевской духовной академии. В стенах последнего учебного заведения в 1890 г. его постригли в монашество и возвели в сан иеромонаха. Здесь же началась его служебная деятельность в качестве помощника инспектора. Вершиной карьеры в сфере церковного образования стала для него должность ректора духовной семинарии в Благовещенске.

В 1899 г. в сане архимандрита Антонин оказался в Петербурге на посту цензора в духовно-цензурном комитете. Как говорили современники, перемещением в столицу он был обязан покровительствовавшему ему петербургскому митрополиту Антонию (Вадковскому). Несмотря на все странности характера и повышенную конфликтность, ему прощалось многое благодаря его исключительным способностям и знаниям. Его реконструкция на основе текстов на древних языках Книги пророка Варуха, за которую он получил степень магистра богословия, до сих пор характеризуется как ценная работа в истории библеистики.

В 1903 г. Антонин был хиротонисан в епископа Нарвского, викария столичной епархии. Он участвовал в работе Петербургских религиозно-философских собраний. В годы Первой русской революции требовал уничтожения цензуры и полной свободы печати, внес самовольные изменения в титул императора в формуле его поминовения. В 1908 г. был отправлен на покой. В 1913 г. назначен правящим архиереем во Владикавказскую и Моздокскую епархию, однако в начале 1917 г. по болезни вновь уволен на покой. Местом его пребывания стал московский Богоявленский монастырь. При большевиках он оказался в крайней нужде, нищенствовал. На богослужениях Антонин стал вводить литургические новшества, но в конце 1921 г. его новаторское священнослужение было запрещено патриархом Тихоном.

Весной 1922 г. заштатного архиерея, видимо, решили использовать в предложенном Л. Д. Троцким и одобренном высшим политическим руководством страны обновленческом расколе Православной российской церкви. В мае 1922 г., после отстранения чекистами от власти патриарха Тихона, епископ Антонин встал во главе высших церковных органов обновленцев, которые с небольшими перерывами возглавлял до конца июня 1923 г. Уже в августе 1922 г. он вступил на столичную архиерейскую кафедру архиепископом Крутицким, а затем и митрополитом Московским.

В том же августе 1922 г. в ходе всероссийского съезда «Живой церкви» начался острый затяжной конфликт епископа Антонина с главой этой обновленческой группы священником В. Д. Красницким, приведший к созданию раскольного «Союза церковного возрождения» во главе с мятежным архиереем. Во второй половине сентября Антонин заявил об окончательном разрыве с живоцерковниками и своем выходе из Высшего церковного управления (ВЦУ). Красницкий освободил его от всех должностей и просил ГПУ выслать ставшего «знаменем контрреволюции» архиерея из Москвы. Однако кризис среди лидеров обновленческого раскола был кратковременным, в октябре 1922 г. Антонин вернулся на пост председателя уже коалиционного ВЦУ, состоявшего из представителей трех обновленческих групп – «Живой церкви», «Союза церковного возрождения» и «Союза общин древлеапостольской церкви».

Но в конце июня 1923 г. его все-таки окончательно освободили от всех постов и отправили на покой. В созданную в августе 1923 г. единую обновленческую Церковь Антонин и его «Союз церковного возрождения» не вошли, как, впрочем, и Красницкий со своей «Живой церковью». Находясь во главе малочисленной обновленческой группы, Антонин продолжил самочинные литургические реформы и импровизации. Священным синодом единой обновленческой Церкви он был запрещен в священнослужении. А в апреле 1924 г. и патриарх Тихон запретил его в священнослужении с дальнейшим преданием церковному суду. Пока позволяло здоровье, он зарабатывал на жизнь разрешенными властью гастрольными турне по стране с лекциями и диспутами.

Публикуемый документ отражает период остроконфликтных отношений между епископом Антонином и священником Красницким в августе – сентябре 1922 г.: сразу же после

разрыва архиерея-реформатора с «Живой церковью» и создания собственного «Союза церковного возрождения», накануне публичного демарша – выхода из обновленческого ВЦУ.

Нельзя сказать, что публикуемый документ совсем не известен исследователям. В выполненную в конце 1990-х гг. студентом Санкт-Петербургской духовной академии В. Лихачевым учебную работу были включены обширные приложения, представлявшие собой выборочные перечни документов из архивных дел фонда канцелярии патриарха Тихона и Священного синода в РГИА. Тексты этих документов передавались составителем в пересказе, с воспроизведением отдельных фрагментов и обязательным указанием архивных шифров. Их выложили в Интернет, и они стали доступны широкой аудитории ⁴.

В данных перечнях публикуемый источник – доклад настоятельницы, духовенства и старших инокинь московского Страстного девичьего монастыря – представлен кратким пересказом, причем существенная его часть заключена составителем в кавычки. Однако закавыченный текст не является цитатой из документа, это всё тот же свободный пересказ публикуемого источника. Не совсем точно приведены и те, от имени которых доклад был отправлен патриарху Тихону: только игуменья Нина и безымянный духовник Страстного монастыря. В приведенном архивном шифре не указан оборот последнего листа доклада, как раз с формулами подписей. Не определена и отсутствующая в документе дата ⁵.

Приложения из курсового сочинения петербургского студента В. Лихачева оказались востребованными у других исследователей. Используя его пересказы и цитаты, часть из них не ссылаясь ни на саму учебную работу, ни на электронный ресурс, а указывала заимствованные ими шифры архивного хранения источников, которые они использовали в своих исследованиях [Митрофан (Шкурин), 2006, с. 120–123; Сафонов, 2013, с. 337, 352, 353, 371, 374–376, 384, 401, 402, 410, 412, 413, 419–422, 424–426, 428, 433, 434, 436–440, 442, 443, 464–466, 469, 471]. В силу отмеченных выше особенностей учебной работы В. Лихачева эти исследователи цитировали нередко в качестве подлинных текстов вольные их пересказы составителя перечней, давали искаженные архивные ссылки и повторяли его неточности.

Публикуемый в настоящей работе доклад не стал исключением ⁶, причем, помимо несуществующего его текста и прочих ошибок, в литературе приводятся зачастую сведения, которых нет в данном источнике. Например, утверждается, что в этом докладе речь идет о поставлении не вдового протоиерея К. Ф. Запрудского в обновленческого епископа Витебского с именем Константин, а вдового протоиерея И. И. Чанцева во владыку с именем Иоанникий (на самом деле к тому времени он был уже обновленческим архиереем и сам участвовал в этой хиротонии) ⁷.

Еще в советское время события, изложенные в докладе, получили достаточно подробное освещение у А. Э. Левитина, В. М. Шаврова и А. И. Кузнецова на основе заявлений живоцерковников в ВЦУ о скандальном обновленческом богослужении и хиротонии в Страстном монастыре в начале сентября 1922 г. Эти документы были напечатаны в статье «Поповская ссора» в еженедельнике «Наука и религия» в сентябре 1922 г. Публикуемый доклад позволяет сопоставить разные источники информации и не только уточнить, но и более объемно представить уже существующую в литературе версию происходивших там событий [Левитин, Шавров, 1996, с. 131–133; Кузнецов, 2002, с. 271, 272; Шиленок, 2006, с. 153].

Как видим, публикация этого источника с соблюдением академических эдичионных норм является одной из актуальных задач в изучении истории обновленческого раскола в Право-

⁴ Лихачев В. Положение и состояние Русской Православной Церкви в 1918–1924 гг. (по материалам архивного фонда канцелярии Святейшего Патриарха Тихона и Священного Синода). Курсовое сочинение. СПбДА, 1999. Ч. 2. URL: https://web.archive.org/web/20160305213835/http://korolev.msk.ru/books/dc/Rpc22y_1913289.html (дата обращения 28.02.2021).

⁵ Там же.

⁶ Сафонов Д. Святитель Иларион (Троицкий) и обновленческий раскол в Русской Православной Церкви. Статья 1. URL: <http://www.pravoslavie.ru/33329.html> (дата обращения 24.12.2020); Запрудский, Константин Фёдорович. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Запрудский,_Константин_Фёдорович (дата обращения 24.12.2020).

⁷ Сафонов Д. Святитель Иларион (Троицкий)...

славной российской церкви. Доклад из Страстного монастыря написан в соответствии с новыми письменными нормами языка, хотя это не всегда удавалось соблюсти, особенно в окончаниях прилагательных и причастий в родительном падеже мужского и среднего рода единственного числа (-аго и -яго). Вполне вероятно, что текст доклада написан рукой одного из подписавших его священников – протоиерея Ф. Н. Алексинского.

В настоящей работе публикуемый документ издается с сохранением особенностей орфографии и пунктуации оригинала. Сокращенные слова, пропущенные буквы и не проставленные знаки препинания дописываются в квадратных скобках. Написание прописных и строчных букв оставлено без изменений. Воспроизводятся имеющиеся в тексте подчеркивания.

**Доклад настоятельницы, духовенства и старших монахинь
московского Страстного девичьего монастыря патриарху Московскому
и всея России Тихону (Беллаину) о конфликте между председателем обновленческого
Высшего церковного управления епископом Антонином (Грановским)
и главой группы «Живая церковь» священником В. Д. Красницким
во время богослужения в соборном храме обители
и участии в нем монастырского духовенства
[не позднее 26 июля 1923 г.]**

(л. 219) Его Святейшеству
Святейшему Патриарху Московскому и всея России Тихону

Настоятельницы, Священнослужителей и
старших сестер Московского Страстного
девичьего монастыря

почтительнейший доклад.

Почтительнейше повергаем на благоразсмотрение Вашего Святейшества сведения о событии, имевшем место в Страстном монастыре во дни 27 и 28 Августа прошлого 1922 годаⁱ. В эти дни в соборном храме Страстного монастыряⁱⁱ были совершены богослужения: 27 Августа – Всенощное бдение, 28 – Литургия и на ней архиерейская хиротония – епископами: Антонином, тогда именовавшимся Архиепископом Крутицким, и потом Митрополитом Московским, Серафимом Костромскимⁱⁱⁱ, Николаем (Федотовым) Богородским^{iv}, Николаем, викарием Екатеринославской епархии^v, Иоанникием (Чанцевым), викарием Московской епархии^{vi}, протоиереями В. Красницким^{vii}, Сергиевым^{viii} и др[угими]. Служение это[,] сопровождавшееся не малым соблазном для верующих, как это видно из нижеизложенных подробностей, явилось совершенно неожиданным, насильным вторжением тогдашних церковных администраторов в мирное течение монастырской жизни. Жизнь нашего монастыря протекала и протекает в границах строгой ортодоксии, без всякого уклонения в сторону «Живой Церкви»^{ix} или // (л. 219 об.) иных обновленческих групп, и ни со стороны монастырской администрации, ни со стороны духовенства вышеозначенное служение ничем не было вызвано.

Обстоятельства дела таковы:

Накануне начала злополучных событий, 26 Августа 1922 года к Настоятельнице монастыря, Игумении Нине^x в половине дня пришел человек, назвавший себя иподиаконом епископа Николая Богородского[,] и заявил, что по распоряжению Высшего Церковного Управления^{xi} в соборном храме Страстного монастыря назначены служения архиереями: епископом Николаем Богородским и Иоанникием Можайским при протоиереях Красницком и Сергееве –

в субботу – 27 Августа – всенощной и в воскресенье – 28 – Литургии. Протест игумении против этого непрошенного нашествия незваных гостей успеха не имел; посланным было заявлено, что в случае противодействия распоряжению В.Ц.У. храм будет закрыт. Тогда же и тем же, повидимому, посланным были расклеены на воротах и стенах монастыря объявления о предстоящем служении. Печальное положение, в котором оказался наш монастырь, еще более осложнилось на другой день: 27 Августа, в субботу уже вечером, перед всенощной явился к Игумении посланный от епископа Антонина, тогда возглавлявшего В.Ц.У., с извещением, что последний[.] узнав о назначенном В.Ц.У. без ведома его, председателя, архиерейском служении в ^а Страстном монастыре ^б, выразил решение сам совершить это служение и архиерейскую хиротонию, назначенную на 28 августа в храме Спасителя, произвести в Страстном монастыре. Попытки м[атери] Игумении отклонить от монастыря эту честь, грозящую безчестием, указанием на отсутствие у нас приспособлений, необходимых для служения собора архиереев (большой кафедры и под[обного]) оказались безуспешны. Между тем на // (л. 220) ограде и вратах монастыря и на дверях храма тем же лицом было наклеены новые объявления о предстоящем наутро служении епископа (поименованного, помнится, митрополитом) Антонина с целым сонмом епископов.

В свое время ко всенощному бдению (суббота 27 Августа) в соборный монастырский храм прибыли епископы: Николай, именовавшийся Богородским, и Николай, викарий Екатеринославский, протоиереи: Красницкий и Сергиев, протодиакон и др[угие] духовные лица. При участии прибывших всенощная и была совершена. Среди всенощной, по пропетии тропарей на «Бог Господь», протоиерей Сергиев (как оказалось потом[.] из Воронежа, бывший Законоучитель Гимназии) вышел произносить Слово к молящимся. Слово о[тца] Сергиева было посвящено вопросу о монашестве. Сделав историческую экскурсию в область древняго подвижничества, проповедник перешел к характеристике позднейшаго монашества, утратившаго, по его взгляду[.] первоначальный трудовой характер, под влиянием буржуазных слоев общества, и сделавшагося чуть не позорным явлением в жизни церкви. Переходя к современности, проповедник заявил, что группа «Живая Церковь» ставит своею задачею вернуть монашеству его первоначальный, трудовой характер. В этом месте проповеди, после упоминания о «[Живой Церкви]», проповедник был прерван громкими криками слушателей: «довольно, долой!» и под[обное]. Крики обратились в сплошной шум и гвалт. Проповедник пытался продолжить слово, но успеха не имел и должен был уйти с амвона[.] не закончив своей проповеди. По распоряжению епископа Николая певчие запели полиелейные псалмы и всенощная продолжалась и закончилась в дальнейшем без инцидентов.

Наутро, в воскресенье 28 Августа, в 9 часов утра // (л. 220 об.) в соборный храм монастыря прибыли, кроме совершавших накануне всенощную епископов Николая Богородскаго и Николая[.] викария Екатеринославскаго[.] и протоиереев Красницкаго и Сергиева, епископы: Антонин, Серафим Костромской, Иоанникий (Чанцев)[.] викарий Московский; прибыл и протоиерей Московскаго Калитниковскаго кладбища (вдовый) К. Запрудский ^{xii}, назначенный к хиротонии во епископа, как оказалось потом, Витебскаго. Ставленник имел вид человека нездорового, растерянного, находящагося в подавленном состоянии духа. В обычное время были совершены обряд архиерейскаго исповедания веры и рукоположение во епископа. Во время Литургии священнослужители оказались свидетелями крайне тяжелого инцидента[.] вспыхнувшего между первенствовавшим в служении еп[ископом] Антонином и протоиереями Красницким и Сергиевым: Когда по возгласе «возлюбим друг друга» прот[оиерей] Красницкий подошел к еп[ископу] Антонину для обычного лобзания и евхаристическаго приветствия, еп[ископ] Антонин громогласно заявил: «нет между нами Христа» и лобзания не дал. Прот[оиерей] Красницкий пытался погасить инцидент, просителью обращаясь: «Ваше Преосвященство, Ваше Преосвященство...». Но еп[ископ] Антонин остался непреклонен. То же было им заявлено и следовавшему за Красницким прот[оиерею] Сергие-

^{а-б} Вписано коричневыми чернилами над строкой со знаком вставки.

ву. Оба протоиерея[,] миновав, таким образом, первенствовавшего, пошли к другим епископам, от которых получили «Христос посреде нас»[,] и допущены [были] к лобзанию. Не лишним считаем заметить, что в конце литургии тот же еп[ископ] Антонин и тому же Красницкому вручил Чашу с[о] Св[ятыми] Дарами на возглас: «всегда, ныне и присно...».

По окончании литургии совершен был еп[ископом] Антонином обряд вручения жезла новопоставленному епископу Константину. Еп[ископ] Антонин приэтом // (л. 221) сказал очень пространную речь, в которой подверг жестокой критике группу «Живая Церковь» за проводимой ею в жизнь белый и даже брачный епископат, назвал руководителей группы людьми низкого нравственного уровня, лишенными понимания идеи жертвенности, упомянул о безтактном выступлении члена группы прот[оиерея] Сергиева накануне за всенощной в монастырском храме с критикой монашества, внушал новопоставленному епископу, что его белое положение «епископа без мантии» не дает ему права «пить и курить». Имея ввиду служение нового епископа в западном краю, еп[ископ] Антонин заговорил о католичестве, и его дисциплине, высоко оценил католический целибат, как жертву Богу «от юности своя»[,] и пр[очее]. Кончив речь и вручив жезл, еп[ископ] Антонин удалился в алтарь, где разоблачился и ушел из храма. По окончании его речи стал говорить приветствие новопоставленному епископу пр[от]о[иерея] Красницкий, в котором старался сгладить невыгодное для группы «Живая Церковь» и особенно ее руководителей, впечатление от речи ушедшего еп[ископа] Антонина. Но он должен был свое приветствие прервать: Уже более получаса стоявший на архиерейском амвоне и слушавший речи, новопоставленный епископ Константин во время приветствия пр[отоиерея] Красницкого, вдруг побледнел, покачнулся; с ним сделался обморок; его спешно отвели в алтарь, разоблачили и только при помощи врача привели в чувство. Обычного благословения народа новопоставленным епископом, таким образом, в храме не было.

Служившие епископы и прочие священнослужители ушли в алтарь. Масса народа наполняла храм. Епископ Николай (Федотов, именовавшийся Богородским) в полном облачении вышел из алтаря на амвон // (л. 221 об.) и[,] обратясь к народу, начал речь, в которой пытался разбить резкую критику «Живой Церкви», сделанную еп[ископом] Антонином[,] и дискредитировать в глазах присутствующих выступление последнего. Но его речь имела тот же результат, что и накануне за всенощной речь прот[оиерея] Сергиева о монашестве. Раздались крики: «довольно, не желаем слушать» и под[обное]. Епископ должен был кончить, уйти в алтарь и разоблачиться. Народ не расходился из храма; продолжались крики, шум, начались между присутствующими пререкания, споры. У монастырского духовенства явилось опасение, что храм неожиданно станет местом своеобразного митинга, а это обстоятельство может быть ложно перетолковано в глазах Власти и повлечет за собою самые нежелательные последствия для храма и монастыря. Это опасение вынудило монастырского протоиерея Феодора Алексинского^{xiii} обратиться к народу с просьбой не подвергать монастырь и храм, в происшедшем неповинные, опасности, перенести крики и споры за стены святого места. Народ внял его просьбе: часть вышла на площадку перед храмом, где еще долго продолжались обсуждения, крики и шум; часть перешла в соседнюю с храмом галерею, где перед Чудотворным Распятием был совершен (тем же протоиереем, при пении всех присутствующих) обычный в монастыре по воскресным дням молебен, при чем на ектениях возглашалось Имя Святейшаго Патриарха Тихона, вышеозначенными епископами при служении не возглашавшееся. Между тем епископы и протоиереи[,] не малое время пробывшие в алтаре, един по единому вышли из храма и удалились.

Такова фактическая сторона события, имевшего место в Страстном монастыре // (л. 222) 27 и 28 Августа (ст[арого] стил[я]) минувшего 1922 года.

На естественно возникающий вопрос о том, почему администрацией монастыря не поставлено было решительных препятствий служению вышеозначенных епископов и протоиереев, и духовенство монастырское не уклонилось от участия в нем, мы[,] по совести и долгу[,] отвечаем:

Не сделано этого не по сочувствию к означенным лицам, или их церковным платформам, и не по исканию от них каких либо личных выгод, а единственно по одушевлявшему нас желанию предохранить храм и монастырь от репрессий со стороны тогда полновластно распоряжавшагося в Москве Высшаго церковнаго управления. Наш монастырь безприходный: никакой опоры в виде приходскаго или Общиннаго Совета, непосредственно от В.Ц.У. независимаго и могущаго дать отпор, у нас тогда не было. Настроение против городских монастырей в правивших тогда церковных группах сказалось определенно, положение монастыря становилось непрочным, и мы, администрация и духовенство[,] решились подчиниться переданному нам распоряжению В.Ц.У., пожертвовать даже своей личной репутацией, но спасти от закрытия наш храм и монастырь. В этом мы успели: храм и монастырь остаются доселе незакрытыми, и наши богомольцы, убедившиеся в незваном, непрошеном характере появления у нас гостей, были нам же благодарны за сохранение храма и монастыря в их исконном виде^{xiv}. Считаю нужным добавить, что монастырские священнослужители после своего невольнаго участия в богослужении принесли покаяние перед своими духовными отцами, а храм через день после описаннаго служения, в праздник Страстной Божией Матери^{xv}, по обычном водоосвящении был окроплен святою водою. //

(л. 222 об.) О всем вышеизложенном почтительнейше докладывая Вашему Святейшеству, сыновне просим иметь нас впредь в Своей Святительской милости и[,] буде есть на нас вина, отечески простить.

Вашего Святейшества
нижайшие послушники,
Страс[т]ного девичьяго монастыря
Игуменя Нина
Протоиерей Петръ Соколовъ^{xvi}
Протоиерей Василий Сергиевский^{xvii}.
Протоиерей Феодор Алексинский.
Діаконъ Феодоръ Поповъ^{xviii}.
Казначея Монахиня Херувима^{xix}.
Манахиня Таисия.

РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 197. Л. 219 – 222 об. Рукописный подлинник, автограф коричневыми чернилами протоиерея Ф. Н. Алексинского (?). Формулы подписей – автографы коричневыми чернилами (вторая – черными, пятая – зелеными чернилами). На л. 219 вверху фиолетовыми чернилами рукой патриарха Тихона помета: «26 іюл[я]». Подчеркивание текста синим карандашом – читательское. Датирован по помете патриарха Тихона и датам в документе.

Примечания

ⁱ Даты 27 и 28 августа даны по юлианскому календарю, о чем говорится в конце доклада, по новому стилю это 9 и 10 сентября 1922 г., суббота и воскресенье.

ⁱⁱ Речь идет о соборе в честь Страстной иконы Богородицы, построенном в 1641–1646 гг. и перестроенном в 1778 г. Двухэтажный, пятиглавый собор монастыря имел четыре предела, два из которых находились в галерее.

ⁱⁱⁱ Серафим (Мещеряков Яков Михайлович, 1860–1933), митрополит Православной российской церкви. В 1885 г. окончил Петербургскую духовную академию. С 1898 г. – епископ Острожский, викарий Волынской епархии. С 1902 г. – епископ Полоцкий и Витебский. С 1911 г. – епископ Иркутский и Верхотурский. В 1915 г. уволен на покой. С 1918 г. – архиепископ Костромской и Галичский. В 1922 г. уклонился в раскол, один из обновленческих лидеров. С октября 1922 г. – обновленческий архиепископ Харьковский и Ахтырский. С де-

кабря 1922 г. – обновленческий архиепископ Костромской и Галичский. С мая 1924 г. – обновленческий митрополит Могилевский и Белорусский. С августа 1924 г. – обновленческий митрополит Нижегородский. В сентябре 1924 г. покаялся, принят в патриаршую Церковь в сане архиепископа. В 1924 г. арестован, отбывал наказание в Соловецком лагере. С 1927 г. – архиепископ Тамбовский. С 1928 г. – архиепископ Ставропольский. С 1932 г. – митрополит Ставропольский и Кавказский. В 1933 г. арестован, приговорен к высшей мере наказания, расстрелян [Лавринов, 2016, с. 492–493].

^{iv} Федотов Николай Владимирович (1866–1934), обновленческий митрополит. С 1921 г. – протоиерей Михаило-Архангельского собора г. Ейска, благочинный. В 1922 г. уклонился в раскол, один из обновленческих активистов. По рекомендации В. Д. Красницкого в июле 1922 г. поставлен в обновленческого епископа Новороссийского, викария Кубанской епархии. С 18 августа 1922 г. – обновленческий епископ Богородский, викарий Московской епархии. С октября 1922 г. – член обновленческого ВЦУ. С ноября 1922 г. – обновленческий архиепископ, затем митрополит Харьковский и Ахтырский. С ноября 1923 г. – обновленческий митрополит Киевский и Галицкий. С марта 1924 г. – обновленческий митрополит Ташкентский. В 1924 г. – член обновленческого Священного синода. С декабря 1927 г. – митрополит Бакинский и Закавказский. С июня 1928 г. – обновленческий митрополит Ярославский. С февраля 1929 г. – обновленческий митрополит Псковский. С июня 1930 г. – обновленческий митрополит Череповецкий. С сентября 1931 г. – обновленческий митрополит Алма-Атинский и Казахстанский. С декабря 1931 г. – обновленческий митрополит Пензенский. С февраля 1933 г. – обновленческий митрополит Ижевский. С 1933 г. на покое [Лавринов, 2016, с. 430–432].

^v Гиляровский Николай Алексеевич (1872 – после 1932), обновленческий архиепископ. В 1905 г. окончил Петербургскую духовную академию. С 1896 г. – священник Новгородской епархии, законоучитель. Овдовел. В 1922 г. уклонился в раскол. С августа 1922 г. – обновленческий епископ Бакинский. С 7 сентября 1922 г. – обновленческий епископ Павлодарский, викарий Екатеринославской епархии. С сентября 1924 г. – обновленческий архиепископ Екатеринославский. С февраля 1925 г. – обновленческий архиепископ Боровичский, викарий Новгородской епархии. С апреля 1931 г. – обновленческий архиепископ Старорусский, викарий Новгородской епархии. С 1932 г. на покое [Лавринов, 2016, с. 397–398].

^{vi} Иоанникий (Чанцев Иван Иванович, 1858–1933), епископ Православной российской церкви. В 1884 г. окончил Московскую духовную академию. В 1889 г. рукоположен в священника Московской епархии, назначен в Софийскую церковь Миусского кладбища. С 1893 г. – священник Духосошественской церкви Лазаревского кладбища. С 1896 г. – священник Воскресенской церкви Ваганьковского кладбища. С 1914 г. – священник Воскресенской церкви в Барашах. С 1916 г. – протоиерей, с 1917 г. – настоятель, благочинный одного из отделений Ивановского сорока Москвы. Овдовел. К 1922 г. находился за штатом. В 1922 г. уклонился в раскол. С июня 1922 г. – обновленческий епископ Бронницкий, викарий Московской епархии, член обновленческого Московского епархиального управления. В августе 1922 г. возведен в сан архиепископа. С октября 1922 г. – член обновленческого ВЦУ. С марта 1923 г. – обновленческий архиепископ Подольский, викарий Московской епархии. В марте 1923 г. – председатель обновленческого Московского епархиального управления. С октября 1923 г. – обновленческий архиепископ Бронницкий, викарий Московской епархии. В мае 1924 г. уволен на покой. В июле 1924 г. принес покаяние патриарху Тихону, принят в сан епископа. С 1929 г. – епископ Акмолинский, викарий Петропавловской епархии. С 1930 г. – епископ Кунгурский, викарий Пермской епархии. С 1932 г. – правящий архиерей Кунгурской епархии [Лавринов, 2016, с. 292–293].

^{vii} Красницкий Владимир Дмитриевич (1880–1936), обновленческий протопресвитер. В 1907 г. окончил Петербургскую духовную академию, священник Петербургской епархии, законоучитель. С 1912 г. – священник петроградского Князь-Владимирского собора. С 1917 г. – член Петроградской духовной консистории. В 1918–1920 гг. – лектор в Красной армии, уполно-

моченный районных советов Петрограда. С 1920 г. – священник петроградского Князь-Владимирского собора. С мая 1922 г. в обновленческом расколе, один из его организаторов и руководителей, заместитель председателя обновленческого ВЦУ. С мая 1922 г. – председатель созданной им группы «Живая церковь». С июля 1922 г. – настоятель храма Христа Спасителя в Москве. С мая 1923 г. – протопресвитер. В 1923 г. с группой «Живая церковь» отделился от обновленческой Церкви. В 1922–1926 гг. – настоятель петроградского Князь-Владимирского собора. В 1923–1925 гг. – настоятель Казанского собора. В 1926–1929 гг. – настоятель церкви Иоанна Милостивого. В 1927–1936 гг. – настоятель Серафимовской кладбищенской церкви Ленинграда [Лавринов, 2016, с. 328–329].

^{viii} Сергеев Петр Петрович (1879–1938), обновленческий митрополит. В 1903 г. окончил Новгородскую духовную семинарию. В 1904 г. рукоположен в священника Новгородской епархии, преподавал в епархиальном женском училище. С 1912 г. – епархиальный противосектантский миссионер-проповедник Воронежской епархии, законоучитель в частной гимназии. С 1918 г. – студент Воронежского государственного университета, окончил педагогический факультет. С 1922 г. – ключарь Троице-Смоленского кафедрального собора г. Воронежа. В июле 1922 г. уклонился в раскол, уполномоченный обновленческого ВЦУ по Воронежской епархии. В августе 1922 г. на Всероссийском съезде «Живой церкви» выступил с докладом «О брачном белом епископате». В марте 1923 г. в брачном состоянии поставлен в обновленческого епископа Воронежского. С апреля 1923 г. – обновленческий архиепископ. С мая 1923 г. – член обновленческого ВЦС. С августа 1923 г. – член обновленческого Священного синода. С ноября 1923 г. – обновленческий архиепископ Гомельский. С мая 1924 г. – обновленческий архиепископ Курский. С февраля 1925 г. – обновленческий архиепископ Самарский. С марта 1925 г. – обновленческий архиепископ Саратовский, затем – обновленческий митрополит Бакинский, управляющий Закавказским митрополитанским округом. В 1925–1927 гг. – временно управлял обновленческими Тифлисской и Сухумской епархиями. В 1925 г. – заведующий административным отделом обновленческого Священного синода. С февраля 1927 г. – обновленческий митрополит Ростовский-на-Дону, управляющий Северокавказской митрополией. С 1934 г. – обновленческий митрополит Азовско-Черноморский. В сентябре 1937 г. арестован, приговорен к высшей мере наказания, расстрелян [Лавринов, 2016, с. 469–470].

^{ix} «Живая церковь» – обновленческая церковная группа, существовавшая с 1922 по 1936 г. Организатором и главой ее был один из обновленческих лидеров – священник В. Д. Красницкий. С мая 1922 г. объединяла практически всё обновленчество. После создания в августе 1923 г. единой обновленческой Церкви отделилась от нее. «Живая церковь» была организована по принципу партии, имела свой ЦК и отделения на местах. В 1922–1923 гг. выпускала журнал «Живая Церковь».

^x Нина (Закатова Наталья Сергеевна), игумения, настоятельница московского Страстного девичьего монастыря Православной российской церкви. Окончила Филаретовское епархиальное женское училище. В 1894 г., будучи рясофорной послушницей, стала учителем первой в Москве бесплатной Ксениевской церковно-приходской школы для девочек при Страстном монастыре. В 1914 г. в справочнике «Вся Москва» значится казначеей монастыря. Как настоятельница монастыря приглашена в качестве эксперта в отдел о монастырях и монашестве Поместного собора 1917–1918 гг., принимала участие в соборных дискуссиях. О выявленных в Центральном государственном архиве г. Москвы (ЦГАМ) ее ведомости 1901 г. и послужных списках 1914 и 1915 гг. см.: [Насельники..., 2015, с. 435].

^{xi} Высшее церковное управление (ВЦУ) – главный орган власти и управления в обновленческом расколе в 1922–1923 гг. Оно было создано 18 мая 1922 г. «прогрессивной» группой петроградского, московского и саратовского духовенства при поддержке ГПУ. На следующий день после организации его возглавил епископ Антонин (Грановский), одним из двух его заместителей стал священник В. Д. Красницкий. С октября 1922 г. стало коалиционным органом, в который входили на паритетных началах представители трех основных обнов-

ленческих групп. ВЦУ работало на подворье Троице-Сергиевой лавры в Москве. В мае 1923 г. на обновленческом Поместном соборе вместо ВЦУ был учрежден Высший церковный совет [Соловьев, 2005].

^{xii} Запрудский Константин Федорович (1874–1930), обновленческий епископ. В 1899 г. окончил Казанскую духовную академию. В 1899 г. рукоположен в священника Московской епархии, назначен к Скорбященской церкви на Калитниковском кладбище. Овдовел. В 1922 г. уклонился в раскол. В московском Страстном монастыре 10 сентября 1922 г. поставлен в обновленческого епископа Витебского и Полоцкого. С февраля 1923 г. – обновленческий епископ Рыльский, с 1924 г. в статусе викария курской епархии. С января 1925 г. – обновленческий епископ Нижнечирский, викарий Царицынской епархии. С января 1926 г. – обновленческий епископ Ленинский, викарий и временный управляющий Сталинградской епархией. С мая 1926 г. – временно управляющий обновленческой Ирбитской и Туринской епархией. С сентября 1926 г. – обновленческий епископ Ишимский. С февраля 1928 г. на покое [Лавринов, 2016, с. 317].

^{xiii} Алексинский Федор Николаевич (1875–1937), протоиерей Московской епархии Православной российской церкви, священномученик. В 1900 г. окончил Московскую духовную академию. С 1900 г. – учитель в Краснохолмском духовном училище Тверской епархии. С 1909 г. – священник московского Страстного монастыря. В 1928–1931 гг. – священник московской церкви Знамения на Каретной улице. В 1931 г. арестован, находился в тюремном заключении. До 1934 г. находился в ссылке в г. Котлас Северного края. Не ранее 1934 г. – священник церкви великомученика Дмитрия Солунского в с. Ивакино Уваровского района Московской области. В 1937 г. арестован, приговорен к высшей мере наказания, расстрелян. В 2000 г. юбилейным Архиерейским собором Русской православной церкви причислен к лику святых. О выявленных в ЦГАМ его послужных и наградных списках 1909, 1910, 1919, 1922 и 1923 гг. см.: [Священно-церковнослужители..., 2013, с. 14].

^{xiv} Московский необщезначительный 3 класса Страстной девичий монастырь был упразднен в 1919 г. Несмотря на это, обитель продолжала существовать и дальше, до 1924 г. на ее территории проживали монахини. Она была окончательно ликвидирована в 1928 г. После ее упразднения в 1919 г. в монастырских зданиях размещались поочередно военкомат, общежитие студентов Коммунистического университета трудящихся Востока, Центрархив и Центральный антирелигиозный музей. В 1937 г. храмы и постройки Страстного монастыря были разобраны.

^{xv} В докладе допущена ошибка: празднование в честь Страстной иконы Божией Матери совершается 26 августа по новому стилю в память о перенесении ее в Москву, а также в шестое воскресенье после Пасхи – в память о чудесных исцелениях от этой иконы.

^{xvi} Соколов Петр Иванович, протоиерей Московской епархии Православной российской церкви. Окончил Московскую духовную семинарию. В 1890 г. в Московском адрес-календаре значится диаконом в монастыре. В 1914 г. в справочнике «Вся Москва» – священником. О выявленных в ЦГАМ его послужных списках 1900 и 1916 гг. см.: [Священно-церковнослужители..., 2013, с. 310].

^{xvii} Сергиевский Василий Николаевич (?–1926), протоиерей Московской епархии Православной российской церкви. Окончил Московский государственный университет. В 1890 г. в Московском адрес-календаре значится диаконом в монастыре. В 1914 г. в справочнике «Вся Москва» – священником. О выявленных в ЦГАМ его послужных списках 1900 и 1910 гг. см.: [Священно-церковнослужители..., 2013, с. 277].

^{xviii} Попов Федор Александрович (1880–?), диакон Московской епархии Православной российской церкви. Окончил Вифанскую духовную семинарию. В 1914 г. в справочнике «Вся Москва» значится диаконом в монастыре. О выявленных в ЦГАМ его послужных списках 1907 и 1910 гг. см.: [Священно-церковнослужители..., 2013, с. 237].

^{xix} Херувима (Куликова Евдокия Васильевна), монахиня, казначея московского Страстного девичьего монастыря Православной российской церкви. О выявленных в ЦГАМ ее ведомости 1901 г. и послужном списке 1915 г. см.: [Насельники..., 2015, с. 436].

Список литературы

- Кузнецов А. И.** Обновленческий раскол в Русской Церкви // «Обновленческий» раскол (материалы для церковно-исторической и канонической характеристики). М., 2002. С. 129–605.
- Лавринов В., протоиерей.** Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М.: Об-во любителей церковной истории, 2016. 736 с.
- Левитин А., Шавров В.** Очерки по истории русской церковной смуты. Москва; Küssnacht: Крутицкое патриаршее подворье, Institut Glaube in der 2. Welt, 1996. 672 с.
- Митрофан (Шкурин), игумен.** «Антирелигиозные мудрецы» против Патриарха Тихона (к истории деятельности Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б) в 1922–1925 гг.) // Альфа и Омега. 2006. № 1 (45). С. 115–137.
- Насельники монастырей Московской епархии первой четверти XX столетия. М.: Булат, 2015. 496 с.
- Сафонов Д., священник.** Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России, и его время. М.: Фонд сохранения духовно-нравственной культуры «Покров», 2013. 701 с.
- Священно-церковнослужители и ктитория Московской епархии первой трети XX столетия. Тверь: Булат, 2013. 416 с.
- Соловьев И., диакон.** Высшее церковное управление // Православная энциклопедия. М., 2005. Т. 10. С. 104–106.
- Цыпин В., протоиерей, Иннокентий (Павлов), игумен.** Антонин (Грановский) // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 682–684.
- Шиленок Д., священник.** Из истории Православной Церкви в Белоруссии (1922–1939) («Обновленческий» раскол в Белоруссии). М.: Крутицкое патриаршее подворье, Об-во любителей церковной истории, 2006. 224 с.

Список источников

- Арсений (Стадницкий), митрополит.** Дневник: 1903–1905. М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. Т. 3. 464 с.
- Арсений (Стадницкий), митрополит.** Дневник: 1906. М.: Изд-во ПСТГУ, 2019. Т. 4. 496 с.
- Бенуа А. Н.** Мои воспоминания. М.: Наука, 1993. Т. 2. 752 с.
- Волков С. А.** Возле монастырских стен. Мемуары. Дневники. Письма. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2000. 608 с.
- Евлогий (Георгиевский), митрополит.** Путь моей жизни. Воспоминания. М.: Московский рабочий, Изд. отдел Всецерковного православного молодежного движения, 1994. 621 с.
- Проханов И. С.** В котле России, 1869–1933: Автобиография И. С. Проханова, основателя и почетного президента Всероссийского Союза Евангельских Христиан. Chicago: Издатель Всемирный союз евангельских христиан, 1992. 263 с.

References

- Kuznetsov A. I.** Obnovlencheskii raskol v Russkoi Tserkvi [Renovationist Schism in the Russian Church]. In: “Obnovlencheskiy” raskol (materialy dlya tserkovno-istoricheskoi i kanonicheskoi kharakteristiki) [“Renovationist” Schism (Materials for Church-Historical and Canonical Characteristics)]. Moscow, 2002, pp. 129–605. (in Russ.)

- Lavrinov V., archpriest.** Obnovlenneskii raskol v portretakh ego deyatelei [Renovationist Schism in the Portraits of its Figures]. Moscow, Obshchestvo lyubitelei tserkovnoi istorii, 2016, 736 p. (in Russ.)
- Levitin A., Shavrov V.** Ocherki po istorii russkoi tserkovnoi smuty [Essays on the History of the Russian Church Turmoil]. Moscow, Krutitskoe patriarshee podvor'e; Küsnacht, Institut Glaube in der 2. Welt, 1996, 672 p. (in Russ.)
- Mitrofan (Shkurin), abbot.** "Antireligioznye mudretsi" protiv Patriarkha Tikhona (k istorii deyatel'nosti Antireligioznoi komissii pri TSK RKP(b) v 1922–1925 gg.) ["Anti-Religious Wise Men" against Patriarch Tikhon (on the History of the Activities of the Anti-Religious Commission under the Central Committee of the RCP(b) in 1922–1925)]. *Al'fa i Omega [Alpha and Omega]*, 2006, no. 1 (45), pp. 115–137. (in Russ.)
- Nasel'niki monastyrei Moskovskoi eparkhii pervoi chetverti XX stoletiya [Inhabitants of the Monasteries of the Moscow Diocese in the 1st Quarter of the 20th Century]. Moscow, Bulat, 2015, 496 p. (in Russ.)
- Safonov D., priest.** Svyatitel' Tikhon, patriarkh Moskovskii i vseya Rossii i ego vremya [Sainted Tikhon, Patriarch of Moscow and All Russia and His Time]. Moscow, Fond sokhraneniya dukhovno-nravstvennoi kul'tury "Pokrov", 2013, 701 p. (in Russ.)
- Shilenok D., priest.** Iz istorii Pravoslavnoi Tserkvi v Belorussii (1922–1939) ("Obnovlenneskii" raskol v Belorussii) [From the History of the Orthodox Church in Belarus (1922–1939) ("Renovationist" Schism in Belarus)]. Moscow, Krutitskoe patriarshee podvor'ye, Obshchestvo lyubitelei tserkovnoi istorii, 2006, 224 p. (in Russ.)
- Solovyev I., deacon.** Vysshee tserkovnoe upravlenie [Higher Church Administration]. In: Pravoslavnyaya entsiklopediya [The Orthodox Encyclopedia]. Moscow, 2005, vol. 10, pp. 104–106. (in Russ.)
- Svyashchenno-tserkovnosluzhiteli i ktitory Moskovskoi eparkhii pervoi treti XX stoletiya [Priests and Churchwardens of the Moscow Diocese of the 1st Third of the 20th Century]. Tver, Bulat, 2013, 416 p. (in Russ.)
- Tsypin V., archpriest, Innokenty (Pavlov), abbot.** Antonin (Granovskii) [Antonin (Granovsky)]. In: Pravoslavnyaya entsiklopediya [The Orthodox Encyclopedia]. Moscow, 2001, vol. 2, pp. 682–684. (in Russ.)

List of Sources

- Arseny (Stadnitsky), Metropolitan.** Dnevnik: 1903–1905 [Diary: 1903–1905]. Moscow, Izdatel'stvo Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta, 2015, vol. 3, 464 p. (in Russ.)
- Arseny (Stadnitsky), Metropolitan.** Dnevnik: 1906 [Diary: 1906]. Moscow, Izdatel'stvo Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta, 2019, vol. 4, 496 p. (in Russ.)
- Benois A. N.** Moi vospominaniya [My Memories]. Moscow, Nauka, 1993, vol. 2, 752 p. (in Russ.)
- Eulogius (Georgievsky), Metropolitan.** Put' moei zhizni. Vospominaniya [The Path of My Life. Memoirs]. Moscow, Moskovskii rabochii, Izdatel'skii otel Vsetserkovnogo pravoslavnogo molodezhnogo dvizheniya, 1994, 624 p. (in Russ.)
- Prokhanov I. S.** V kotle Rossii, 1869–1933. Avtobiografiya I. S. Prokhanova, osnovatelya i pochetnogo prezidenta Vserossiiskogo Soyuza Yevangel'skikh Khristian [In the Cauldron of Russia, 1869–1933. Autobiography of I. S. Prokhanov, Founder and Honorary President of the All-Russian Union of Evangelical Christians]. Chicago, Publisher World Union of Evangelical Christians, 1992, 263 p. (in Russ.)
- Volkov S. A.** Vozle monastyr'skikh sten. Memuary. Dnevniki. Pis'ma [Near the Monastery Walls. Memoirs. Diaries. Letters]. Moscow, Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury, 2000, 608 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Станислав Геннадьевич Петров, кандидат исторических наук, доцент
Scopus 57224200938

Information about the Author

Stanislav G. Petrov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor
Scopus 57224200938

*Статья поступила в редакцию 15.03.2021;
одобрена после рецензирования 12.04.2021; принята к публикации 26.04.2021
The article was submitted 15.03.2021;
approved after reviewing 12.04.2021; accepted for publication 26.04.2021*

Список сокращений

АМГК	–	Архив Московской государственной консерватории, Москва
ВДИ	–	Вестник древней истории, Москва
ГАОО	–	Государственный архив Амурской области, Благовещенск
ГАПК	–	Государственный архив Приморского края, Владивосток
ГАРФ	–	Государственный архив Российской Федерации, Москва
ГАХК	–	Государственный архив Хабаровского края, Хабаровск
ДАОО	–	Державний архів Одеської області, Одесса
ДВФУ	–	Дальневосточный федеральный университет, Владивосток
КСИА	–	Краткие сообщения Института археологии, Москва
РГАДА	–	Российский государственный архив древних актов, Москва
РГАЛИ	–	Российский государственный архив литературы и искусства, Москва
РГАНИ	–	Российский государственный архив новейшей истории, Москва
РГАСПИ	–	Российский государственный архив социально-политической истории, Москва
РГАЭ	–	Российский государственный архив экономики, Москва
РГИА	–	Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург
ЦГАМ	–	Центральный государственный архив г. Москвы

Информация для авторов

В «Вестнике НГУ. Серия: История, филология» по направлению «История» публикуются материалы, соответствующие основным разделам журнала: «Всеобщая история», «Российская история», «Историография. Источниковедение», «Документальные страницы», «Рецензии», «Научная информация».

Сроки выхода журнала: январь-февраль (№ 1) и октябрь-ноябрь (№ 8) каждого календарного года. Прием материалов для публикации в № 1 осуществляется с мая по октябрь, в № 8 – с ноября по апрель каждого календарного года. Рукописи, поступившие в редколлегию после определенного в требованиях срока формирования выпуска, не принимаются к рассмотрению (о чем уведомляется автор) или, по желанию автора, передаются на хранение в редакционный портфель до наступления сроков формирования следующего выпуска.

С требованиями к оформлению текстов можно ознакомиться на официальном сайте издания: <http://vestnik.nsu.ru/historyphilology/history-requirements>.

Материалы, предоставляемые для публикации, должны иметь следующий объем.

Статьи: до 1 авторского листа (40 тыс. знаков с пробелами и учетом всех сносок), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм = 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков).

Документальные публикации: до 1 а. л., в том числе вводная статья – до 0,25 а. л. (10 тыс. знаков) и примечания. В примечаниях дается информация о встречающихся в тексте источника именах, неизвестных или малоупотребительных названиях и терминах специального характера.

Рецензии и Научная информация: до 0,4 а. л. (16 тыс. знаков).

Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после согласования с ответственным редактором, а к публикации – по решению редколлегии.

Материалы для публикации подаются в электронном виде. Все файлы необходимо загружать на официальный сайт журнала (<http://vestnik.nsu.ru/historyphilology>), зарегистрировавшись в качестве автора, в соответствии с приведенной на сайте инструкцией. Там же можно ознакомиться с последними опубликованными номерами журнала.

К рукописи отдельным файлом необходимо приложить полное указание Ф. И. О., сведений об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы, а также номер контактного телефона и электронный адрес автора.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Адрес редакционной коллегии

Новосибирский государственный университет
кафедра отечественной истории, кафедра всеобщей истории
(ауд. 1260 нового учебного корпуса)
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (383) 363 42 26
E-mail: history@vestnik.nsu.ru